

Карлос Руис

ЕДФОН

Узник Неба

Annotation

Барселона, конец 1950-х. Даниель Семпере, уже знакомый читателю по роману «Тень ветра», по-прежнему владеет букинистической лавкой, в которой работает его друг Фермин. Но чем дальше, тем яснее становится Даниелю, что Фермина что-то тревожит... Так начинается поразительная, трагическая и захватывающая история третьего романа из знаменитого цикла Сафона «Кладбище Забытых Книг»...

- [Кладбище Забытых Книг](#)

-

- [Часть первая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [Часть вторая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [Часть третья](#)

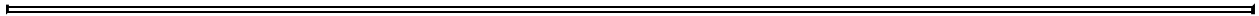
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [Часть четвертая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [Часть пятая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Эпилог](#)
- [Об авторе и его книгах](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

Кладбище Забытых Книг

Настоящая книга относится к циклу романов, объединенных литературным пространством Кладбища Забытых Книг. Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением.

Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

Тень ветра
Игра ангела
Узник неба

— Карлос Луис —

ГДФФОН

Узник
Неба

Я всегда знал, что однажды вернусь в этот город, чтобы рассказать историю жизни человека, утратившего имя и душу в сумраке Барселоны, погруженной в кошмарный сон эпохи пепла и молчания. Эти страницы написаны огнем под сенью города проклятых. Они написаны словами, высеченными в памяти человека, восставшего из мертвых с обетом в сердце и ценой проклятия. Занавес поднимается, зрительный зал затихает, и прежде чем теларии опустят тень, распластавшую крылья над его судьбой, на сцену выходит сонм белых духов с весельем на устах. В благословенной своей невинности они верят, что в третьем акте наступит развязка. Они играют спектакль, рождественскую сказку, не догадываясь, что после того, как будет перевернута последняя страница, дуновение тьмы увлечет героя медленно и неизбежно в пучину мрака.

Хулиан Каракс, «Узник Неба»

(Издательство «Люмьер», Париж, 1992)

Часть первая

Рождественская сказка

Барселона, декабрь 1957 года

В канун Рождества рассветы больше напоминали сумерки, дни занимались серые, словно облитые свинцом и подернутые флером инея. Полумрак окрашивал город в сизый цвет, пешеходы спешили по улицам, кутаясь до бровей в теплые пальто, своим дыханием прокладывая туманные тропинки в морозном воздухе. Очень немногие прохожие задерживались у витрины букинистического магазинчика «Семпере и сыновья», и еще меньше было смельчаков, осмелившихся войти, чтобы спросить заветную заблудившуюся книгу. И если оставить лирику и обратиться к суровой прозе жизни, такая покупка могла бы поправить шаткое материальное положение нашей книжной лавочки.

— Думаю, сегодня нас ждет удачный день. Судьба изменится к лучшему, — объявил я, воодушевленный первой утренней чашечкой кофе, ибо этот напиток являет собой саму бодрость и оптимизм в разжиженном виде.

Отец, с восьми утра сражавшийся с бухгалтерской книгой и мухлевавший потихоньку с помощью карандаша и ластика, поднял голову над прилавком. С печалью провожая взглядом потенциальных покупателей, которые проносились мимо витрины и исчезали вдаль со скоростью ветра, он вздохнул:

— Да услышат тебя небеса, Даниель. Если дела будут идти так и дальше, мы проиграем рождественскую кампанию и в январе не сможем заплатить даже за электричество. Нужно срочно что-то придумать.

— Вчера Фермина осенила блестящая мысль, — сообщил я. — Он считает, что изобрел гениальный план по спасению магазина от неминуемого банкротства.

— Господи, пронеси.

Я процитировал своего друга дословно:

— Может, если хорошенько разукрасить витрину мужским исподним, нам удастся заманить и убедить потратиться какую-нибудь экзальтированную дамочку, любительницу любовной литературы и острых ощущений. Сведущие люди говорят, что будущее литературы в руках женщин, и хвала Господу, что еще лишь предстоит родиться рабе Божьей, которая будет способна сопротивляться земным влечениям своего

возвышенного тела, — с чувством продекламировал я.

У меня за спиной со стуком упал на пол отцовский карандаш. Я повернулся и добавил:

— Фермин dixit.^[1]

Я полагал, что отца повеселит оригинальная придумка Фермина. Однако отец не издал ни звука, и, не дождавшись отклика, я с интересом покосился на него. Семпере-старшему забавный план Фермина явно не показался нелепым и, более того, поверг его в глубокую задумчивость. Отец сидел с таким видом, словно собирался отнестись к нему всерьез.

— Ну и ну, пожалуй, Фермин попал в точку, — пробормотал он.

Я недоверчиво воззрился на него. Напрашивалась мысль, что финансовая засуха, терзавшая нас последние недели, все-таки повредила рассудок моего родителя.

— Только не говори, что ты позволишь мне шастать в подштанниках по магазину.

— Нет-нет, я не о белье. Я имею в виду витрину. Заговорив об украшении витрины, ты подал мне хорошую мысль. Возможно, мы еще успеем спасти рождественские продажи.

Я оторопело наблюдал, как он поспешно скрылся в подсобном помещении магазина и вскоре появился вновь, облаченный в свою парадную зимнюю униформу. В экипировку входили неизменные пальто, шарф и шляпа, памятные мне еще с детства. Беа не раз высказывала подозрения, что отец не покупал себе одежду с 1942 года. Судя по всему, моя жена не ошибалась. Натягивая перчатки, отец рассеянно улыбался, и глаза его горели детским восторгом. Как правило, столь бурный энтузиазм вызывали у него лишь грандиозные начинания.

— Я оставлю тебя ненадолго, — предупредил он. — Хочу отлучиться по делам.

— Можно узнать, куда ты собрался?

Отец подмигнул:

— Сюрприз. Скоро сам узнаешь.

Я проводил отца до двери и видел, как он решительным шагом направился к перекрестку с улицей Врата Ангела, влившись в серый поток пешеходов, тяжело кативший свои волны сквозь зиму — еще одну долгую зиму, окутанную тенью и припорошенную пеплом.

Оставшись в одиночестве, я не мог упустить столь благоприятный случай и включил радио. Я не прочь побаловать себя хорошей музыкой, переставляя по своему усмотрению книги на полках. Но мой отец считал дурным тоном, если в магазине, где находились покупатели, звучало радио. Если же я включал приемник в присутствии Фермина, тот принимался напевать саэты,^[2] оседлав любую мелодию, или, того хуже, пускался в пляс, передающий, как он выражался, «чувственные карибские ритмы», чем доводил меня до белого каления. Учитывая все эти отягчающие обстоятельства, я пришел к выводу, что мне следует умерить свою тягу к прекрасному. Иными словами, я мог наслаждаться радиоэфиром лишь в те считанные минуты, когда в торговом зале не оставалось ни души — кроме меня и десятков тысяч книг.

Радиостанция «Барселона» транслировала в то утро запись великолепного концерта, который ровно три года назад играл трубач (!) Луи Армстронг со своим оркестром в гостинице «Виндзор палас» на проспекте Диагональ. Запись эта была сделана нелегально каким-то коллекционером-любителем. В рекламных паузах диктор силился интерпретировать музыкальный язык «жасса» (то есть джаза), предупреждая, что отдельные импровизированные синкопы могут оказаться трудными для восприятия и резать слух отечественным слушателям, чей вкус формировался под влиянием тонадиллы, болеро и новых песен в стиле йе-йе, весьма ныне популярных и часто звучавших в эфире.

Фермин частенько повторял, что если бы дон Исаак Альбенис родился черным, джаз изобрели бы в Кампродоне,^[3] как и галеты в жестяной коробке. По его мнению, джаз наравне с бюстгальтерами-конусами (в каких щеголяла обожаемая им Ким Новак в некоторых своих картинах, мы посмотрели их все на утренних сеансах в кинотеатре «Фемина») принадлежал к числу весьма ограниченного количества достижений человечества в XX столетии. И я не имел причин ему возражать.

До середины дня я сибаритствовал, наслаждаясь великолепной музыкой и волшебным запахом книг. Меня охватило чувство приятного покоя и удовлетворения, какое приносит обычно работа, выполненная на совесть.

Фермин взял с утра отгул, чтобы, по его словам, закончить предварительную подготовку к свадьбе с Бернадой, которая была

назначена на начало февраля. Впервые он заговорил о женитьбе всего две недели назад, и мы дружно сказали ему, что он слишком торопится, а спешка до добра не доводит. Отец попытался убедить его отложить бракосочетание хотя бы месяца на два-три, доказывая, что свадьбы полагается играть летом, в теплую погоду. Однако Фермин упорно не желал менять дату, ссылаясь на то, что он, как человек, продубленный сухим зноем нагорий Эстремадуры, начинает истекать потом с наступлением на средиземноморском побережье лета, по его определению — субтропического. Как он заявил, ему совсем не улыбалось праздновать свою свадьбу с мокрыми пятнами размером с яичницу под мышками.

Я начал склоняться к мысли, что произошло, должно быть, нечто экстраординарное, если Фермин с юношеским пылом рвался под венец. Тот самый Фермин Ромеро де Торрес, который являлся воплощением гражданского сопротивления Святой Матери Церкви, ревностному благочестию и благопристойности, процветавшим в Испании пятидесятых годов, исправно слушавшей мессу и послушно смотревшей выпуски официальной кинохроники. В предсвадебном угаре Фермин дошел до крайности, подружившись с новым настоятелем церкви Санта-Ана доном Хакобо. Этот священник, уроженец Бургоса, отличался фривольными взглядами и повадками отставного боксера. Фермин ухитрился заразить его своей необузданной страстью к домино. По воскресеньям после мессы они стучали костяшками по выдавшей виды стойке в баре «Адмирал». Священник от души хохотал, когда мой друг, пропустив рюмочку-другую ароматного ликера, дотошно допытывался у него, точно ли у монашек есть ляжки, а если все-таки ляжки имеются, правда ли, что они столь нежные и аппетитные, как он воображал в отрочестве.

— Вы добьетесь того, что вас отлучат от церкви, — увещевал Фермина мой отец. — Монахиням нельзя строить глазки, их не полагается трогать.

— Но парень-то почти такой же озорник, как и я, — оправдывался Фермин. — Эх, если бы не сутана...

Я как раз вспоминал этот разговор, подпевая трубе маэстро Армстронга, когда послышалось холодноватое позвякивание колокольчика, висевшего над входной дверью. Я поднял голову, приготовившись встретить отца, вернувшегося из своего тайного паломничества, или Фермина, готового заступить на вахту.

— Добрый день, — раздался с порога глухой, надтреснутый голос.

В дверном проеме, заполненном дневным светом с улицы, силуэт гостя напоминал ствол дерева, исковерканный ветром. Посетитель был одет в темный костюм старомодного покроя и опирался на трость, являя собой фигуру мрачную и зловещую. Он прошел вперед, заметно хромя. Небольшая настольная лампа, стоявшая на прилавке, осветила лицо, изборожденное временем. Посетитель изучал меня некоторое время, неторопливо оценивая. Цепкий взгляд придавал ему сходство с хищной птицей, терпеливой и расчетливой.

— Вы сеньор Семпере?

— Меня зовут Даниель. Сеньор Семпере — мой отец, но его сейчас нет. Я могу вам чем-то помочь?

Посетитель проигнорировал вопрос и принялся расхаживать по магазину, изучая его пядь за пядью с торгашеским любопытством, граничившим с алчностью. Донимавшая его тяжелая хромота невольно побуждала строить предположения, насколько серьезные увечья скрывались под одеждой.

— Память о войне, — проронил незнакомец, словно прочитав мои мысли.

Я с интересом наблюдал за блужданиями посетителя по магазину, уже догадываясь, где он бросит якорь. Как я и предполагал, незнакомец остановился у застекленной витрины из черного дерева. Это антикварное изделие мы считали реликвией, ибо первые упоминания о нем восходили к началу существования магазина в его первой инкарнации. В 1888 году мой прадедушка Семпере — в то время молодой человек, только вернувшийся из странствий по Карибскому архипелагу и отказавшийся от полной приключений карьеры «индейца», — взял займы денег для покупки старой галантерейной лавочки, чтобы превратить ее в букинистический магазин. Старинный шкафчик служил у нас как бы доской почета, где мы обычно хранили самые ценные издания.

Посетитель подошел к витрине так близко, что его дыхание затуманило стекло. Вынув очки, он поднес их к глазам и принялся внимательно изучать содержимое полок. Повадками он напомнил мне ласку, которая плотоядно обнюхивает свеженькие яйца в курятнике.

— Красивая вещь, — пробормотал гость. — Должно быть, стоит немало?

— Это семейная реликвия, и в этом прежде всего состоит для нас ее ценность, — ответил я. Меня покорило меркантильный подход и поведение этого странного посетителя: казалось, взглядом он рассчитывал даже стоимость воздуха, которым мы дышали. Вскоре он убрал очки и промолвил скучным тоном:

— Как я слышал, у вас работает некий сеньор, известный остро слов?

Поскольку я задержался с ответом, он повернулся и одарил меня тем выразительным взглядом, встретившись с которым человек может легко в одночасье поседеть.

— Вы, наверное, поняли, что я нахожусь тут один. Если ваша милость назовет заглавие книги, которую хотели бы приобрести, я охотно ее поищу.

Незнакомец выстрелил в ответ улыбкой, выражавшей что угодно, но только не дружелюбие, и кивнул:

— Я заметил, что на вашей драгоценной витрине стоит экземпляр «Графа Монте-Кристо».

Он был не первым покупателем, кто обратил внимание на эту библиографическую редкость. И я скормил ему дежурный текст, заготовленный у нас для подобных случаев:

— У сеньора хороший вкус. Речь об издании великолепном, раритетном, с вклеенными иллюстрациями Артура Рэкхема.^[4] Оно поступило к нам из личного собрания известного мадридского коллекционера. Книга воистину уникальна и внесена во все значимые каталоги.

Посетитель равнодушно слушал меня, сосредоточенно изучая рисунок волокон черного дерева на дверцах витрины, ясно давая понять, что мои речи его утомляют.

— По мне, так все книги одинаковы, но мне нравится синий цвет ее обложки, — пренебрежительно обронил он. — Я ее беру.

В иных обстоятельствах я запрыгал бы от восторга, окрыленный перспективой всучить покупателю, пожалуй, самую дорогую книгу в магазине. Но мне почему-то претила мысль, что чудесное издание окажется в руках типа, от одного вида которого меня передергивало. Внутренний голос подсказывал, что если книга сейчас покинет эти стены, то канет в небытие, и больше никто ее никогда не откроет.

— Издание очень дорогое. Если угодно, я могу показать другие выпуски этого романа, они находятся в прекрасном состоянии и продаются по умеренной цене.

Люди с мизерной душой норовят унижить других, в свою очередь представляя их духовными карликами. Незнакомец, чья душа, по моим

ощущениям, могла бы легко уместиться на острие булавки, облил меня жгучим презрением.

— У них тоже синяя обложка, — добавил я.

Он оставил без внимания дерзость моей иронии.

— Нет, благодарю. Я хочу именно эту книгу. Цена меня не волнует.

Я кивнул и неохотно приблизился к витрине, достал ключ, открыл застекленную дверцу. Спиной я чувствовал колющий взгляд незнакомца.

— Все хорошее всегда оказывается под замком, — заметил тот вполголоса.

С глубоким вздохом я взял томик с полки.

— Вы коллекционер, сеньор?

— Можно сказать и так. Впрочем, я не библиофил.

Я повернулся к нему с книгой в руках.

— Что сеньор собирает?

Незнакомец опять проигнорировал мои слова и протянул руку за книгой. Я стойко боролся с охватившим меня желанием вернуть издание в шкаф и выбросить ключ. Отец не простил бы, если бы я сорвал выгодную продажу, учитывая, в какой финансовой дыре мы очутились ныне.

— Издание стоит тридцать пять песет, — заявил я с вызовом, оттягивая момент расставания с книгой. В глубине души я надеялся, что высокая цена заставит неприятного незнакомца отказаться от покупки.

Покупатель кивнул и, не моргнув глазом, вытащил банковский билет достоинством в сто песет из кармана костюма, не стоившего, наверное, даже дура. У меня закрались сомнения, что банкнота настоящая.

— Боюсь, у меня нет сдачи с такой крупной купюры, сеньор.

Я мог бы предложить незнакомцу подождать, пока я сбегаю в ближайший банк, чтобы разменять деньги и заодно убедиться, что они не фальшивые, однако мне не хотелось оставлять его в магазине без присмотра.

— Не волнуйтесь. Деньги настоящие. Знаете, как это проверить? — Незнакомец поднял банкноту и посмотрел на свет. — Видите водяные знаки? И полосы. Текстура...

— Сеньор разбирается в фальшивках?

— В этом мире фальшиво все, молодой человек. Все, кроме денег.

Он вложил банкноту мне в руку и, сомкнув мою ладонь в кулак, слегка похлопал по нему.

— Сдачу примите в счет моего следующего визита, — сказал он.

— Это очень большая сумма, сеньор. Шестьдесят пять песет...

— Мелочь.

— В любом случае я напишу вам расписку.

— Я вам верю.

Незнакомец с безразличной миной полистал книгу.

— Я купил книгу в подарок и хочу попросить вас вручить ее указанному лицу.

Я замялся:

— Обычно мы не развозим покупки, но в вашем случае с удовольствием доставим бандероль по нужному адресу. Можно уточнить, получатель живет здесь, в Барселоне, или?..

— Именно тут, — процедил он.

В ледяном взгляде тенью проскользнула застарелая черная злоба.

— Сеньор не желает сделать дарственную надпись или приложить визитную карточку прежде, чем я упакую книгу?

Покупатель неловко раскрыл роман на титульной странице. Лишь тогда я заметил, что вместо левой руки у него протез, раскрашенная фарфоровая имитация кисти. Незнакомец достал авторучку и черкнул пару строк. Потом он вернул мне книгу и, развернувшись вполоборота, заковылял к выходу. Я с недоумением смотрел ему вслед.

— Не будете ли вы так любезны назвать мне имя вашего друга и адрес, по которому необходимо доставить подарок? — спросил я вдогонку.

— Там все найдете, — отозвался он, не потрудившись остановиться.

Я открыл книгу на странице, где незнакомец оставил автограф:

Фермину Ромеро де Торрес, который восстал из мертвых и хранит ключ от будущего.

В этот миг звякнул дверной колокольчик, и я встrepенулcя — незнакомец ушел.

Я поспешил к двери и выглянул на улицу. Покупатель удалялся, сильно хромя и помалу сливаясь с силуэтами, бороздившими плотные слои сизого тумана, пеленой висевшего над улицей Санта-Ана. Я собрался было окликнуть незнакомца, но вовремя придержал язык. Правильнее и проще всего было позволить ему уйти подобру-поздорову, однако интуиция, а также склонность к опрометчивым поступкам и безрассудство одержали надо мной верх.

Я повесил на дверь табличку «Закрыто» и повернул ключ в замке, исполненный решимости проследить за незнакомцем в толпе, понимая, что это сулит мне неприятности. Отец, рискнувший оставить на меня магазин, да еще в разгар кризиса продаж, наверняка сделал бы мне выговор, обнаружив по возвращении, что я дезертировал с поста. Но я надеялся, что успею придумать по дороге приемлемое оправдание. Из двух зол я выбрал меньшее, решив, что легче стерпеть ворчание отца, чем гложащее беспокойство, овладевшее мной при встрече со страшным калеккой. Моя тревога усиливалась от того, что я не мог знать, какие именно счета были у незнакомца с Фермином.

У продавца книг в силу его профессии очень мало возможностей освоить на практике тонкое искусство слежки за подозрительным типом, оставаясь при этом незамеченным. При условии, что большая часть покупателей не принадлежит к числу злостных должников, чаще всего свои познания он черпает из собраний полицейских рассказов и романов (по песете за штуку), заполняющих полки в его магазине. Сутана не сделает человека священником, тогда как преступление или подозрительное происшествие способны мгновенно превратить его в детектива, особенно если он — любитель криминальных историй.

Следуя по пятам за незнакомцем в сторону бульвара Рамбла, я старательно вспоминал основные правила для начинающего сыщика и прилежно их придерживался. Для начала я отстал от него метров на пятьдесят, держась за спинами более корпулентных прохожих и заранее присматривая убежище вроде ниши портала или магазинчика, куда можно юркнуть, если объект наблюдения остановится и неожиданно обернется. Дойдя до бульвара, незнакомец перешел дорогу и по центральной аллее двинулся в сторону порта. Бульвар был сплошь увит традиционными рождественскими гирляндами, витрины многочисленных лавочек были украшены огоньками, звездами и фигурками ангелов и предвещали процветание, которое, как обещало радио, ожидало нас вскорости.

В те годы Рождество все еще сохраняло аромат тайны и загадки, присущий сказке. Радуга в снежной пыли, оживленные лица людей, живущих в молчаливой тоске, придавали разноцветному убранству некое подобие подлинности, заставляя поверить в сказку хотя бы детей или тех, кто научился забывать.

Наверное, поэтому с особой ясностью я увидел, что в рождественской мистерии не было персонажа, выглядевшего менее празднично на общем радостном фоне, чем объект моего преследования. Неспешно хромая, он шел по бульвару, часто задерживаясь у зоокиосков и цветочных прилавков и разглядывая попугаев и розы с таким восторгом, словно никогда их раньше не видел. Пару раз он притормаживал у бесчисленных газетных палаток, вращал стойки с открытками и развлекался чтением заголовков газет и журналов. Казалось, будто прежде он ни разу не бывал на бульваре, ибо вел себя подобно ребенку или туристу, впервые очутившемуся на Рамбла. Впрочем, для детей и туристов характерен такой вид простодушной наивности и беспомощной растерянности, когда от обилия впечатлений глаза разбегаются. Что же касается моего объекта, то здесь простодушием или невинностью и не пахло, даже получи он благодать от младенца Иисуса, под надвратной скульптурой которого он только что прошел, минуя церковь Богоматери Вифлеемской.

Заинтересовавшись вдруг какаду с роскошным оперением бледно-розового цвета, хромой остановился. Попугай косо поглядывал на него из клетки, выставленной на одном из лотков с живностью в начале улицы Пуэртаферриса. Незнакомец подошел к клетке с таким же видом, с каким он давеча приблизился к антикварному шкафу в букинистической лавке, и принялся что-то нашептывать какаду. Птица была великолепна в своем шикарном оперении, с большой головой и размахом крыльев, как у каплуна. Она выжила в облаке смрадного дыхания хромого и внимала ему охотно и сосредоточенно, явно заинтересовавшись его словами. В ответ, чтобы развеять возможные сомнения, она быстро закивала головой: от возбуждения хохолок из розовых перьев встал торчком на макушке.

Через пару минут незнакомец, удовлетворенный диалогом с пернатым, продолжил путь. Секунд через тридцать я тоже прошел мимо этой палатки и стал свидетелем небольшого переполоха — смущенный продавец суетливо накрывал клетку полотняным колпаком, поскольку птица, восхищая превосходной дикцией, принялась скандировать речитативом: «Франко, скотина, чтоб пропала твоя мужская сила». И я совершенно точно знал, где попугай почерпнул эту свежую мысль. Во всяком случае, незнакомец продемонстрировал, что обладает своеобразным чувством юмора и весьма опасными политическими взглядами, в ту эпоху не менее редкими, чем мини-юбки.

Эта интермедия отвлекла мое внимание. Потеряв хромого из виду, я решил, что безнадежно его упустил, однако вскоре заметил мрачную фигуру, сгорбившуюся у витрины ювелирного магазина Багес. По бокам от

входа во дворец вице-королевы располагались будочки писарей. Я осторожно подкрался к одной из них и, спрятавшись, стал внимательно наблюдать за калекой. Глаза его сверкали, как рубины, а вид благородного золота и драгоценных камней за пуленепробиваемым стеклом будто повергал в сладострастный трепет и томление. Сомнительно, что столь сильные чувства сумел бы пробудить в нем целый букет молоденьких певичек из кабаре «Ла Криолла» в пору его наивысшего расцвета.

— Что желаете, молодой человек? Любовное письмо, ходатайство, прошение к его превосходительству, весточку о добром здравии родственникам в деревню?

Писарь, занимавший будку, послужившую мне укрытием, выглядывал из тесной конурки с видом исповедника, преисполненный желанием оказать услугу. Табличка, прибитая над окошком, гласила:

*«Освальдо Дарио де Мортенсен
Писатель и философ*

Предлагаются любовные письма, исковые заявления, завещания, поэмы, инвективы, поздравления, прошения, извещения, гимны, дипломные работы, апелляции, ходатайства и прочие сочинения в любом стиле и жанре.

Одна строчка — десять сентимов (стихи рассчитываются по отдельному тарифу).

Вдовам, инвалидам и несовершеннолетним — скидки».

— Итак, юноша? Любовное послание, от которого зрелые красавицы промочат нижние юбки соками желания? Лично для вас я сделаю специальную скидку.

Я показал ему обручальное кольцо. Писарь Освальдо пожал плечами, сохраняя невозмутимость.

— Наступила новая эпоха, — возразил он. — Если бы вы знали, сколько мужей и жен протоптали сюда дорожку...

Я снова прочитал объявление. Оно вызывало какую-то смутную ассоциацию, которую мне никак не удавалось уловить.

— Ваше имя мне кажется знакомым...

— Я знавал лучшие времена. Возможно, некогда вы его слышали.

— Оно настоящее?

— Nom de plumme.^[5] Художник выбирает имя сообразно своему предназначению. В моем свидетельстве о рождении записано: «Женаро Ребольо». Скажите на милость, кто доверит сочинять любовные письма

человеку с подобным именем... Итак, как вам предложение дня? Хотите отправить письмо пылкой страсти?

— В другой раз.

Писарь обреченно вздохнул. Проследив за направлением моего взгляда, он нахмурился. На его лице отразилось любопытство.

— Наблюдаете за хромым, да? — вырвалось у него.

— Вы его знаете? — спросил я.

— Уже с неделю он тут крутится. Прилипает к витрине ювелирного магазина и совершенно шалает, как будто вместо колец и ожерелий за стеклом выставлена задница Красотки Дориты, — пояснил Освальдо.

— Вы с ним хоть раз разговаривали?

— На днях мой коллега набело переписывал для него письмо. Вроде у старика не хватает пальцев...

— Кто именно? — упорствовал я.

Писарь неуверенно посмотрел на меня. Он опасался, что лишится потенциального клиента, дав честный ответ.

— Луисито. Вон он сидит напротив, у музыкального магазина «Бетховен», парень с лицом семинариста.

В знак благодарности я предложил Освальдо немного денег, но он отказался их взять.

— Я зарабатываю на жизнь пером, а не длинным языком. Болтунов у нас и так пруд пруди. Если у вас когда-нибудь возникнет проблема грамматического свойства, я всегда на месте.

Он вручил мне визитную карточку, повторявшую слово в слово объявление, висевшее на киоске.

— Я работаю с понедельника по субботу, с восьми до восьми, — уточнил он. — Освальдо, рыцарь пера, к услугам вашим. В эпистолярном жанре мне нет равных.

Я убрал в карман карточку и поблагодарил сочинителя за помощь.

— Не упустите голубчика, — предупредил он.

Я обернулся и увидел, что незнакомец вновь тронулся в путь. Я поспешил вслед и прошагал за ним по бульвару Рамбла вплоть до входа в здание рынка Бокерия. Там он задержался, чтобы полюбоваться рядами ломившихся от изобилия прилавков и оживленной толпой: люди сновали туда и обратно, выкладывая свой товар или выбирая среди выставленной на обозрение всякой всячины самое лучшее. Следующий привал объект сделал в баре «Пиночо». С трудом доковыляв до стойки, старик с большой прытью вскарабкался на один из высоких табуретов. В течение получаса он силился продегустировать яства, которые подносил обслуживавший его

подавальщик Хуанито. Мне показалось, что по состоянию здоровья незнакомец не мог отдать должное кухне этого заведения, излишества явно были ему противопоказаны. Скорее всего он просто жадничал с насытых глаз, например, заказывая тапас^[6] и платильо,^[7] к которым едва притронулся, верно, горько сожалея о тех временах, когда ничто не мешало ему с аппетитом поесть. Рецепторы во рту не умеют наслаждаться вкусом деликатесов, они лишь воспринимают и отмечают его. Вконец измученный вынужденным гастрономическим воздержанием, не желая больше довольствоваться компенсаторным счастьем, глядя, как лакомятся, облизываясь, другие люди, незнакомец оплатил счет. Он вновь пустился в плавание, продрейфовав до устья улицы Оспиталь, где по воле неповторимой геометрии Барселоны соседствовали один из крупнейших оперных театров старой Европы и один из самых злых и запущенных городских кварталов Северного полушария.

Во второй половине дня экипажи военного флота и торговых судов, пришвартованных в порту, обычно совершали набег на бульвар Рамбла, мечтая утолить разнообразные желания. Учитывая спрос, подтягивалось и предложение: на углу занимал позиции эскадрон продажных женщин. Выглядели дамы не лучшим образом, а точнее, как заезженные клячи, чей вид мог мгновенно остудить пыл самого неразборчивого мужчины. Я с брезгливой жалостью освидетельствовал обтянутые узкими юбками синюшные варикозные ноги, на которые было больно смотреть, и увядшие лица. Весь их облик свидетельствовал о том, что поезд прибыл на конечную станцию, абсолютно никому уже не внушая игривых мыслей. Я решил, что столь неаппетитная наживка сгодится только для моряков, проплававших в открытом море много месяцев. Однако, к моему изумлению, хромой удостоил вниманием парочку этих нимф, траченных временем и начисто забывших о цветении весны, и принялся охотно с ними любезничать, словно они были красотками первоклассного кабаре.

— Давай, дружок, я обниму тебя, и ты сразу помолодеешь лет на двадцать, — расслышал я слова сирены, годившейся в бабушки писарю Освальдо.

«Твое объятие его убьет», — подумал я. Незнакомец благоразумно отклонил предложение.

— Не теперь, красавица, — отозвался он и двинулся в глубь квартала Раваль.

Мы прошли вперед еще метров сто, потом он сбавил шаг, притормозив у тесного темного портала напротив пансиона «Европа». Старик исчез за входной дверью, и, выждав полминуты, я последовал за ним.

Переступив порог, я очутился у подножия сумрачной лестницы, терявшейся в недрах дома. Зловонная сырость наполняла помещение, указывая на явные проблемы с канализацией. Здание напоминало корабль, накренившийся на левый борт и готовый в любой миг затонуть в пучине катакомб Равалья. К стене вестибюля прилепилось нечто вроде каморки консьержа. Неопрятный тип с торчавшей изо рта зубочисткой, в майке с подтяжками, коротал время в ней в компании с транзистором, настроенным на радиостанцию, вещавшую о корриде. Портье обратил на меня вопросительный и довольно неприветливый взгляд.

— Вы пришли один? — уточнил он с недоумением.

Не требовалось большого ума, чтобы сообразить, что я забрел в доходный дом, где меблированные комнаты сдаются на час. Необычным в моем появлении было лишь то, что я пришел не под ручку с Венерой из дряхлого патруля на углу.

— Если хотите, я пришлю вам девочку, — предложил портье, доставая упакованное полотенце, брусок мыла и предмет, который я опознал как резинку или похожее средство профилактики *in extremis*.^[8]

— На самом деле я только хотел спросить, — начал я.

Портье закатил глаза.

— Двадцать песет за полчаса — и резвая кобылка в вашем распоряжении.

— Соблазнительно. Может, как-нибудь в другой раз. Все, что я хотел узнать, это не поднимался ли наверх минуты две назад один сеньор. В преклонном возрасте, не в лучшей форме. Он пришел один. Без кобылки.

Портье нахмурился. По его лицу я понял, что он мгновенно разжаловал меня из клиентов в назойливые приставапы.

— Никого я не видел. Иди отсюда, уматывай, пока я не позвал Торнета.

Нетрудно было догадаться, что этот Торнет гостеприимством не отличался. Я выложил на стойку свои последние деньги и дружелюбно улыбнулся консьержу. Купюра исчезла в одну секунду, словно была насекомым, а пальцы опытного наперсточника — языком хамелеона. Только ее и видели.

— Что вас интересует?

— Упомянутый сеньор живет здесь?

— Он снял комнату неделю назад.

— Вам известно его имя?

— Он заплатил за месяц вперед, так что я его не расспрашивал.

— Вы знаете, откуда он прибыл и чем занимается?

— У нас не исповедальня. Людям, которые приходят сюда поразвлечься, мы не задаем вопросов. А этот даже не развлекается. Может, он утешается фантазиями.

Я обдумал ситуацию.

— Время от времени старик ненадолго выходит, а после прогулки возвращается. Иногда он просит прислать ему в комнату бутылку вина, хлеб и немного меда. Больше мне нечего добавить. Он хорошо платит и молчит как рыба.

— Вы уверены, что не произносилось никаких имен?

Портье отрицательно качнул головой.

— Ладно. Спасибо, извините за беспокойство.

Я собрался уходить, когда портье снова подал голос.

— Ромеро, — промолвил он.

— Простите?

— Мне показалось, он назвался Ромеро или как-то так...

— Ромеро де Торрес?

— Точно.

— Фермин Ромеро де Торрес? — недоверчиво повторил я.

— Именно. До войны вроде был тореро, которого так звали? — неуверенно проговорил портье. — То-то мне почудилось, что я это имя где-то слышал...

Я возвращался в книжный магазин, пребывая в куда большем смятении, чем до того, как покинул его. Писарь Освальдо приветливо помахал мне рукой, когда я проходил мимо дворца вице-королевы.

— Повезло? — спросил он.

Я удрученно покачал головой.

— Попробуйте побеседовать с Луисито. Возможно, он вспомнит что-то полезное.

Я послушался совета и приблизился к будке Луисито. Молодой человек в тот момент чистил свою коллекцию перышек. Заметив меня, он улыбнулся и предложил сесть.

— Что желаете написать? Любовь или работа?

— Меня прислал ваш коллега Освальдо.

— Наш учитель, — изрек Луисито, которому не было еще, наверное, и двадцати пяти. — Великий ученый, которого мир не оценил по заслугам. И потому он тут, на улице, служит словом невежеству.

— Освальдо обмолвился, что однажды вы выполняли заказ пожилого сеньора, хромого и сильно искалеченного. У него нет одной кисти руки и не хватает нескольких пальцев на другой.

— Я его помню. Одноруких я всегда запоминаю. Из-за Сервантеса, как вы понимаете.

— Конечно. А не могли бы вы сказать, какое дело привело его к вам?

Луисито заерзал на стуле, расстроенный оборотом, который принимал наш разговор.

— Послушайте, у нас тут все равно что исповедальня. Неразглашение тайны и профессиональная этика — прежде всего.

— Я понимаю. Но дело очень серьезное, так уж вышло.

— Насколько серьезное?

— Достаточно. Под угрозой благополучие очень дорогих для меня людей.

— Да, но...

Луисито вытянул шею и постарался поймать взгляд Освальдо, сидевшего на противоположной стороне улицы. Я заметил, как тот кивнул, и Луисито расслабился.

— Сеньор принес письмо и хотел, чтобы его переписали набело, хорошим почерком, поскольку с его руками...

— И в том письме говорилось...

— Я почти не помню содержание, ведь мы каждый день составляем множество писем...

— Напрягитесь, Луисито. Ради наследия Сервантеса.

— Рискаю перепутать его письмо с заказом другого клиента, осмелюсь все же предположить, что речь шла о крупной сумме денег. Увечный сеньор намеревался получить или вернуть состояние или что-то в этом духе. И еще упоминался какой-то ключ.

— Ключ?

— Верно. Но не уточнялось, какой именно ключ — гаечный, скрипичный или от дверного замка.

Луисито улыбнулся, довольный, что подвернулся повод блеснуть остроумием, да и просто поболтать.

— Больше ничего не помните?

Луисито облизнул губы и впал в задумчивость.

— Он сказал, что, по его мнению, город сильно изменился.

— Изменился в каком смысле?

— Не знаю. Изменился. На улицах больше нет трупов.

— Трупы на улицах? Он так и сказал?

— Если память меня не подводит...

Я поблагодарил Луисито за информацию и прибавил шаг, втайне надеясь, что мне повезет добраться до букинистической лавки раньше, чем отец вернется из похода и обнаружит мое отсутствие. Табличка «Закррито» все еще висела на двери. Я открыл магазин, снял табличку и чинно встал за прилавком, нисколько не сомневаясь, что ни один покупатель даже не приближался к витрине нашей лавочки за те сорок пять минут, что я бегал по городу.

Работы у меня не оказалось, и от праздности я принялся раздумывать, как теперь поступить с романом «Граф Монте-Кристо» и каким образом завести о нем речь с Фермином, когда тот явится в лавку. Мне не хотелось волновать его понапрасну, если дело того не заслуживало, но визит незнакомца и мои бесплодные попытки выяснить, что он замышлял, не давали мне покоя. В иной ситуации я выложил бы другу правду как на духу, без всяких уверток. Однако в данном случае интуиция подсказывала, что следует действовать чрезвычайно деликатно. В последнее время Фермин заметно приуныл, неизменно пребывая в скверном расположении духа. Я же, в свою очередь, изо всех сил пытался поднять ему настроение неуклюжими шутками, хотя мне ни разу не удалось развеселить его.

— Фермин, не оставляйте столько пыли на книгах, иначе скоро начнут говорить, что вместо «розовой» беллетристики я предлагаю «черную», — говорил ему я, намекая на романы в жанре «нуар». Так стали называть детективную литературу о преступлении и наказании, которая в некачественных переводах просачивалась к нам по капле из-за границы.

У Фермина мои жалкие потуги сострить не вызывали даже сострадательной улыбки, и в ответ он не упускал случая произнести очередную апологию скорби и мерзости бытия.

— В будущем все романы окрасятся в черный цвет. Поскольку от второй половины нынешнего кровавого века так и несет ложью и преступлением, если использовать это слово в качестве эвфемизма. И дух фальши, несомненно, станет главным лейтмотивом конца столетия, — заявлял он.

«Ну, начинается, — думал обычно я. — Апокалипсис в пророчестве Св. Фермина Ромеро де Торреса».

— Напрасно вы так, Фермин. Вам следует чаще бывать на солнце. Вы увидите мир другими глазами, так как витамин D укрепляет веру в

будущее.

— Так и выходит, что какая-нибудь тоскливая книжонка стихов одного из выкормышей Франко подается как шедевр мировой литературы, хотя ее не сбудут с рук ни в одном книжном магазине дальше Мостолеса,^[9] — продолжал он.

В минуты, когда Фермин предавался пессимизму, лучше было не давать ему новой пищи для размышлений.

— А знаете, Даниель, порой мне кажется, что Дарвин ошибся. На самом деле человек произошел от свиньи, так как в восьми из десяти гоминидов^[10] сидит свиная колбаса, дожидаясь своего звездного часа, — философствовал он.

— Фермин, мне нравится больше, когда вы проповедуете гуманизм и склонны во всем искать положительную сторону. Как тогда, помните, когда вы сказали, что у человека в глубине души нет зла, им просто владеет страх.

— Наверное, я был не в себе. Ужасная глупость.

Весельчак Фермин, о котором я вспоминал с удовольствием, внезапно исчез, а его место занял человек, истерзанный бедами и заботами, которыми он не желал ни с кем делиться. Порой, когда Фермин думал, что его никто не видит, он буквально съеживался на глазах, словно его душу и сердце точила неизбывная тоска. Фермин исхудал так, что от него остались только кожа да кости, и его болезненный вид начал внушать серьезные опасения. Я пытался потолковать с ним, но он категорически отрицал, что тому есть какая-то причина, и вываливал целый ворох немыслимых объяснений.

— Не о чем и говорить, Даниель. Просто все дело в том, что всякий раз, когда «Барса» продвигает в чемпионате страны, у меня падает давление. Кусочек ламанчского сыра,^[11] и я снова здоров как бык.

— Точно? Вы ведь в жизни не ходили на футбол.

— Это вам так кажется. Мы с Кубалой^[12] практически выросли вместе.

— Но я же вижу, что вы превратились в мощи. Вы либо больны, либо совершенно о себе не заботитесь.

В ответ он продемонстрировал мне бицепсы величиной с крупный булыжник и широко улыбнулся, как будто торговал вразнос зубным порошком.

— Вы только пощупайте. Закаленная сталь, тверже меча Сида.^[13]

Отец связывал неважный вид Фермина с его переживаниями из-за

свадьбы и всего того, что это событие влечет за собой, включая братание с клиром и поиски ресторана или закуской, чтобы устроить банкет. Однако я подозревал, что причина его уныния и скверного самочувствия имеет более глубокие корни. Поэтому теперь меня одолевали сомнения, как поступить: рассказать ли Фермину сразу об утреннем происшествии и передать подарок незнакомца или дождаться более благоприятного момента? Как раз когда я размышлял на эту тему, Фермин появился в дверях со столь постной миной, с какой не стыдно было бы поприсутствовать и на панихиде. Заметив меня, он выдавил улыбку и вскинул руку, словно салютуя мне шпагой.

— Рад вас видеть, Фермин. Я думал, вы уже не придете.

— Я шел мимо лавочки часовщика, и дон Федерико позабавил меня нелепой сплетней. Будто бы сеньор Семпере был замечен сегодня утром на улице Пуэртаферриса, вид он имел интригующий, а его курс и конечный пункт остались неизвестны. Дон Федерико и эта дура Мерседитас интересовались у меня, не завел ли сеньор Семпере подружку, что теперь стало модно среди здешних торговцев, и не из шансонеток ли девица, так как в интрижке с певичкой находят особый шик.

— А вы? Что вы ответили?

— Я ответил, что ваш достопочтенный отец, будучи примерным вдовцом, возвратился в состояние первородной невинности. Сей факт, бесспорно, представляет огромный интерес для научного сообщества, а ваш батюшка заслуживает того, чтобы в архиепископстве начали собирать документы для его ускоренной канонизации. Личную жизнь сеньора Семпере не обсуждаю ни с родными, ни с чужими, потому как она никого не касается, кроме него самого. А тем, кто попытается подъехать ко мне с базарными разговорами, я надаю оплеух — и дело с концом.

— Вы человек старой закалки, Фермин.

— Ваш отец — вот кто человек старой закалки, Даниель. Правда, между нами, если быть откровенным, ему не повредило бы гульнуть разочек-другой. Торговля у нас идет ни шатко ни валко. Так, спрашивается, зачем ему целыми днями сидеть в четырех стенах в подсобке в обнимку с египетской «Книгой мертвых»?

— Это бухгалтерская книга, — поправил я.

— Не важно. Если честно, я уже давно считаю, что нам стоит завалиться в «Эль Молино» и покутить на всю катушку. И хотя в таких вещах наш бравый шеф холоднее мороженой рыбы и пресен, как капустаная паэлья, полагаю, встряска с дерзкой горячей девицей проймет его до печени.

— Кто бы говорил? И смех и грех! Если уж говорить начистоту, то меня беспокоите именно вы, — возмутился я. — Последнее время вы стали похожи на дохлую муху в паутине.

— А вы ведь прибегли к очень точному сравнению, Даниель. Хоть у мухи и не имеется болтливой милашки вопреки фривольным правилам бестолкового общества, жить в котором нам выпал жребий, но ваш покорный слуга, как и несчастное членистоногое, наделен беспримерным инстинктом выживания, неумной прожорливостью и львиным любострастием, которого не убудет даже в условиях высочайшей радиации.

— С вами спорить невозможно, Фермин.

— Друг мой, что касается меня, я настроен на диалектический лад и готов задать перцу при малейшем подозрении на неискренность или на желание обвести меня вокруг пальца, но ваш отец — цветок хрупкий и нежный, и полагаю, что настало время взять дело в свои руки, пока он окончательно не превратился в ископаемое.

— И какое же это дело, Фермин? — вдруг раздался у нас за спиной голос отца. — Только не говорите, что замышляете устроить мне обед с Росиито.

Мы обернулись, словно проказливые школьники, пойманные на месте преступления. Отец сурово взирал на нас с порога, и в этот миг он решительно не походил на хрупкий нежный цветок.

— А вы откуда знаете о Росииито? — пробормотал Фермин вне себя от удивления.

Отец, насладившись в полной мере эффектом от своего неожиданного появления и нашим испугом, дружелюбно нам улыбнулся и подмигнул.

— Я превращаюсь в ископаемое, но слух у меня пока хороший. Слух и голова. Посему я решил, что необходимо кое-что предпринять, дабы оживить торговлю, — заявил он. — Поход в «Эль Молино» подождет.

Лишь тогда мы обратили внимание, что отец вернулся навьюченный двумя довольно большими мешками. В руках он держал здоровенную коробку, завернутую в упаковочную бумагу и перевязанную толстой веревкой.

— Надеюсь, ты не обчистил соседний банк? — вырвалось у меня.

— От банков я как раз стараюсь держаться как можно дальше, поскольку, как правильно говорит Фермин, они не упустят случая обчистить тебя. А пришел я с рынка Санта-Лусия.

Мы с Фермином в замешательстве уставились друг на друга.

— Вы не хотите мне помочь с покупками? Они тяжелые, как кирпичи.

Вдвоем с Фермином мы принялись выгружать содержимое мешков на прилавок, в то время как отец распаковывал коробку. Мешки были набиты мелкими предметами, завернутыми для сохранности в бумагу. Фермин распотрошил один из кулечков и ошеломленно воззрился на то, что извлек из него.

— И что там? — любопытствовал я.

— Я сказал бы, что это половозрелый осел в масштабе один к ста, — отозвался Фермин.

— Кто?

— Ишак, осел, онагр, домашнее животное, четвероногое и непарнокопытное, которое мирно бороздит ландшафты нашей родной Испании, появляясь то там, то тут. Однако он представлен в миниатюре, вроде игрушечных вагончиков, которые продает фирма «Палау», — пояснил Фермин.

— Глиняный осел, фигурка для вертепа, — объявил отец.

— Какого еще вертепа?

Вместо ответа отец открыл картонную коробку и вынул монументальный макет Яслей Христовых с подсветкой. Я тут же

сообразил, что он вознамерился поместить свое приобретение в витрине магазина в качестве рождественской приманки. Фермин между тем уже распаковал нескольких волов, верблюдов, свинок, уток, царей Востока, пальмы, фигурки Св. Иосифа и Девы Марии.

— Покориться ярму национал-католицизма, использовать его лукавые приемы обольщения, выставя всякие статуэтки и подыгрывая слащавым легендам, не представляется мне решением проблемы, — высказался Фермин.

— Не говорите чепухи, Фермин. Это красивая традиция. Людям приятно видеть вертепы в Рождество, — отрезал отец. — Букинистическому магазину недостает ярких красок, капельки радости, что совершенно необходимо в праздничные дни. Посмотрите на другие магазины в квартале — и вы поймете, что наш в сравнении с ними выглядит как похоронное бюро. Давайте пособи́те мне поднять вертеп на витрину. И уберите с подиума кипы законов Мендисабалья о деамортизации, ^[14] которые распу́гивают покупателей.

— Приехали, — пробормотал Фермин.

Втроем нам удалось втащить ясли в витрину и расставить фигурки по местам. Фермин помогал неохотно, хмурился и пользовался любым предлогом, чтобы выразить свое несогласие с затеей.

— Сеньор Семпере, не в обиду вам, но младенец Иисус в три раза больше своего мнимого папаши и с трудом помещается в колыбели.

— Ничего страшного. Фигурки поменьше на базаре закончились.

— Мне кажется, или около Пречистой Девы действительно пристроился японский борец из тех, у кого проблемы с лишним весом, прилизанные волосы и труссы, обмотанные вокруг пояса?

— Борцы сумо, — подсказал я.

— Именно, — согласился Фермин.

Отец со вздохом покачал головой.

— А еще посмотрите на его глаза. Похоже, что он одержимый.

— Ради Бога, Фермин, немедленно замолчите и подсоедините вертеп к сети, — велел отец, протягивая ему провод.

Фермин, в очередной раз продемонстрировав чудеса ловкости, ухитрился проскользнуть под возвышением, на котором стояли ясли, и дотянулся до розетки, находившейся в конце прилавка.

— Да будет свет, — провозгласил отец, с воодушевлением созерцая новый сверкающий вертеп букинистической лавки «Семпере и сыновья». — Обновление или смерть, — с удовлетворением добавил он.

— Смерть, — буркнул Фермин себе под нос.

Не прошло и минуты с момента торжественного подключения иллюминации, как мамочка с тремя детьми остановилась у витрины, чтобы полюбоваться на ясли. Затем, поколебавшись немного, она отважилась войти в магазин.

— Добрый день, — поздоровалась она. — У вас есть рассказы о жизни святых?

— Конечно, — ответил отец. — Позвольте предложить вам «Сборник рождественских рассказов», не сомневаюсь, что ваши дети будут в восторге. Издание богато иллюстрировано и снабжено предисловием дона Хосе-Мария Пемана, ни много ни мало.

— Ой, как хорошо. Дело в том, что в наши дни очень трудно найти по-настоящему добрые книги, которые поднимали бы настроение. Такие, где нет преступлений, смертей и всех этих проблем, которых решительно никто не понимает... Вы так не думаете?

Фермин закатил глаза. Он собрался что-то сказать, но я успел его остановить и оттащил подальше от покупательницы.

— Полагаю, вы правы, — согласился отец. Он искоса наблюдал за моими действиями и незаметно подавал знаки, умоляя связать Фермина и заткнуть ему рот, поскольку ни за что на свете не хотел потерять эту клиентку.

Я затолкал Фермина в служебное помещение и плотно задернул занавеску, предоставляя отцу возможность спокойно завершить продажу.

— Фермин, не знаю, какая муха вас укусила. Я, конечно, уважаю ваши чувства, раз уж традиция ставить вертепы противоречит вашим убеждениям. Однако если окажется, что младенец Иисус размером с трамбовочный каток и стадо глиняных свиней сделают отца счастливым и вдобавок привлекут в магазин покупателей, я попросил бы вас поставить на прикол корабль экзистенциализма и сделать вид, будто вы млеете от восторга, по крайней мере в рабочие часы.

Фермин, повздыхав, покаянно опустил голову.

— Не сердитесь, друг мой Даниель, — сказал он. — Вы уж меня простите. Ради спасения магазина, а главное, чтобы порадовать вашего отца, я готов, если потребуется, совершить паломничество в Сантьяго, обрядившись в костюм тореро.

— Будет достаточно, если вы скажете отцу, что находите удачной затею с вертепом, и продолжите в том же духе.

Фермин кивнул.

— Этого мало. Во-первых, я извинюсь перед сеньором Семпере за неподобающий тон, а во-вторых, в знак раскаяния пополню вертеп

фигуркой, чтобы показать, что рождественскому духу не страшны даже большие универсальные магазины. У меня есть приятель в подполье, который мастерит каганеры доньи Кармен Поло де Франко.^[15] Они выглядят так реалистично, что просто оторопь берет.

— А ограничиться агнцем или царем Валтасаром вам не по силам?

— Как скажете, Даниель. А теперь, если не возражаете, я сделаю что-нибудь полезное. Например, распечатаю коробки с собранием вдовы Рекасенс, они уже с неделю собирают пыль в чулане.

— Вам помочь?

— Не беспокойтесь. Занимайтесь своими делами.

Я проводил его взглядом: Фермин направился в кладовую, находившуюся в дальней части служебного помещения, и начал облачаться в синий рабочий халат.

— Фермин, — окликнул я.

Он обернулся, глядя на меня вопросительно. Я замялся на миг.

— Сегодня случилось одно происшествие. Я хотел бы рассказать вам о нем.

— Расскажите.

— Даже не знаю, с чего начать. Вас кое-кто разыскивал.

— Она была хорошенькой? — спросил Фермин, пытаясь придать беседе шутливый тон, хотя ему не удалось скрыть тень тревоги, затуманившую взгляд.

— Приходил мужчина. Достаточно пожилой и немного странный, если честно.

— Он не назвался? — поинтересовался Фермин.

Я покачал головой:

— Нет. Но он оставил для вас подарок.

Фермин нахмурился. Я протянул ему книгу, которую незнакомец купил пару часов назад. Фермин взял ее и с недоумением повертел в руках, изучая переплет.

— Разве это не тот Дюма, что выставлен у нас в шкафу за семь дуро?

Я подтвердил, что тот самый.

— Откройте титульный лист.

Фермин послушно выполнил мое указание. Прочитав дарственную надпись, он резко побледнел и с трудом проглотил комок в горле. Зажмурившись на миг, друг молча посмотрел на меня. Мне показалось, будто за пять секунд он постарел на пять лет.

— Когда посетитель вышел из магазина, я проследил за ним, — откровенно признался я. — Неделю назад он поселился в дрянных

меблированных комнатах на улице Оспиталь, в доме, что напротив пансиона «Европа». Насколько мне удалось выяснить, он живет под чужим именем, а именно под вашим: Фермин Ромеро де Торрес. Я узнал от одного из каллиграфов у дворца вице-королевы, что старик давал переписать начисто письмо, в котором шла речь о большой сумме денег. Вам все это о чем-нибудь говорит?

Фермин поник и съезжился, будто каждое слово моего рассказа падало на его голову, как удар дубины.

— Даниель, чрезвычайно важно, чтобы вы не вступали в разговоры с этим типом и больше не следили за ним. Ничего не предпринимайте. Держитесь от него подальше. Он очень опасен.

— Кто он, Фермин?

Фермин закрыл книгу и спрятал ее на стеллаже за ящиками. Опасливо покосившись в сторону торгового зала и убедившись, что отец все еще занят с покупательницей и не услышит нас, Фермин приблизился ко мне и прошептал:

— Пожалуйста, не рассказывайте о происшествии вашему отцу и вообще никому.

— Фермин...

— Сделайте милость, я прошу во имя нашей дружбы.

— Но, Фермин...

— Умоляю, Даниель. Не теперь. Поверьте мне.

Я неохотно кивнул и показал ему сотенную купюру, которой со мной расплатился незнакомец. Не было нужды объяснять Фермину ее происхождение.

— Это проклятые деньги, Даниель. Пожертвуйте их монахиням на благотворительность или отдайте первому встречному нищему на улице. А еще лучше — сожгите.

Фермин умолк и принялся снова переодеваться. Сняв рабочий халат, он натянул свой истрепанный макинтош и нахлобучил берет на свою маленькую головку, словно оплавившуюся и напоминавшую паэлье́ру, ^[16] изображенную Сальвадором Дали.

— Уже уходите?

— Передайте вашему отцу, что у меня открылись неожиданные обстоятельства. Вы окажете мне такую любезность?

— Конечно, но...

— Сегодня я не смогу вам ничего объяснить, Даниель.

Он прижал руку к животу, как будто у него скрутило кишки, и принялся жестикулировать второй, словно пытаясь поймать на лету слова,

которые так и не сорвались с языка.

— Фермин, может, вам станет легче, если вы поделитесь со мной...

Фермин задумался на миг, потом безмолвно покачал головой и вышел на лестничную клетку. Я проводил его до выхода из подъезда и смотрел, как он удаляется под морозящим дождем: всего лишь человек, на плечи которого легла вся тяжесть мира. А тем временем на Барселону уже надвигалась ночная мгла, которая была чернее черного.

Научно доказано, что любой младенец нескольких месяцев от роду способен безошибочно почувствовать тот самый критический момент среди ночи, когда родителям удалось наконец задремать. Тогда он поднимает рев, чтобы взрослые ни в коем случае не продряхли дольше тридцати минут кряду.

В ту ночь, впрочем, почти как всегда, малыш Хулиан пробудился около трех, о чем не замедлил оповестить во всю силу легких. Я открыл глаза и повернулся. Рядом со мной лежала Беа, и ее кожа светилась в полумраке. Медленно просыпаясь, жена потянулась плавным движением, позволявшим угадать контуры стройного тела под простыней, и что-то неразборчиво пробормотала. Я подавил естественное желание поцеловать любимую в шею и стянуть с нее бронированную ночную рубашку до пят, которую тесть подарил ей на день рождения, без сомнения, не без умысла. Никакими ухищрениями я не сумел добиться, чтобы этот аксессуар затерялся в грязном белье.

— Я уже встаю, — прошептал я, целуя жену в лоб.

В ответ Беа повернулась ко мне спиной и накрыла голову подушкой. Я замер, с наслаждением созерцая изящные изгибы спины и сладкий спуск к ягодицам, которые не могли спрятать никакие рубашки в мире. Почти два года я прожил в браке с этим загадочным созданием и все еще испытывал изумление, ощущая его тепло подле себя в момент пробуждения. Я осторожно отвернул простыню и погладил бархатистое бедро сзади. Мне в руку тотчас вонзились острые ногти Беа.

— Не сейчас, Даниель. Ребенок плачет.

— Так и знал, что ты не спишь.

— Невозможно заснуть, когда живешь в одном доме с мужчинами, которые то плачут, то подкрадываются с тыла к несчастной женщине. Бедняжке не удастся за ночь и двух часов поспать.

— Ты еще пожалеешь.

Я вскочил и бегом направился по коридору в комнату Хулиана, располагавшуюся в глубине квартиры. Вскоре после свадьбы мы обосновались в мансарде дома, где находилась наша букинистическая лавка. Преподаватель колледжа, дон Анаклето, занимавший это жилье в течение двадцати пяти лет, решил уйти на пенсию. Профессор вернулся в родную Сеговию, чтобы писать прятные стихи в тени арок акведука и

осваивать науку приготовления жареного молочного поросенка.

Младенец Хулиан встретил меня пронзительным плачем на высокой частоте, угрожавшей прободением барабанных перепонок. Я взял малыша на руки и, понюхав пеленку, убедился, что на сей раз не случилось никаких неожиданностей. Далее я проделал все, что полагается делать неопытным молодым папашам в здравом уме, то есть начал бормотать чушь и приплясывать по комнате, выкидывая нелепые коленца. Погрузившись в транс, я не сразу заметил Беа, которая стояла на пороге и наблюдала за мной с неодобрением.

— Дай мне, так ты разбудишь его окончательно.

— А вот он не жалуется, — возразил я, передавая жене младенца.

Беа прижала сына к груди и, тихонько напевая, принялась нежно его укачивать. Ровно через пять секунд Хулиан перестал плакать и расплылся в восторженной улыбке, всегда появлявшейся на его мордашке при виде матери.

— Иди, — шепнула мне Беа. — Я скоро.

Итак, мне наглядно продемонстрировали, что я не способен справиться даже с грудным младенцем. Изгнанный из детской, я вернулся в спальню и вытянулся на кровати, не сомневаясь, что теперь не сомкну глаз до утра. Вскоре в дверях появилась Беа. Глубоко вздохнув, она устроилась рядом.

— Я падаю с ног.

Я обнял ее, и мы немного полежали молча.

— Я вот тут подумала... — начала Беа.

«Трепещи, Даниель», — мелькнула у меня мысль. Беа приподнялась и уселась на постели на корточках.

— Когда Хулиан немного подрастет, мама сможет сидеть с ним днем. И я решила, что тогда начну работать.

Я одобрительно кивнул.

— Где?

— В книжном магазине.

Я предусмотрительно промолчал.

— Считаю, что вам моя помощь не повредит, — добавила она. — Твоему отцу уже не по силам заниматься делами весь день. И не обижайся, но мне кажется, что я лучше общаюсь с покупателями, чем вы с Фермином. По-моему, он в последнее время просто отпугивает людей.

— Мне бы не хотелось это обсуждать.

— А что, собственно, случилось с беднягой? На днях я встретила на улице Бернарду, и она разрыдалась у меня на груди. Я отвела ее в одну из

кондитерских на улице Петричол, где, налегая на сдобные булочки, она пожаловалась, что Фермин ведет себя очень и очень странно. Похоже, несколько дней назад он отказался заполнить в приходе документы для венчания. Сдается мне, что так не женятся. Он тебе ничего не говорил?

— Ничего особенного я не заметил, — солгал я. — Возможно, Бернарда слишком давит на него...

Беа молча смотрела на меня.

— Что случилось? — спросил я наконец.

— Бернарда просила никому не говорить.

— Что именно не говорить?

Беа не сводила с меня глаз.

— То, что в этом месяце у нее задержка.

— Задержка? Она что, составила график подготовки к свадьбе?

Беа посмотрела на меня как на идиота, и меня вдруг осенило.

— Бернарда беременна?

— Говори тише, ты разбудишь Хулиана.

— Так она беременна? — повторил я едва слышно.

— Возможно.

— А Фермин знает?

— Она не хочет ему пока говорить. Боится, что он пустится наутек.

— Фермин никогда бы так не поступил.

— Все мужчины так поступили бы, будь у них возможность.

Меня изумил ее железный тон. Правда, она тотчас подсластила его кроткой улыбкой, от которой растаял бы кто угодно.

— Как плохо ты нас знаешь.

Беа выпрямилась в полумраке и, без лишних слов стянув через голову рубашку, отбросила ее на край кровати. Позволив полюбоваться собой несколько мгновений, она медленно склонилась надо мной и неспешно провела языком по моим губам.

— Как же плохо я вас знаю, — прошептала она.

На следующий день стало ясно, что рекламный ход с сияющим разноцветными огнями рождественским вертепом оправдал самые смелые ожидания. Впервые за много недель отец улыбался, делая записи о продажах в бухгалтерской книге. Вскоре после открытия стали понемногу приходить покупатели: и старые клиенты, давно не заглядывавшие в магазин, и новые, посетившие нас впервые. Я предоставил отцу вести переговоры с посетителями и с удовольствием наблюдал, как он наслаждался, со знанием дела предлагая им книги, стремясь пробудить интерес к чтению и угадывая их предпочтения и вкусы. День обещал выдаться удачным, особенно на фоне последних месяцев.

— Даниель, нужно принести коллекцию иллюстрированной классики для детей. Издания «Вертиге», с голубым корешком.

— Кажется, эти книги в подвале. У тебя есть ключи?

— Беа недавно просила их у меня, чтобы снести вниз какие-то детские вещи. По-моему, она не вернула мне связку. Посмотри в ящике.

— Там ключей нет. Я сбегая домой и поищу.

В магазин очень кстати вошел кабальеро, пожелавший приобрести путеводитель по историческим кафе Барселоны. Оставив отца заниматься с ним, я вышел через служебное помещение на лестницу. Мансарда, где обитали мы с Беа, находилась на самой верхотуре, и за обилие в ней света приходилось платить подъемами и спусками по лестнице, укреплявшими дух и ноги. По дороге я встретил Эдельмиру — вдову, жившую на четвертом этаже. Бывшая балерина Эдельмира зарабатывала на жизнь рисованием ликов Богородицы и святых. Годы, проведенные на подмостках театра «Арнау», уничтожили ее коленные суставы, и теперь ей приходилось хвататься обеими руками за перила, чтобы одолеть лестничный пролет. Но несмотря на трудности, вдова всегда улыбалась и не скупилась на комплименты.

— Как поживает твоя красавица жена, Даниель?

— Ее красота не сравнится с вашей, донья Эдельмира. Помочь вам спуститься?

Эдельмира, по обыкновению, отвергла помощь и передала поклон Ферм и ну, который охотно расточал ей любезности и всякий разделал неприличные предложения, когда она проходила мимо.

Открыв дверь квартиры, я почувствовал аромат духов Беа, еще

витавший в воздухе, и своеобразный коктейль запахов, исходящий от детей и их attrezzo.^[17] Беа вставала рано и вывозила Хулиана на прогулку в новенькой коляске «Жане», подаренной нам Фермином. Мы называли этот детский экипаж «мерседесом».

— Беа? — окликнул я жену.

Квартира была маленькой, и эхо моего возгласа вернулось раньше, чем я успел закрыть за спиной дверь. Беа уже ушла. Я встал посреди столовой и попытался воссоздать ход мыслей своей супруги, вычисляя, куда она могла деть ключи от подвала. Начал с ревизии ящиков буфета, где хранились квитанции, письма, ждавшие ответа, и мелкие деньги. От буфета я перешел к столикам, фруктовым вазам и этажеркам.

Из столовой перешел на кухню, где стояла горка, куда Беа складывала листки со всякими записями и напоминаниями себе. Судьба не была ко мне благосклонна, и в итоге я очутился в спальне перед нашей кроватью. Озираясь по сторонам, я пустил в ход все свои аналитические способности. Вещи Беа занимали семьдесят пять процентов полезного объема в шкафу, ящиках и прочих местах, предназначенных для хранения барахла. Обосновывала она подобную несправедливость тем, что гардероб мой небогат, я ношу всегда одно и то же, поэтому уголка в платяном шкафу мне вполне хватит. Система, согласно которой заполнялись ящики, оказалась за гранью моего понимания. Осматривая места, зарезервированные для личных вещей жены, я испытывал легкие уколы совести, однако ревизия не принесла успеха — обшарив всю мебель, попавшуюся на глаза, я так и не нашел ключей.

«Еще раз реконструируем события», — сказал я себе. Смутно я припоминал, как Беа недавно обронила что-то насчет коробки с летними вещами, которую вроде бы следовало снести вниз. Причем сказала она это всего пару дней назад. Если меня не подводила память, в тот момент жена была одета в серое пальто — мой подарок на первую годовщину нашей свадьбы. Я улыбнулся, гордый своими дедуктивными способностями, и открыл шкаф, чтобы поискать пальтишко среди верхней одежды супруги. Оно там и висело. Отцовские ключи, если я верно усвоил уроки Конан Дойла и его последователей, должны были покоиться в одном из карманов серого пальто. Запустив руку в правый, я обнаружил две монеты и горсть мятных леденцов, какие обычно дарят в аптеках. Я принялся за левый карман и с радостью убедился, что моя догадка оказалась верна. Пальцы нащупали связку ключей. И кое-что еще.

В кармане пальто лежал листок бумаги. Я вынул ключи и, поколебавшись, решил достать и бумажку. Отчего-то мне показалось, что

это один из списков нужных покупок, которые Беа всегда составляла перед походом по магазинам, чтобы не упустить ни одной мелочи.

Изучив находку внимательнее, я увидел, что держу в руках конверт. Письмо. Письмо, отправленное на имя Беатрис Агилар неделю назад, судя по штемпелю. И послали его на адрес родителей Беа, а не нашей квартиры на улице Санта-Ана. Я перевернул конверт, и ключи от подвала выскользнули у меня из пальцев, когда я прочитал имя корреспондента: «Пабло Каскос Буэндиа».

Я сел на кровать и в растерянности уставился на конверт. Пабло Каскос Буэндиа считался женихом Беа, когда любовь вскружила нам голову. Отпрыск очень состоятельного семейства, владевшего судовыми верфями и заводами в Эль-Ферроле, этот персонаж, никогда не вызывавший у меня добрых чувств (взаимно, впрочем), в то время служил в армии в чине младшего лейтенанта. С тех пор как Беа написала ему о разрыве помолвки, он ни разу не появлялся у меня на горизонте. До настоящего момента.

Что делало свежее письмо от бывшего жениха Беа в кармане ее пальто? Конверт был вскрыт, но целую минуту щепетильность не позволяла мне вытащить письмо. Получалось, что я тайком шпионил за Беа, и, сознавая низость подобного поведения, я испытывал сильное желание вернуть письмо на место и бежать из спальни со всех ног. Правда, благочестивый порыв длился не дольше нескольких секунд. Последние проблески чувства вины и стыда бесследно исчезли прежде, чем я дочитал до конца первого абзаца:

«Дорогая Беатрис, надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо и счастлива, окунувшись в новую жизнь в Барселоне. В течение многих месяцев я не получал от тебя ответа на свои письма и порой задавался вопросом, что я натворил, почему ты отворачиваешься от меня. Я понимаю, что ты замужняя женщина, мать, и, наверное, не следовало бы мне писать тебе. Вынужден покаяться, что не могу забыть тебя, как я ни старался, хотя прошло уже немало времени. И я не стыжусь откровенно признаться, что по-прежнему люблю тебя.

В моей жизни тоже произошли перемены. Год назад я занял должность коммерческого директора крупного издательства. Я знаю, что ты любишь книги, и возможность работать с ними позволяет мне чувствовать себя ближе к тебе. Мой кабинет находится в представительстве фирмы в Мадриде, но я часто езжу в интересах дела по всей Испании.

Я неотступно думаю о тебе, о той жизни, которую мы могли бы вести, о детях, которые могли бы у нас родиться... Меня постоянно терзают сомнения, способен ли твой муж сделать тебя счастливой, не решилась ли ты выйти за него под давлением обстоятельств. Я не могу поверить, что тебя устраивает та скромная жизнь, которую он в состоянии тебе предложить. Я хорошо знаю тебя. Мы были друзьями и возлюбленными, и между нами не оставалось никаких тайн. Помнишь ли ты, как мы проводили вечера на пляже в Сан-Поле? Помнишь, какие планы мы строили, о чем мечтали вместе, в чем клялись друг другу? Ни с кем я не чувствовал себя так хорошо, как с тобой. После разрыва нашей помолвки я встречался с разными девушками и теперь твердо уверен, что ни одна из них не сравнится с тобой. Когда я целую в губы другую женщину, я думаю о твоих устах. Каждый раз, когда я глажу кожу другой женщины, то словно чувствую под пальцами твою.

Через месяц я рассчитываю приехать в Барселону, чтобы посетить филиалы издательства и провести серию переговоров с персоналом о предстоящей реструктуризации. В действительности я мог бы решить все формальные вопросы с помощью почты и телефона. Истинная причина моего путешествия в том, что я надеюсь на встречу с тобой. Я знаю, ты решишь, что я сошел с ума. Но я предпочитаю выглядеть в твоих глазах безумцем, только бы ты не подумала, будто я забыл тебя. Я приеду двадцатого января и остановлюсь в отеле „Ритц“ на Гран-Виа. Очень прошу тебя, давай увидимся, пусть ненадолго, чтобы я мог высказать тебе все, что у меня на сердце. Я заказал столик на двоих в ресторане гостиницы на двадцать первое число. Я буду ждать тебя там. Если ты придешь, ты сделаешь меня счастливейшим человеком на свете, и я пойму, что моя мечта вернуть твою любовь имеет шанс осуществиться.

Навеки твой Пабло».

Некоторое время я сидел в оцепенении на постели, которую делил с Беа всего несколько часов назад. Я пошевелился, чтобы вернуть письмо в конверт, и, встав, почувствовал себя так, словно меня только что нокаутировали. Я бросился в ванную комнату, и меня стошнило в раковину выпитым с утра кофе. Пустив из крана холодную воду, я умылся. Из

зеркала на меня смотрело лицо того прежнего Даниеля, шестнадцатилетнего мальчика, у которого дрожали руки, когда он впервые обнял Беа.

Отец вопросительно посмотрел на меня и укоризненно покосился на часы, когда я наконец вернулся в магазин. Полагаю, он недоумевал, чем я занимался последние полчаса, но я не стал ничего ему объяснять. Избегая его взгляда, я протянул отцу связку ключей от подвала.

— Разве ты сам не сходишь в подвал за книгами? — удивился он.

— Да, конечно, извини. Сейчас спущусь.

Отец украдкой наблюдал за мной:

— С тобой все в порядке, Даниель?

Я кивнул, сделав вид, что удивлен вопросом, и прежде, чем отец успел его повторить, поспешил в подвал за собранием, которое требовалось поднять наверх. Вход в подвал скрывался под первым лестничным пролетом в дальнем конце вестибюля нашего дома. За железной дверью, запиравшейся на висячий замок, начиналась крутая лестница, которая спиралью ввинчивалась в темноту; пахло сыростью и чем-то неопределенным, навевавшим мысли о свежей пашне и увядших цветах. Под потолком тянулась короткая гирлянда тускло мерцавших лампочек, чье мертвенное свечение воскрешало в шахте тревожную атмосферу бомбоубежища. Я спустился по ступеням и, очутившись внизу, провел рукой по стене, нащупывая выключатель. Желтоватый фонарь вспыхнул у меня над головой, осветив очертания помещения, которое являлось всего-навсего кладовой, страдавшей манией величия. Скелеты ржавых бесхозных велосипедов, окутанные паутиной картины, картонные коробки, громоздившиеся на разбухших от сырости деревянных стеллажах, создавали декорацию, не располагавшую задерживаться в подвале дольше необходимого. Обозрев безрадостную панораму, я вдруг осознал, как странно повела себя Беа, решившая сама спуститься сюда, вместо того чтобы попросить меня. Я с подозрением уставился на груды хлама и рухляди, терзаясь вопросом, какие еще тайны погребены под ними.

Ощущая, сколь скверное направление приняли мои мысли, я только вздохнул. Слова письма прожигали мозг подобно брызгам кислоты. Я поклялся себе, что не стану копаться в ящиках в поисках связок надушенных писем этого типа. Мгновение спустя я непременно нарушил бы клятву, но вовремя услышал шаги на лестнице: кто-то еще спускался в подвал. Подняв голову, я обнаружил Фермина, с гримасой отвращения созерцавшего унылый антураж.

— Послушайте, тут смердит, как от покойника. Вы уверены, что в одном из старых ящиков с выкройками для вязания не лежит забальзамированное тело матушки Мерседитас?

— Раз уж вы здесь, помогите мне вытащить коробки, которые понадобились отцу.

Фермин засучил рукава, выражая готовность приняться за дело. Я указал ему на две коробки с эмблемой издательства «Вертисе», и мы взяли по одной.

— Даниель, вы выглядите хуже меня. Что-то случилось?

— Наверное, надыхался миазмами подвала.

Мои потуги отделаться шуткой не сбили Фермина с толку. Я поставил ящик на пол и уселся на него.

— Можно задать вам вопрос, Фермин?

Фермин опустил свою ношу и тоже приспособил ее в качестве табурета. Я беспомощно поглядел на него: мне хотелось начать говорить, но я не мог выдавить из себя ни слова.

— Альковные проблемы? — спросил он.

Я вспыхнул, смутившись от того, как хорошо меня знает друг.

— Вроде того.

— Сеньора Беа, благословеннейшая из женщин, не имеет вкуса к любовным битвам, или же, напротив, аппетит ее слишком велик и вам с трудом удастся утолить ее острый голод? Полагаю, у женщин, родивших ребенка, в крови взрывается гормональная атомная бомба. Удивительно, как они не сходят с ума в первые двадцать секунд после родов. Воистину это одна из величайших загадок природы. Я знаю о таких вещах, поскольку после белого стиха меня более всего увлекает как раз акушерство.

— Нет, ничего подобного. Насколько мне известно.

Фермин с удивлением воззрился на меня.

— Я вынужден попросить никому не передавать содержание нашего разговора.

Фермин торжественно перекрестился.

— Недавно я совершенно случайно нашел письмо в кармане пальто Беа.

Сделанная мной пауза, похоже, не произвела на него никакого впечатления.

— И что?

— Письмо от бывшего жениха.

— Корабельщика? А разве он не отбыл в Эль-Ферроль-Каудильо^[18] делать героическую карьеру как истинный папенькин сынок?

— Я тоже так думал. Но оказалось, что в свободные минуты он строчит любовные письма моей жене.

Фермин моментально взвился.

— Вот сучий потрох, — процедил он сквозь зубы с яростью, намного превосходившей мою.

Я вынул из кармана письмо и протянул ему. Прежде чем открыть конверт, Фермин обнюхал его.

— Мне мерещится, или эта свинья шлет надушенные письма? — задал он вопрос.

— Я не обратил внимания, но меня данный факт не удивил бы. Вполне в его духе. Но это еще цветочки. Читайте, читайте...

Фермин принялся читать, бормоча себе под нос и качая головой.

— Этот красавчик не только ничтожество и подлец, но еще и отъявленный пошляк. Каково! Он, видишь ли, «целует в губы другую женщину»! Да за одну такую фразу его следовало бы посадить на ночь в кутузку.

Я спрятал письмо, пристально разглядывая пол.

— Уж не хотите ли вы мне сказать, что подозреваете сеньору Беа? — недоверчиво уточнил Фермин.

— Нет, разумеется, нет.

— Лицемер.

Я вскочил и принялся описывать круги по подвалу.

— А как поступили бы вы, если бы вдруг обнаружили подобное письмо в кармане Бернарды?

Фермин тщательно обдумал вопрос.

— Как я поступил бы? Я отнесся бы с доверием к матери своего сына.

— Отнеслись с доверием?

Фермин кивнул.

— Не обижайтесь, Даниель, но вы столкнулись с типичной проблемой мужчины, женатого на первой-классной женщине. Сеньора Беа в моих глазах была и будет святой, но она, что называется, пальчики оближешь. Поэтому нетрудно предугадать, что за ней всегда будут волочиться развратники, недотепы, наглецы и прочая шушера всех мастей. Дело обыкновенное. Не важно, есть у такой женщины муж и ребенок или нет, примат в костюме, коего мы благодушно называем «*homo sapiens*», или человек разумный, всегда подстерегает ее. Вы-то, наверное, и не замечали, но я готов спорить на последние штаны, что мужчины слетаются на вашу святую супругу быстрее, чем мухи на горшок меда на апрельской ярмарке. Этот идиот — всего лишь ошипанный петух, который хорохорится в надежде, что ему

что-нибудь перепадет. Имейте в виду, что женщина, у которой порядок в голове и под юбкой, птиц такого пошиба видит издалека.

— Вы уверены?

— Само собой. Вы серьезно считаете, что если бы донья Беатрис захотела вильнуть на сторону, она стала бы дожидаться, пока жалкий недоумок начнет подкатывать к ней перегретые шары, пытаясь соблазнить? Поймите, если ее не провожает с десятков кавалеров всякий раз, когда она выходит погулять с ребенком или проветриться, значит, рядом просто никого нет. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Пожалуй. С вашей точки зрения я ситуацию не рассматривал, и я совсем не уверен, что нарисованная вами картина меня успокаивает.

— Послушайте, все, что от вас требуется, — это вернуть письмо на место, в карман пальто, и выбросить из головы лишние мысли. И даже не заикайтесь о письме своей сеньоре.

— Вы бы так и сделали?

— Лично я нашел бы этого племенного бычка и разукрасил так, что, когда его срамные части выдернули бы из его же затылка, у него осталось бы одно-единственное желание — немедленно уйти в монастырь. Но я — это я, а вы есть вы.

Тоска охватила мою душу, расплываясь и растекаясь в груди, словно масляное пятно в чистой воде.

— Боюсь, вы не помогли мне, Фермин.

Он пожал плечами и, подхватив тяжелую коробку с книгами, взбежал по лестнице, пропав из виду.

Остаток утра мы посвятили текущим делам в магазине. Seriously поразмыслив над историей с письмом, спустя некоторое время я пришел к выводу, что Фермин совершенно прав. Хотя так и не сумел решить, в чем именно он был прав: в том, что нужно довериться любимой женщине и не волноваться напрасно или в том, что необходимо навестить пакостника и вылепить ему новое лицо? Календарь, висевший над прилавком, сообщал, что на дворе двадцатое декабря. У меня в запасе был еще месяц, чтобы разобраться с этим вопросом.

День прошел оживленно, покупки клиенты делали скромные, зато без перерыва. Фермин не упускал ни малейшей возможности, чтобы воспеть хвалу отцу за находчивость: вертеп и младенец Иисус, обликом напоминавший баскского штангиста, имели заметный успех.

— Вижу, что в искусстве торговли вам нет равных, посему удаляюсь в подсобку, чтобы привести в божеский вид коллекцию, которую на днях нам

передала вдова.

Воспользовавшись благоприятным моментом, я последовал за Фермином в подсобное помещение и задернул за спиной занавеску. Фермин посмотрел на меня с оттенком беспокойства. Я миролюбиво улыбнулся ему.

— Я просто хочу вам помочь.

— Как угодно, Даниель.

Какое-то время мы молча распаковывали коробки и раскладывали книги стопками, сортируя их по жанрам, размеру и состоянию. Фермин не раскрывал рта, старательно избегая моего взгляда.

— Фермин...

— Я ведь уже сказал, что вам нечего беспокоиться из-за письма. Ваша супруга не какая-нибудь вертихвостка, и в тот день, когда она пожелает оставить вас с носом, — дай Бог, чтобы он никогда не наступил, — она заявит вам об этом прямо, без пошлых интриг.

— Я понял вашу мысль, Фермин. Но речь не о том.

Фермин поглядел на меня с тоскливым выражением, не ожидая ничего хорошего.

— Мне показалось, что после закрытия магазина мы с вами могли бы поужинать вместе, — начал я, — а заодно побеседовать о делах. Например, о посетителе, приходившем вчера. Или о том, что не дает вам покоя. Чует мое сердце, между вчерашним стариком и вашим скверным настроением существует связь.

Фермин положил на стол книгу, с которой вытирал пыль, удрученно взглянул на меня и вздохнул.

— Я попал в переделку, Даниель, — выдавил он наконец. — В ловушку, из которой не знаю, как выбраться.

Я положил руку ему на плечо. Под тканью халата прощупывались лишь кожа да кости.

— Тогда позвольте помочь вам. Разделенная ноша вдвое легче.

Он недоуменно нахмурился.

— Нет сомнений, что мы с вами справлялись и с худшими неприятностями, — убеждал его я.

Фермин печально улыбнулся. Предложенное мной средство его не обнадежило.

— Вы хороший друг, Даниель.

«И вполтину не так хорош, как он того заслуживает», — подумал я.

В те времена Фермин по-прежнему жил в старом пансионе на улице Хоакина Косты, где, как мне стало известно из достоверного источника, остальные обитатели в тайном тесном сотрудничестве с Росиито и ее товарками готовили для него прощальную холостяцкую вечеринку, которая обещала прогреметь на века.

Я зашел за Фермином в начале десятого вечера. Он уже поджидал меня у подъезда.

— Откровенно говоря, мне не очень-то хочется есть, — признался он, увидев меня.

— Жаль. А я думал, что мы заглянем в «Кан льюис», — забросил я удочку. — Сегодня в меню отварной нут и сар-и-pota...^[19]

— Пожалуй, не следует упускать шанс, — согласился Фермин. — Хорошее кушанье подобно цветущей девушке — не всякий способен распробовать его вкус.

Приняв в качестве девиза этот перл из коллекции афоризмов непревзойденного дона Фермина Ромеро де Торреса, мы неторопливо прогулялись до ресторана, который мой друг почитал одним из лучших в Барселоне, да и в остальном мире. «Кан льюис» находился в доме номер сорок девять по улице Сера, в одном шаге от значных мест Равалья. Оформленный нарочито просто, с интерьером, пропитанным духом тайны старой Барселоны, «Кан льюис» предлагал превосходную кухню, примерное обслуживание и цены, приемлемые даже для нас с Фермином. В середине недели по вечерам в зале обычно собиралась богемная публика, включая артистов, заядлых театралов, литераторов и прочих людей большого и малого достатка, дружно поднимавших бокалы.

Первый, кого мы увидели, переступив порог ресторана, был завсегдатай нашего букинистического магазина профессор Альбукерке, который ужинал у барной стойки, бегло просматривая выпуск ежедневной газеты. Местный мудрец и мыслитель, преподаватель факультета филологии, тонкий критик и журналист, он чувствовал себя в этом ресторане как дома.

— Отрадно видеть вас в добром здравии, профессор, — обратился я к нему, проходя мимо. — Интересно, когда же вы нас посетите, чтобы пополнить запасы духовной пищи, ибо, поглощая одни только газетные

заголовки «Вангвардии», человек выжить не способен.

— Пожалуй, это было бы недурственно. Меня уже воротит от чтения дипломных работ — всей той дребедени, которую понаписали нынешние спесивые оболтусы и от которой у меня, кажется, развивается дислексия.

В этот момент официант подал профессору десерт: пышный флан,^[20] который величаво покачивался, роняя слезы жженого сахара и распространяя волшебный аромат ванили.

— Вкус к жизни обязательно вернется к вашей милости вместе с парой ложек этого восхитительного блюда, которое колыхнется так же аппетитно, как груди доньи Маргариты Ксиргу,^[21] — заметил Фермин.

Ученый профессор, воодушевленный образным сравнением Фермина, посмотрел на свой десерт с новой точки зрения и кивнул, завороченный чудным зрелищем. Мы оставили мыслителя смаковать сахарные прелести театральной примы и уютно устроились за укромным столиком в дальнем углу зала. Вскоре нам принесли обильный ужин, который Фермин бодро смолотил с проворством сельскохозяйственного комбайна.

— Я думал, у вас нет аппетита, — проронил я.

— Это все мышцы, они требуют калорий, — пояснил Фермин, полируя до блеска тарелку последним кусочком хлеба, оставшимся в корзинке. А мне-то казалось, что его снедает черная тоска!

Обслуживавший нас официант Пере подошел узнать, как у нас обстоят дела. Увидев, что Фермин поработал на славу, Пере протянул ему десертное меню:

— Немного сладкого, чтобы достойно завершить день, маэстро?

— Пожалуй, я не отказался бы от парочки порций вашего фирменного флана, такого же роскошного, как вы сегодня подавали. И если можно, положите на каждый флан по красивой спелой вишенке, — попросил Фермин.

Пере принял заказ и поделился с нами новостью: хозяин ресторана, услышав, как Фермин расхваливал изысканную прелесть флана, употребив для его описания весьма меткую метафору, решил отныне окрестить это блюдо «Маргаритой».

— Мне хватит кофе с молоком, — сказал я.

— Шеф угощает вас десертом и кофе за счет заведения, — ответил Пере.

Мы отсалютовали бокалами с вином хозяину, который нес вахту за барной стойкой, ведя беседу с профессором Альбукерке.

— Славные люди, — пробормотал Фермин. — Порой забываешь, что

на этом свете живут не одни только подонки.

Меня поразила безысходная горечь, вдруг прорезавшаяся в его тоне.

— Почему вы так говорите, Фермин?

Мой друг пожал плечами. Вскоре на нашем столе появились фланы, сладострастно трепетавшие и увенчанные алыми вишенками.

— Напоминаю, что скоро вы женитесь, и тогда вам придется завязать с «маргаритами», — подколот его я.

— Горе мне, — сказал Фермин. — Я изошел дымом. Я уже совсем не тот, что прежде.

— Все мы изменились.

Фермин с наслаждением лакомился фланом.

— Где-то я читал, что по сути своей мы никогда и не были такими, как прежде, и наши иллюзии — это всего лишь воспоминания о том, чего никогда не существовало... — промолвил Фермин.

— Так начинается роман Хулиана Каракса, — подсказал я.

— Верно. Как сложилась судьба старины Каракса? Вы не задумывались об этом?

— Думаю постоянно.

Фермин улыбнулся, вспоминая наши прошлые похождения. Указав мне на грудь пальцем, он состроил вопросительную мину:

— Все еще болит?

Я расстегнул пару пуговиц на рубашке и продемонстрировал ему шрам, оставленный пулей инспектора Фумеро, которая пробила меня когда-то насквозь в руинах «Ангела тумана».

— Иногда.

— Старые раны не заживают, так ведь?

— Полагаю, что заживают и вновь открываются. Фермин, посмотрите мне в глаза.

Ускользящий взгляд Фермина сфокусировался на моем лице.

— Вы можете рассказать, что все-таки с вами происходит?

Он замялся на мгновение.

— Вы знаете, что Бернарда беременна? — спросил он.

— Нет, — солгал я. — Вас именно это беспокоит?

Фермин покачал головой, доедая вторую порцию флана и выскребая чайной ложкой последние молекулы сахарной карамели.

— Она не хотела пока мне говорить, потому что боится, бедняжка. Что касается меня, то я стану счастливейшим человеком на земле.

Я пристально поглядел на него.

— Не стану вас обманывать, в настоящий момент со стороны вы

совершенно не похожи на счастливого. Вы нервничаете из-за свадьбы? Вам не по себе от того, что придется идти в церковь и все такое?

— Нет, Даниель. Правда в том, что я весь в предвкушении, пусть даже без священников не обойтись. Я каждый день готов жениться на Бернарде снова и снова.

— В чем же тогда дело?

— Вы знаете, что спрашивают первым делом у человека, собравшегося жениться?

— Имя, — ответил я без запинки.

Фермин медленно кивнул. До сих пор я совершенно об этом не задумывался, но теперь вдруг понял, с какой дилеммой столкнулся мой верный друг.

— Вы помните, Даниель, о чем я рассказывал вам несколько лет назад?

Я помнил превосходно. Во время гражданской войны в результате происков инспектора Фумеро, который до того, как сделать ставку на фашистов, служил наемным мясником коммунистов, мой друг угодили в тюрьму, где едва не лишился рассудка и жизни. Чудом уцелев и вырвавшись на свободу, он решил взять чужое имя, полностью стерев свое прошлое. Побывав одной ногой в могиле, он решил стать другим человеком и позаимствовал имя, которое прочитал на старой афише, объявлявшей о корриде на арене «Монументаль». Так появился на свет Фермин Ромеро де Торрес — человек, создававший свою жизнь с чистого листа изо дня в день.

— Вот почему вы не захотели заполнить документы в викариате, — промолвил я. — Причина в том, что вы не можете воспользоваться именем Фермина Ромеро де Торреса.

Фермин подтвердил мою догадку.

— Послушайте, я уверен, что мы найдем способ сделать вам новые документы. Помните лейтенанта Паласиоса? Он уволился из полиции и теперь преподает физкультуру в колледже в Бонанова. Но порой он наведывается в наш магазин поболтать о том о сем. Однажды он обмолвился, что ныне сложился весьма обширный черный рынок документов, обслуживающий тех, кто провел годы в эмиграции и теперь желает вернуться в страну. По его словам, он лично знаком с одним печатником, владельцем мастерской неподалеку от казарм Атарасанос, у которого есть хорошие связи в полиции, и за сотню песет он выправит кому угодно любое удостоверение личности и регистрирует его как положено.

— Я знаю, о ком речь. Его звали Эредиа. Художник.

— Звали?

— Пару месяцев назад его тело выловили в порту. Говорят, он выпал

из моторной лодки по пути к волнорезам. Со связанными за спиной руками. Фашистские шуточки.

— Вы с ним встречались?

— Были у нас кое-какие делишки.

— Следовательно, если у вас на руках документы, удостоверяющие, что вы Фермин Ромеро де Торрес...

— Эредиа оформил мне их в тридцать девятом, в самом конце войны. Тогда это было намного проще сделать. Все смешалось, творилась ужасная неразбериха, и когда люди сообразили, что корабль тонет, за два дура вам продали бы и дворянский герб.

— Почему же в таком случае вы не можете воспользоваться собственным именем?

— Потому что Фермин Ромеро де Торрес умер в 1940 году. То были лихие времена, намного хуже нынешних, Даниель. Тот бедняга не протянул и года.

— Умер? Где? Как?

— В тюрьме, в крепости Монтжуик. В камере номер тринадцать.

Тотчас в памяти всплыла дарственная надпись, адресованная Фермину, которую сделал зловещий незнакомец на титульном листе романа «Граф Монте-Кристо»:

«Фермину Ромеро де Торрес, который восстал из мертвых и хранит ключ от будущего.

13».

— Тогда, в тот давний вечер, я поведал вам малую часть своей истории, Даниель.

— Я думал, вы мне доверяете.

— Лично я слепо доверил бы вам свою жизнь. Дело в другом. Я рассказал вам лишь толику правды потому, что хотел уберечь вас.

— Уберечь? Меня? От чего же?

Фермин спрятал глаза, подавленно понурившись:

— От правды, Даниель... От настоящей правды.

Часть вторая

В царстве мертвых

Барселона, 1939 год

Новых заключенных привозили по ночам. Черные машины и грузовики трогались со двора комиссариата на виа Лаетана и ехали в тишине через весь город; их будто никто не замечал или не осмеливался замечать. Транспорт Социально-политической бригады поднимался по старой дороге, по склону горы Монтжуик. Многие потом рассказывали, что, различив силуэт крепости, который вырисовывался в вышине на фоне армадой плывших с моря черных туч, они осознавали, что не выйдут оттуда живыми.

Крепость прилепилась к скалам на самой вершине горы и словно парила в небе между морем на востоке, ковром теней, расстилавшимся на севере, и бескрайним городом мертвых на юге — древним кладбищем Монтжуик. Его миазмы поднимались по скалам и просачивались сквозь трещины в камнях, между прутьев решеток на окнах камер. Перед тем замок использовали как военный форт и плацдарм для бомбардировок города. Но вскоре после падения Барселоны (в январе) и окончательного разгрома республики (в апреле) в нем молчаливо поселилась смерть. Жители Барселоны, оказавшиеся в тенетах самой долгой ночи за всю ее историю, старались не смотреть на небо, чтобы не видеть очертаний крепостных стен на вершине горы.

Политическим заключенным по прибытии присваивали номер, и обычно он соответствовал номеру камеры, где им предстояло отныне томиться и, возможно, умереть. Для большинства «жильцов» — тюремщикам нравилось так именовать арестантов — путь в крепость становился дорогой с односторонним движением. В ночь, когда «жильца» номер тринадцать привезли в Монтжуик, дождь лил как из ведра. Струйки мутной воды, стекая по стене, оплетали тонкой сетью сосудов каменную кладку, воздух был пропитан пряным запахом сырой земли. Два офицера отвели прибывшего в комнату, где не оказалось никакой мебели, кроме железного стола и стула. С потолка свисала на шнуре электрическая лампочка, тускневшая, когда напряжение падало. Арестованный ждал около получаса, оставаясь на ногах в промокшей одежде под охраной конвоира, вооруженного винтовкой.

Наконец из коридора донеслись шаги, дверь открылась, и появился

молодой человек, вряд ли достигший тридцатилетия. Он был одет в отутюженный шерстяной костюм и благоухал одеколоном. Вид этот господин имел отнюдь не бравый и совсем не походил ни на кадрового военного, ни на офицера полиции. Облик его казался располагающим благодаря мягким чертам и добродушному выражению лица. Арестант подумал, что тот отлично вжился в роль, ибо всем своим видом он изображал смирение человека, угнетенного бременем занимаемой должности и навязанной ему ролью. Но его выдавали глаза: голубые и колючие, отливавшие сталью и понаторевшие в подозрительности и алчности. Надежно спрятанная под маской подчеркнутой любезности и лощеных манер, его истинная сущность проявлялась только в остром и цепком взгляде.

За стеклами круглых очков глаза молодого человека казались больше, а набриолиненные волосы, зачесанные назад, придавали ему вид слегка жеманный и совершенно неуместный в той безрадостной обстановке, где зло витало в воздухе. Франт сел за стол и раскрыл папку, которую принес с собой. Бегло просмотрев ее содержимое, он сложил руки и, подперев подбородок кончиками пальцев, устремил на арестанта испытующий взор.

— Простите, но мне кажется, что произошло недоразумение...

Удар прикладом в живот вышиб из арестованного дух, и, скрючившись, бедняга упал на пол.

— Открывать рот, только когда господин комендант тебя спрашивает! — прикрикнул охранник.

— Встать, — дрогнувшим голосом приказал господин комендант, еще не научившийся отдавать команды по-военному четко.

Арестованный с усилием встал на ноги и наткнулся на недовольный взгляд коменданта.

— Имя?

— Фермин Ромеро де Торрес.

Арестант заглянул в холодные голубые глаза и прочитал в них презрение и безразличие.

— Что это за имя? Ты принимаешь меня за идиота? Назови свое имя, настоящее имя.

Арестованный, тщедушный и крайне изможденный человек, протянул свое удостоверение личности господину коменданту. Охранник вырвал документ у него из рук и подал на стол. Господин комендант вскользь взглянул на бумагу и с усмешкой прищелкнул языком.

— Еще один от Эредиа, — проворчал он, выбрасывая удостоверение в мусорную корзину. — Эти бумажки недействительны. Ты намерен

сообщить свое имя, или нам придется взяться за тебя всерьез?

«Жилец» номер тринадцать попытался что-то произнести, но у него так сильно затряслись губы, что вместо слов получилось невнятное бормотание.

— Да не бойся ты так, мы ведь не людоеды. Что тебе наплели? Слишком много развелось краснобаев, которые самозабвенно распространяют клеветнические домыслы о нас там, в городе. Но в действительности к людям, которые идут нам навстречу, здесь относятся хорошо, не забывают о том, что они тоже испанцы. Ну-ка раздевайся.

Арестованный растерялся и замешкался. Сеньор комендант потупился, словно застопорившееся действие его утомило и только упрямство заключенного мешало ему покинуть подмости. В следующую секунду охранник нанес пленнику новый удар прикладом, на сей раз по почкам, снова сбив его с ног.

— Ты слышал, что сказал господин комендант? Заголяйся! Мы не намерены сидеть тут всю ночь.

«Жилец» номер тринадцать с трудом сумел приподняться и так, стоя на коленях, стал снимать с себя грязную и окровавленную одежду. Как только он разделся донага, охранник ткнул его под подбородок дулом винтовки и заставил встать. Господин комендант поднял взор от крышки стола, и на лице его проскользнуло выражение отвращения, когда он увидел ожоги, покрывавшие торс, ягодицы и бедра пленника.

— Похоже, этот вояка — старый знакомый Фумеро, — заметил охранник.

— Замолчите вы! — неуверенно прикрикнул господин комендант.

Он с нетерпением поглядел на арестованного и увидел, что тот плачет.

— Эй, перестань рыдать и скажи, как тебя зовут.

Пленник шепотом повторил свое имя:

— Фермин Ромеро де Торрес...

Господин комендант вздохнул, не скрывая досады:

— Послушай, ты испытываешь мое терпение. Я готов помочь тебе, а ты вынуждаешь меня делать то, чего мне вовсе не хочется, — а именно связаться с Фумеро и сообщить ему, что ты у нас.

Пленник заскулил, словно израненная собака, и затрясся всем телом. Коменданту явно не нравилось происходящее. Он искренне желал поскорее покончить с процедурой, поэтому, обменявшись взглядом с охранником и не тратя попусту слов, ограничился тем, что вписал в анкету имя, названное арестованным, и выругался вполголоса.

— Будь проклята эта война, — пробормотал он, когда арестанта увели

в камеру, протаскив голым по коридорам, где на полу стояли лужи.

Прямоугольная камера была темной и сырой, с пробитой в скале крошечной отдушиной, через которую поступал свежий воздух. Зарубки и надписи, вырезанные прежними «жителями», покрывали стены. Люди писали имена, даты или оставляли другие свидетельства своего существования. Кто-то из несчастных истово выцарапывал кресты в темноте, но Господь их, похоже, не замечал. Железные прутья, запиравшие камеру, были источены коррозией и оставляли на ладонях налет ржавчины.

Фермин скрючился на тюремной койке, пытаясь прикрыть наготу куском рваной дерюги, которая, видимо, служила и одеялом, и матрацем, и подушкой. Сумрак окрашивался в медные тона, словно во тьме растворился слабый отблеск угасающей лампы. Вскоре глаза привыкли к вечной мгле, а слух обострился настолько, что стал улавливать малейший шорох сквозь монотонную капель и отголоски ветра, сквозившего в щели.

Фермин провел в камере около получаса, когда взор его различил в дальнем углу бесформенный предмет, напоминавший куль. Фермин встал и, робко приблизившись к свертку, увидел грязный парусиновый мешок. Холод и сырость пробирали до костей, и хотя запах, исходивший от тюка, испещренного темными пятнами, не сулил ничего хорошего, Фермин подумал, что найдет внутри арестантскую робу (никто так и не позаботился выдать ему одежду), а если повезет, то и одеяло, чтобы укрыться. Он опустился рядом с мешком на колени и распутал узел, стягивавший горловину.

Фермин отвернул край парусины, и в дрожащем свете едва теплившихся в коридоре лампочек открылось лицо, показавшееся в первое мгновение лицом манекена — куклы для демонстрации костюмов, которые портные любят выставлять в витринах. Но тошнотворная вонь наводила на мысль, что перед ним вовсе не манекен. Зажав нос и рот ладонью, Фермин стащил с него мешок и резко попятился, отступая до тех пор, пока не уперся спиной в стену камеры.

Умерший, мужчина неопределенного возраста (ему можно было дать от сорока до семидесяти пяти лет), весил всего килограммов пятьдесят. Длинные волосы и седая борода укутывали большую часть исхудавшего торса. Костлявые руки и пальцы с длинными скрюченными ногтями напоминали птичьи лапы. Роговица в широко открытых глазах мертвеца как будто сморщилась, словно кожица перезрелых фруктов. Из

полуоткрытого рта вываливался распухший почерневший язык, прикушенный гнилыми зубами.

— Снимите с него одежду прежде, чем труп унесут, — раздался голос из камеры, находившейся по другую сторону коридора. — Тюремную робу вам выдадут только через месяц.

Фермин прозондировал взглядом темноту и уловил в глубине противоположной камеры блеск глаз человека, наблюдавшего за ним со своей койки.

— Не бойтесь, этот несчастный уже никому не причинит вреда, — убеждал его незнакомец.

Фермин кивнул и отважился снова приблизиться к трупу, толком не понимая, как доведет до конца задуманную операцию.

— Простите меня, — прошептал он усопшему. — Покойтесь с миром, и да смилостивится над вами Господь.

— Он был атеистом, — сообщил тот же голос.

Фермин вздохнул и оставил церемонии. Холод, наполнявший каменную клеть, донимал немилосердно, недвусмысленно намекая, что в этой юдоли скорби условностям нет места. Фермин задержал дыхание и принялся за дело. От одежды разило гниющей плотью так же отвратительно, как и от покойника. Трупное окоченение уже распространилось на все члены, поэтому раздеть труп оказалось намного сложнее, чем предполагал Фермин. Стащив с него тряпки, Фермин позаботился вновь укутать тело парусиной и завязал мешок морским узлом, с которым не сумел бы справиться даже великий Гудини. Облачившись в вонючие лохмотья, Фермин снова съежился на узкой кровати, задаваясь вопросом, скольких владельцев успело сменить это рубище.

— Спасибо, — сказал он в темноту после паузы.

— Не за что, — отозвался голос по ту сторону коридора.

— Фермин Ромеро де Торрес, к вашим услугам.

— Давид Мартин.

Фермин наморщил лоб: имя показалось ему знакомым. Целых пять минут он тасовал затертые карты воспоминаний и эпизоды из своей жизни, как вдруг забрезжил свет, и в памяти всплыли счастливые вечера, когда ему удавалось улучшить время и посидеть в уголке библиотеки на улице Кармен, глотая с жадностью приключенческие романы с броскими названиями. Они выходили в серии с яркими обложками.

— Мартин? Писатель? Автор «Города проклятых»?

В темноте послышался вздох.

— В этой стране больше не уважают тайну псевдонима.

— Прошу прощения за бестактность. Дело в том, что я относился с глубочайшим пиететом к вашим книгам, рассматривая их как инструмент познания с точки зрения схоластики. Так получилось, что мне стало известно, что именно вы водили пером великого Игнатиуса Б. Самсона...

— К вашим услугам.

— О, послушайте, сеньор Мартин, как приятно познакомиться с вами, хоть и при столь плачевных обстоятельствах, поскольку я много лет являюсь вашим горячим поклонником...

— А может, заткнемся, салаги, тут ведь люди пытаются поспать, — пророкотал раздраженный голос из соседней камеры.

— То вещала сама радость, — вмешался еще один собеседник. Его голос доносился из камеры дальше по коридору. — Не обращайтесь внимания, Мартин, пусть себе засыпает, и его заживо сожрут клопы, начав с причинного места. Давайте, Мартин, вы ведь расскажете нам одну из своих историй? О Хлое...

— Зачем? Чтобы ты потом дрожил, как павиан? — огрызнулся сердитый голос.

— Любезный Фермин, с удовольствием представляю вам номер двенадцатый, которому все видится в черном свете, о чем бы ни шла речь, — сообщил из своей камеры Мартин, — а также номер пятнадцатый, страдающий бессонницей. Он человек просвещенный, признанный утопист и выразитель чаяний обитателей нашей галереи. Остальные немногословны, особенно номер четырнадцатый.

— Я говорю, когда мне есть что сказать, — заявил низкий надменный голос, принадлежавший, как решил Фермин, номеру четырнадцатому. — Если бы все здесь так поступали, то мы могли бы спокойно спать по ночам.

Фермин проявил уважение к столь избранному обществу:

— Доброй ночи всем. Меня зовут Фермин Ромеро де Торрес, и я счастлив познакомиться с вами.

— Счастливы только вы, — сварливо отозвался номер двенадцатый.

— Добро пожаловать, и, надеюсь, ваше пребывание тут окажется недолгим, — промолвил номер четырнадцатый.

Фермин бросил взгляд на мешок, в котором лежал труп, и поежился.

— Это Лусио, прежний тринадцатый номер, — разъяснил Мартин. — Мы ничего о нем не знаем, поскольку бедняга был немым. Пуля пробила ему гортань в битве на Эбро.

— Жаль, что он такой был один, — подал реплику номер девятнадцатый.

— Отчего он умер? — спросил Фермин.

— Здесь умирают от такой жизни, — ответил номер двенадцать. —
Большого не требуется.

Спасала рутина. Ежедневно на один час заключенных первых двух галерей выводили во двор, окруженный рвом, где они жарились под палящими лучами солнца, мокли под проливным дождем и страдали от прочих природных явлений. Меню состояло из прогорклого, холодного и жирного клейстера серого цвета. Выдавали это варево неизвестного происхождения каждому по полмиски, но через несколько дней, когда живот уже сводило от голода, к такой пище начинали привыкать. Разносили еду в середине дня, и со временем заключенные приучались ожидать ее с нетерпением.

Один раз в месяц арестанты отдавали грязную одежду и получали другую, немногим чище, которую вроде бы в течение минуты подержали в котле с кипящей водой, хотя клопы, похоже, о подобных крайностях не ведали ни сном ни духом. По воскресеньям служили мессу, посещение которой настоятельно рекомендовалось. И никто не осмеливался прогуливать, поскольку священник делал перекличку и отмечал имя отсутствующего в списке. Два пропуска оборачивались недельным постом, три — месячным отдыхом в одной из одиночных камер в башне.

Галереи, двор и переходы, по которым перемещались арестанты, бдительно охраняли. Тюрьму патрулировала армия караульных, вооруженных винтовками и пистолетами. Когда заключенные покидали свои камеры, то везде, куда ни повернись, взор наткнулся на добрую дюжину охранников, стоявших настороже с оружием на изготовку. Компанию им составляли надзиратели, экипированные менее грозно. Никто из них не походил на военных, и по общему мнению заключенных, они являлись представителями той группы несчастных и невезучих людей, кому не удалось найти более приличной работы в тяжелые дни тотального бедствия.

В каждую галерею выделяли на дежурство по одному надзирателю. Снабженный связкой ключей, он просиживал двенадцатичасовую смену на стуле в конце коридора. Надзиратели в массе своей избегали браться с заключенными, они старались не смотреть на «жильцов» и не вступать в разговор с ними чаще, чем это было совершенно необходимо. Единственным исключением из общего правила являлся бедолага, получивший кличку Ханурик. Некогда он служил ночным сторожем на фабрике в Пуэбло-Секо и потерял глаз во время воздушной бомбардировки.

Поговаривали, что брат-близнец Ханурика сидел в тюрьме где-то в Валенсии. Вероятно, именно поэтому он относился к заключенным с известной долей дружелюбия, тайком приносил им питьевую воду и сухой хлеб, а также те крохи, что ему удавалось урвать из посылок для арестантов от родственников: все передачи охрана считала своей законной военной добычей. Ханурик подтаскивал стул поближе к камере Давида Мартина и охотно слушал истории, которыми писатель иной раз баловал собратьев по несчастью. В том рукотворном аду Ханурик выступал в ипостаси ангела.

Обычно после воскресной мессы сеньор комендант обращался к заключенным с короткой назидательной речью. О коменданте было известно немного. Звали его Маурисио Вальс, и до войны он был скромным кандидатом в литераторы, служившим секретарем и сводником у одного местного писателя, который пользовался умеренной известностью и являлся давним соперником невезучего дона Педро Видаля. В свободное время Вальс делал скверные переводы классиков с древнегреческого и латыни, а также издавал вместе с горсткой духовных собратьев амбициозный журнальчик, отражавший высокие культурные притязания авторов, но имевший весьма невысокий спрос. Вальс любил устраивать званые вечера, собирая батальоны непризнанных гениев. Сообща они оплакивали несовершенство мироздания и хвастливо вещали, что, если когда-нибудь возьмут бразды правления в свои руки, жизнь станет прекрасной, как на вершине Олимпа.

Казалось, Вальс обречен на серое, приправленное горечью существование посредственности, которую Бог в своей бесконечной жестокости наделил манией величия и титаническим тщеславием. Однако война изменила сценарий его будущей жизни, впрочем, как перекроила она и жизни очень многих людей. Судьба его совершила крутой поворот, когда Маурисио Вальс, прежде любивший исключительно свой выдающийся талант и тонкую натуру, выбирая между холостяцкой свободой молодого повесы и выгодной женитьбой, предпочел вступить в брак с дочерью могущественного промышленника, державшего в своих щупальцах большую часть бюджета генерала Франко и его армии. Невеста, перезрелая девица на восемь лет старше жениха, с тринадцати лет не вставала с инвалидного кресла, ибо страдала наследственной болезнью, пожиравшей ее мышцы и жизненные силы. Мужчины никогда не делали поползновений заглянуть девушке в глаза и взять ее за руку, чтобы сказать, какая она красивая, или спросить, как ее зовут. Маурисио оказался первым и последним поклонником, который взялся ухаживать за ней. Как все

бездарные писатели, в глубине души он был человеком весьма расчетливым и тщеславным. Спустя год пара отпраздновала свадьбу в Севилье. Церемонию бракосочетания почтила присутствием сиятельная верхушка командования армии националистов во главе с генералом Кейпо де Льяно.

— Вы сделаете карьеру, Вальс, — предрек сам Серрано Суньер во время частной аудиенции в Мадриде, на которую Вальс явился выпрашивать должность директора Национальной библиотеки. — Испания переживает трудную эпоху, и каждый добропорядочный испанец обязан внести посильную лепту, чтобы сдержать натиск марксистской орды, стремящейся уничтожить наши духовные ценности, — заявил шурин каудильо, ослепительный в своем новеньком мундире опереточного адмирала.

— Рассчитывайте на меня, ваше превосходительство, — поспешил заверить влиятельную персону в своей лояльности Вальс. — Всегда и везде.

«Везде» вылилось в назначение на пост коменданта, но только не чудесной Национальной библиотеки, куда он стремился, а печально известной тюрьмы для особо опасных преступников на скалистом холме, парившем над Барселоной. Список родственников и протеже, которых требовалось пристроить на престижные должности, оказался слишком длинным и пространным, и Вальс, несмотря на все приложенные усилия, значился в его последней трети.

— Наберитесь терпения, Вальс. Ваш труд оценят по заслугам.

Так Маурисио Вальс получил первый урок, осваивая сложное национальное искусство маневрировать, карабкаясь вверх по ступеням карьерной лестницы вслед за сменой политического режима. К вершине рвались как соратники победителей, так и перебежчики из вражеского стана; счет их шел на тысячи, так что конкуренция возникла жесточайшая.

Таким было начало пути коменданта, во всяком случае, согласно местному преданию, которое сложилось на основе догадок, непроверенных подозрений и замшелых слухов. Изрядная доля слухов получила огласку и достигла ушей заключенных вследствие недостойного поведения прежнего коменданта, смещенного с поста всего через две недели после назначения, чтобы освободить место для Вальса. Естественно, бывший комендант всеми фибрами души ненавидел выскочку, похитившего у него должность, за которую он сражался всю войну. У опального начальника отсутствовали родственные связи, а на биографии лежало несмываемое пятно. Однажды его застукали в тот деликатный момент, когда он, напившись до положения риз, отпускал шуточки насчет генералиссимуса всея Испании и его поразительного сходства с Пепито Грильо. Прежде чем в его гроб заколотили последний гвоздь, сослав помощником коменданта тюрьмы в Сеуту, он успел как следует приложить соперника, раскрывая подноготную дона Маурисио Вальса всем, кто не отказывался послушать.

Не подлежал, однако, сомнению факт, что к Вальсу разрешалось обращаться не иначе как «господин комендант». По официальной версии, принадлежавшей самому дону Маурисио, он являлся признанным корифеем национальной литературы и культуры, обладателем высокоразвитого интеллекта и потрясающей эрудиции, приобретенной в результате многолетнего обучения в Париже. Вальс не устал повторять, что его амбиции простираются далеко за рамки нынешней временной службы в государственном исправительном секторе, ибо перед ним стоит задача с помощью избранного круга интеллектуальной элиты нести просвещение в народные массы обескровленной Испании и научить их думать.

Речи Вальса, которые он с завидным упорством публиковал в национальной прессе, нередко содержали длинные цитаты из философских трудов, эпических произведений и статей по педагогике и были посвящены вопросам литературы, философии и необходимости возрождения культуры мысли на Западе. Если заключенные устраивали ему овацию после завершения очередной поучительной лекции, господин комендант делал великодушный жест, и арестанты получали возможность разделить между собой сигареты, свечи и другие предметы роскоши — иными словами, все, что еще оставалось от посылок родственников. Самое ценное из них

предварительно забирали тюремщики; обычно они уносили вещи к себе домой, но иногда продавали небольшую часть заключенным, которым из передач в любом случае доставалось с гулькин нос.

Людей, умиравших по естественным или подспудно спровоцированным причинам, — как правило, от одного до трех человек в неделю, — забирали в середине ночи, за исключением пятницы или церковных «обязательных» праздников.^[22] В этом случае покойный оставался в камере до понедельника или следующего рабочего дня, частенько составляя компанию новому «жильцу». Когда заключенные поднимали крик, что один из их товарищей переселился в мир иной, надзиратель подходил к усопшему, проверял его пульс и дыхание, а затем укладывал тело в один из парусиновых мешков, служащих как раз для подобной цели. В завязанном мешке мертвец лежал в своей камере, дожидаясь, пока за ним приедут из похоронной конторы с соседнего кладбища Монтжуик. Было неизвестно, что потом делали с этими трупами. Ханурик, если его об этом спрашивали, отказывался отвечать и прятал глаза.

Каждые пятнадцать дней собирался верховный военный трибунал, и на рассвете осужденных казнили. Случалось, что из-за скверного состояния ружей или подпорченных зарядов расстрельному взводу не удавалось поразить жизненно важные органы приговоренных, и мучительные стоны раненых, упавших в ров, раздавались часами. Иногда звучал взрыв, и тогда крики мгновенно смолкали. По версии заключенных, кто-то из офицеров добивал обреченных гранатой, но наверняка этого никто не знал.

Среди арестантов имели широкое хождение самые разные слухи, в том числе поговаривали, будто господин комендант завел обыкновение по утрам в пятницу принимать у себя в кабинете жен, дочерей, невест и даже тетюшек и бабушек заключенных. Избавившись от обручального кольца, которое он отправлял в верхний ящик письменного стола, Вальс выслушивал ходатайства, вникал в просьбы, предлагал женщинам платок, чтобы вытереть слезы, и принимал подарки и одолжения иного рода в обмен на обещание сытно кормить и хорошо обращаться с заключенным. Порой он даже подавал надежду на пересмотр спорных приговоров, что, впрочем, ни разу не привело к желаемому результату.

В отдельных случаях Маурисио Вальс просто угощал посетительниц печеньем и бокалом «Москателя». Если дамы, невзирая на тяготы военного времени и недоедание, сохранили миловидность и вызвали желание их пощупать, комендант читал им отрывки из своих сочинений, нацепив нимб мученика, сетовал на брак с инвалидом и рассыпался словесами, сколь

ненавистна ему тюремная служба. Вальс разливался соловьем, жалуясь на унижительность своего положения. Ибо он считал глубоко несправедливым, что столь образованного, утонченного и воспитанного человека, как он, сослали на низменную должность, тогда как судьбой ему было предназначено принадлежать к политической и интеллектуальной элите страны.

Тюремные старожилы советовали не поминать всуе господина коменданта и по возможности вообще выбросить мысли о нем из головы. В основном заключенные предпочитали говорить о семьях, с которыми их разлучили, о любимых женщинах, рассказывать самые яркие эпизоды из своей прежней жизни. Некоторые ухитрились сохранить фотографии невест и жен и берегли их пуще зеницы ока, защищая из последних сил от посягательств. Опытные люди предупреждали Фермина, что труднее всего пережить первые три месяца. Потом, когда таяла последняя надежда, время начинало бежать быстрее, и бессмысленное существование постепенно усыпляло душу.

По воскресеньям, после мессы и выступления господина коменданта, заключенные небольшой компанией собирались в солнечном уголке двора, чтобы выкурить сигарету — одну на всех — и послушать истории, которыми их развлекал Давид Мартин, если находился в здравом уме. Фермин, знавший почти все его новеллы наизусть, поскольку в свое время прочитал серию «Город проклятых» от корки до корки, присоединялся к обществу и давал волю воображению. Правда, довольно часто Мартин оказывался не в состоянии связать двух слов, тогда его оставляли в покое, и он принимался беседовать сам с собой в сторонке. Фермин внимательно наблюдал за ним, а временами ходил по пятам; было в этом несчастном человеке нечто такое, что заставляло его сердце сжиматься от жалости. Фермин, пустив в ход свой богатый арсенал мошеннических трюков, ухитрялся добывать для писателя сигареты и даже кусочки сахара, который тот обожал.

— Вы хороший человек, Фермин. Постарайтесь этого не показывать.

Мартин не расставался со старой фотографией, которую часто и подолгу рассматривал. На ней был запечатлен господин в белом костюме, державший за руку девочку лет десяти. Оба они, мужчина и девочка, смотрели на закат, стоя на краю маленькой деревянной пристани, выдававшейся в море, словно тропинка, проложенная над прозрачными водами. Однажды Фермин спросил писателя о снимке. Мартин промолчал и лишь улыбнулся, пряча карточку в карман.

— Кто эта девочка на фотографии, сеньор Мартин?

— Я точно не знаю, Фермин. Память меня порой подводит. С вами такого не случается?

— Конечно. Со всеми бывает.

Шептались, будто Мартин не в себе. И вскоре после того, как между ними завязалось подобие дружбы, Фермин начал подозревать, что бедняга повредился в рассудке гораздо сильнее, чем предполагали остальные заключенные. В редкие минуты просветления Мартин демонстрировал исключительную остроту и трезвость ума, но в остальное время он словно не понимал, где находится, и заводил речь о событиях и людях, явно существовавших только в его воображении или воспоминаниях.

Просыпаясь под утро, Фермин часто слышал, как Мартин разговаривал в своей камере. Тайком подкравшись как-то к решетке и

напрягая слух, Фермин сумел различить отголоски словесной баталии: Мартин ожесточенно спорил с кем-то, кого он называл «сеньор Корелли». И судя по смыслу звучавших реплик, упомянутый сеньор Корелли являлся фигурой зловещей, чтобы не сказать роковой.

Однажды ночью Фермин зажег припасенный огарок последней свечи и поднял его повыше, чтобы осветить камеру напротив. В результате он убедился, что Мартин находился в ней один и оба голоса — писателя и этого самого Корелли — исходили из одних уст. Мартин описывал круги по камере, а когда их взгляды на миг скрестились, Фермину стало ясно, что его сосед попросту его не видит. Писатель вел себя так, будто стен тюрьмы не существовало вовсе, и его диалог с неведомым сеньором происходил где-то далеко от горы Монтжуик.

— Не обращайтесь внимания, — пробормотал номер пятнадцатый в темноте. — Каждую ночь повторяется одно и то же. Заливается колокольчиком. Несчастный человек.

Наутро Фермин попытался расспросить писателя о загадочном Корелли и об их ночных беседах. Мартин удивленно посмотрел на него, смущенно улыбнулся и ничего не ответил. В другой раз, когда Фермин не мог заснуть из-за холода, он снова, прижавшись к решетке, слышал, как Мартин вел диалоге одним из своих невидимых друзей. В ту ночь Фермин осмелился вмешаться.

— Мартин? Это Фермин, ваш сосед напротив. Вы хорошо себя чувствуете?

Мартин приблизился к прутьям, и Фермин увидел, что лицо писателя залито слезами.

— Сеньор Мартин? Кто такая Исабелла? Вы только что о ней говорили.

Мартин пытливо посмотрел на него.

— Исабелла — единственное, что осталось хорошего на этом свете, — высказался писатель с несвойственным ему ожесточением. — Если бы не она, не жаль было бы поджечь весь дерьмовый мир и позволить ему выгореть дотла.

— Простите, Мартин. Я не хотел вас тревожить.

Мартин отступил, скрывшись в тени. На следующее утро его нашли почти без сознания: скорчившись, он трясся над лужей крови. Ханурик заснул, сидя на стуле, и Мартин, воспользовавшись моментом, изодрал запястья камнем, вскрыв себе вены. Он был мертвенно бледен, когда его укладывали на носилки, и Фермин не надеялся увидеть беднягу вновь.

— Не волнуйтесь за приятеля, Фермин, — утешил номер

пятнадцатый. — Будь на его месте кто другой, он отправился бы прямиком в мешок, но Мартину господин комендант не даст умереть. Бог знает почему.

Камера Давида Мартина пустовала пять недель. Обратно Ханурик принес его на руках, как ребенка. Его и не различить было в белой пижаме, а руки были забинтованы до локтей. Мартин никого не узнавал и провел первую ночь, разговаривая сам с собой и заливаясь смехом. Ханурик поставил стул вплотную к решетке камеры и ночь напролет дежурил около больного, скармливая ему кусочки сахара, которые стянул в комнате офицеров и припрятал в карманах.

— Сеньор Мартин, пожалуйста, не говорите таких ужасных вещей, иначе Бог вас накажет, — шептал надзиратель, просовывая сквозь прутья лакомство.

В миру номер двенадцатый был доктором Романом Санаухой, заведующим терапевтическим отделением клинической больницы. Человек цельный, он оказался невосприимчив к вирусу идеологического бреда и массовой истерии. Совесть и нежелание доносить на друзей довели его до тюремной камеры. Очутившись в крепости, арестанты автоматически теряли право иметь профессию. За исключением тех случаев, когда их профессиональные навыки могли быть полезны господину коменданту. Квалификация доктора Санаухи вскоре получила должное признание и высокую оценку.

— К сожалению, я не располагаю необходимыми медицинскими средствами, — объяснил господин комендант. — Реальность такова, что у государства иные приоритеты и его мало волнует, что кто-то из вас гниет от гангрены в камере. После долгих баталий мне удалось добиться, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки и нам прислали плохо укомплектованную аптеку и коновала, которого, по-моему, не приняли бы даже уборщиком на ветеринарный факультет. Но это все, чем мы располагаем. Я осведомлен, что прежде, чем соблазниться ложью о нейтралитете, вы являлись довольно известным врачом. По причинам, не имеющим к делу отношения, я лично заинтересован в том, чтобы заключенный Давид Мартин не покинул нас преждевременно. Если вы согласитесь сотрудничать и поможете поддержать его в сносном состоянии, я обещаю вам, что, учитывая обстоятельства, сделаю ваше пребывание тут терпимым. Также я лично позабочусь, чтобы ваше дело пересмотрели и изменили приговор, сократив срок заключения.

Доктор Санауха только вздохнул.

— До меня доходили слухи, что кое-кто из заключенных считает, будто

у Мартина не все дома, что называется. Это верно? — осторожно поинтересовался господин комендант.

— Я не психиатр, но, по моему скромному мнению, состояние Мартина нестабильно.

Господин комендант обдумал услышанное.

— И сколько, на ваш профессиональный взгляд, он может еще продержаться? — спросил комендант. — Живым, я хочу сказать.

— Не знаю. Тюремная атмосфера неблагоприятно влияет на здоровье.

— А в твердом уме? Сколько еще Мартин, по-вашему, сможет сохранять ясность рассудка?

— Недолго, я полагаю.

Господин комендант любезно предложил доктору сигарету, тот отказался.

— Вы питаете к нему уважение, правда?

— Я едва его знаю, — отвечал доктор. — Он производит впечатление хорошего человека.

Комендант усмехнулся:

— При этом он прескверный писатель. Наихудший из всех, когда-либо рождавшихся в нашей стране.

— Господин комендант — знаток мировой литературы. Я в этом совсем не разбираюсь.

Комендант пригвоздил ею к месту ледяным взглядом:

— За меньшие дерзости я отправлял заключенных на три месяца в карцер. Немногие сумели выжить, а те, кто уцелел, вернулись в более жалком виде, чем ныне выглядит ваш друг Мартин. Не воображайте, что диплом предоставляет вам какие-то привилегии. В личном досье указано, что у вас имеется жена и три дочери. Ваша собственная судьба, равно как и судьба всей вашей семьи, зависит только от того, насколько вы окажетесь мне полезным. Я понятно выразился?

Доктор Санауха откашлялся.

— Да, господин комендант.

— Спасибо, доктор.

Время от времени комендант просил Санауху осмотреть Мартина, ибо злые языки утверждали, что тюремный лекарь не заслуживал доверия. Жуликоватый коновал, занятый оформлением актов о смерти, похоже, забыл, что существуют меры профилактики. В конце концов его все-таки уволили.

— Как себя чувствует пациент, доктор?

— Он очень слаб.

— Понятно. А его галлюцинации? Он по-прежнему разговаривает сам с собой и воображает невесту что?

— Никаких перемен.

— Я читал в ежедневнике АВС великолепную статью моего друга Себастьяна Хурадо, где он пишет о шизофрении, болезни поэтов.

— Я не имею соответствующей квалификации, чтобы подтвердить подобный диагноз.

— Но ее у вас достаточно, чтобы не дать ему умереть, не так ли?

— Я попытаюсь.

— Вы должны не просто попытаться, а сделать для этого все возможное. Подумайте о своих дочерях, юных и беззащитных, когда вокруг столько жестокости и столько красных, ^[23] прячущихся по углам.

Прошло несколько месяцев, и доктор Санауха проникся искренней симпатией к Мартину. Однажды, когда они с Фермином докуривали один чинарик на двоих, доктор поделился с ним тем, что сам узнал о жизни человека, которого некоторые, посмеиваясь над его бреднями и статусом официального безумца тюрьмы, прозвали Узником Неба.

— Если хотите знать правду, то я думаю, что к тому моменту, когда Давида Мартина привезли сюда, он уже пребывал в плохом состоянии. Вы слышали что-нибудь о шизофрении, Фермин? Новомодное словечко, теперь оно занимает одно из почетных мест в лексиконе господина коменданта.

— У нас обычно говорят «шиза».

— Не вижу повода для шуток, Фермин. Болезнь очень тяжелая. Я не специалист, но мне встречались подобные случаи. Очень часто пациенты слышат голоса, видят или вспоминают людей и события, которых никогда не было и в помине... Рассудок постепенно отказывает, и больные перестают отличать реальность от вымысла.

— Как и семьдесят процентов испанцев... И вы считаете, доктор, что бедняга Мартин страдает этим заболеванием?

— Не осмелюсь утверждать наверняка. Ведь я уже говорил, что не занимаюсь психиатрией. Но полагаю, что налицо ряд классических симптомов.

— Может, в данном случае такая болезнь является благословением...

— Она не может быть благословением, Фермин.

— А он сам понимает, что, скажем так, не здоров?

— Сумасшедшему всегда кажется, что с ума сошли все остальные.

— И это относится, как я уже говорил, к семидесяти процентам испанцев...

Со сторожевой вышки за ними очень пристально следил охранник, как будто пытаясь прочесть по губам, о чем они беседуют.

— Говорите тише, а то нам еще и нагорит.

Доктор взял Фермина под локоть, и, повернувшись к вышке спиной, они направились в дальний конец двора.

— В нынешние времена даже у стен есть уши, — заметил доктор.

— Теперь осталось только, чтобы нам повышибали мозги. Если бы у нас осталось одно полушарие на двоих, может, тогда мы отсюда и выбрались бы, — проворчал Фермин.

— А знаете, какой разговор состоялся у нас с Мартином, когда я в первый раз осматривал его в покоях господина коменданта?

— Доктор, думаю, я нашел единственный способ выйти из этой тюрьмы.

- И как?
- Мертвым.
- А другого, более выполнимого способа у вас нет?
- Доктор, вы читали «Графа Монте-Кристо»?
- В детстве. И почти не помню.
- Так перечитайте книгу. Там все написано.

— Я не стал его огорчать. Дело в том, что господин комендант распорядился убрать из тюремной библиотеки все романы Александра Дюма, впрочем, как и произведения Диккенса, Гальдоса и многих других писателей. Эту литературу он заклеил как низкопробное плебейское чтение и заменил собранием неизданных романов и рассказов собственного сочинения, разбавив их избранными трудами своих друзей. Сию бесценную коллекцию он поручил переплести в кожу заключенному Валенти — тот до ареста занимался графическим искусством. Как только мастер выполнил работу, его утомили холодом. По приказу коменданта того продержали пять январских ночей под дождем за то, что он неосторожно пошутил по поводу изысков прозы Вальса. Так что Валенти покинул тюрьму как раз по методике Мартина — мертвым.

За время пребывания тут мне удалось узнать из разговоров надзирателей, что Давида Мартина перевели в Монтжуик по ходатайству самого господина коменданта. Прежде Мартин находился в заключении в Модело. Его признали виновным в совершении ряда тяжких преступлений, хотя, как мне кажется, никто не воспринял обвинения всерьез. Утверждалось, например, что он убил в припадке ревности своего наставника и ближайшего друга, тоже писателя и состоятельного человека Педро Видаля, а также его жену Кристину. Мало того, будто бы Мартин хладнокровно прикончил еще и нескольких полицейских, назывались и другие жертвы. В последнее время столько людей обвиняют в немыслимом количестве преступлений, что просто теряешься. Лично мне трудно поверить, что Мартин способен убить. Хотя за годы войны я повидал немало таких — как националистов, так и республиканцев, — кто сбросил маски и показал свое истинное лицо, которое ничуть не походило на то, что вы ожидали увидеть. Мир впал в исступление. Каждый готов бросить камень в огород соседа.

— О чем я вам и говорил, — не преминул заметить Фермин.

— Важно то, что отец погибшего Видаля — крупный промышленный магнат, человек сказочно богатый. По слухам, его казна являлась главным источником финансирования армии националистов. И почему все войны на

свете всегда выигрывают денежные мешки? Короче, влиятельный папаша Видадь лично обратился в министерство юстиции с требованием разыскать Мартина и сгноить в тюрьме за то, что тот сотворил с его сыном и невесткой. Вроде бы Мартину удалось бежать из страны и почти три года где-то скрываться, пока его не обнаружили вблизи границы. Вряд ли он был способен мыслить разумно, скажу я вам, если вернулся в Испанию, где его мечтали распять. Да еще в последние дни войны, когда тысячи беженцев рванули в прямо противоположном направлении.

— Порой человек устает бежать, — сказал Фермин. — Мир очень мал, когда некуда идти.

— Возможно, примерно так и рассуждал Мартин. Не знаю, как он ухитрился перейти границу, но жители местечка Пуигсерда обратили внимание на одетого в рубище человека, который бродил по окрестностям и разговаривал сам с собой. Они сообщили о бродяге в жандармерию. По словам пастухов, его часто видели на дороге в Болвир в нескольких километрах от городка. В той стороне лежало старое поместье под названием Торре-дель-Ремеи, где в войну разместился госпиталь для раненых фронтовиков. Руководила им группа женщин. Наверное, они сжалились над Мартином и, приняв за ополченца, предоставили ему приют и пропитание. Но когда за ним пришли жандармы, в госпитале его уже не оказалось. Однако той же ночью неподалеку, посреди замерзшего озера, обнаружили человека, который пытался пробить лед камнем. Вначале решили, что неизвестный пытался покончить с собой, и отправили его в лечебницу «Вилла Сан-Антонио». Будто бы один из докторов лечебницы узнал Мартина — не спрашивайте, каким образом. И едва его имя достигло ушей окружного начальства, писателя тотчас перевезли в Барселону.

— На съедение волкам.

— Приблизительно... Понятное дело, судебное разбирательство не заняло и двух дней. Список предъявленных ему обвинений казался бесконечным, хотя не существовало практически никаких улик или убедительных доказательств его преступлений. Тем не менее прокурору удалось собрать армию свидетелей, согласившихся дать показания против Мартина. В зал заседаний явились десятки людей, ненавидевших Мартина столь люто, что даже судья был поражен. Вероятно, их подкупил старик Видадь. Бывшие товарищи, работавшие какое-то время с писателем в мелкотравчатой газетенке «Голос индустрии», околелитературная публика из кафе, неудачники и завистники всех мастей — вся эта шушера повылезала из сточных канав, чтобы присягнуть, что Мартин совершил те преступления, в которых его обвиняют, и даже более того. Впрочем,

известно, как обычно ставятся подобные спектакли. По решению судьи — и с подачи папаши Видаля — все книги Мартина изъяли из обращения и сожгли, объявив их развращающими и противоречащими общепринятым нормам морали и нравственности. Когда Мартин заявил на суде, что единственной общепринятой нормой, которую он защищал, было чтение, а остальное — дело совести каждого, то судья добавил еще десять лет к тому немыслимому сроку, который набегал по совокупности преступлений. Похоже, на суде Мартин, вместо того чтобы молчать, распустил язык, подробно отвечая на все вопросы, и, получается, сам вырыл себе могилу.

— На свете прощается все, кроме правды.

— В результате его осудили на пожизненное заключение. Газета «Голос индустрии», которая принадлежит старику Видалю, опубликовала пространный отчет, в подробностях расписав совершенные Мартином преступления, и для пущего эффекта сопровождала его редакционной статьей. Угадайте, кто под ней подписался?

— Наш выдающийся господин комендант, дон Маурисио Вальс?

— Он самый. В упомянутой передовице Вальс аттестовал Мартина как «наихудшего писателя в истории» и бурно радовался, что книги его уничтожили, ибо они являлись «позором человечества и оскорбляли хороший вкус».

— Нечто похожее говорили и о Дворце каталонской музыки,^[24] — напомнил Фермин. — У нас же тут самый цвет мировой интеллектуальной элиты. Как выразился Унамуно,^[25] пусть другие изобретают, а мы оценим.

— Был Мартин виновен или нет, но, пройдя через чистилище публичного унижения и сожжения всего им написанного, он очутился в Модело. Скорее всего там его дни были бы сочтены, но на сцену выступил господин комендант. Вальс, по неведомой причине страстно заинтересовавшийся Мартином, с величайшим вниманием следил за ходом судебного процесса и, получив доступ к личному делу осужденного, добился его перевода в Монтжуик. Мартин мне рассказывал, что в первый же день по прибытии сюда Вальс велел привести его к себе в кабинет и разразился речью в свойственном ему духе:

— Мартин, хотя вы закоренелый преступник и убежденный ниспровергатель устоев, между нами есть нечто общее. Мы образованные люди, и хотя вы профанировали свое предназначение, стряпая бульварное чтиво на потребу невежественной публике, лишенной должного интеллектуального ориентира, возможно, вы

сумеете мне кое в чем помочь и тем самым искупить свои ошибки. У меня есть ряд романов и поэтических произведений, над которыми я работал в последние годы. Все они являются образцами высочайшей литературы, но, к своему великому прискорбию, я сомневаюсь, что в этой безграмотной стране сыщется более трехсот читателей, способных понять и оценить их достоинства. И мне пришло в голову, что, возможно, вы, с вашим продажным пером и близостью к черни, читающей в трамваях, в состоянии будете помочь мне внести небольшие изменения, дабы адаптировать мой труд к плачевному уровню наших читателей. Если вы согласитесь сотрудничать, заверяю вас, я в силах сделать ваше существование здесь намного приятнее. Ваша подружка... Как ее звать? Ах да, Исабелла. Прелесть, если позволите высказать свое мнение. Итак, ваша подружка приходила ко мне на прием и сообщила, что наняла молодого адвоката, какого-то Брианса, и что ей удалось собрать достаточно денег, чтобы оплатить его услуги. Нет смысла обманывать себя, нам обоим хорошо известно, что обвинение против вас совершенно безосновательно и вам вынесли приговор, опираясь на весьма спорные показания свидетелей. Похоже, вы обладаете потрясающим даром наживать врагов, Мартин, причем даже среди людей, о существовании которых вы и не подозреваете. Не совершайте новой ошибки, Мартин, не сделайте моим врагом. Я не чета тем неудачникам. Буду откровенен: здесь, в этих стенах, я — Бог.

— Не знаю, принял Мартин предложение господина коменданта или нет. Я склонен считать, что принял, поскольку он все еще жив. И совершенно очевидно, что наш местный божок по-прежнему заинтересован, чтобы Мартин здравствовал, во всяком случае, в настоящий момент. Кроме того, Мартину предоставили бумагу и письменные принадлежности, которые лежат у него в камере. Полагаю, они предназначены для того, чтобы Мартин смог переписать шедевры Вальса. Таким образом наш господин комендант надеется подняться на вершину литературного Олимпа, вкусив нектар славы и успеха, чего он так жаждет всей душой. Лично я не знаю, что подумать. Мне кажется, что Мартин в его нынешнем состоянии не сможет переписать даже запятую. Большую часть времени он мается в чистилище, угнездившемся в его собственной голове, где горе и угрызения совести пожирают его заживо. Но я занимаюсь клинической медициной, и не мне ставить ему диагноз...

История, рассказанная добрым доктором, вызвала у Фермина живейший интерес. Верный своей природной склонности влипать в пропащее дело, он решил провести самостоятельное расследование. Ему хотелось разузнать подробнее о Мартине и попутно прояснить для себя план бегства *via mortis*^[26] в стиле Александра Дюма. Чем больше Фермин размышлял на эту тему, тем крепче становилась его уверенность, что Узник Неба был не настолько безумен, как все считали, во всяком случае, в данном вопросе. При каждом удобном случае во время прогулки во дворе Фермин старался приблизиться к Мартину и вступить с ним в беседу.

— Фермин, мне уже мерещится, что мы с вами как жених с невестой. Стоит мне повернуться, а вы тут как тут.

— Простите за беспокойство, сеньор Мартин, но дело в том, что я крайне удивлен.

— И что же вас так удивляет?

— Видите ли, откровенно говоря, я не понимаю, как столь достойный человек, как вы, согласились помогать этой тухлой чванливой фрикадельке, нашему комендантику, в его потугах обманом пролезть в классики литературы.

— Да уж, на мелочи вы не размениваетесь. Похоже, в этих стенах секретов не существует.

— У меня имеется нюх на плетение интриг и к тому же задатки хорошего детектива.

— Тогда вам уже должно быть известно, что я не «достойный человек», а преступник.

— Так судья решил.

— И армия свидетелей под присягой.

— Свидетелей, страдающих запором от зависти и жадности, к тому же подкупленных злобным стариком.

— Скажите-ка, а есть что-то, чего вы не знаете, Фермин?

— Куча вещей. Но у меня давно засел в извилинах вопрос, зачем вы идете на поводу у этого спесивого кретина. Люди вроде него — это гангрена нашей страны.

— Люди вроде него встречаются везде, Фермин. Они не запатентованы нами.

— Но только у нас их принимают всерьез.

— Не судите поспешно. Господин комендант — фигура более сложная, чем кажется за всей внешней мишурой. Для начала, спесивый кретин, как вы изволили выразиться, — это человек очень могущественный.

— Бог, по его собственному утверждению.

— А разве можно в чистилище обойтись без поводыря?

Фермин поморщился. Ему не понравилось то, что он услышал. Казалось, что Мартин чуть ли не смакует терпкое вино своего поражения.

— Он вам угрожал? В этом дело? Что он может вам сделать?

— Лично мне ничего, только насмешить. Но другим, тем людям, что остались на свободе, он способен причинить большой вред.

Фермин долго молчал.

— Простите, сеньор Мартин. Я не хотел вас оскорбить. Я просто не учел всех обстоятельств.

— Я не оскорблен, Фермин. Напротив, в данной ситуации вы проявляете большое великодушие. Ваше благородство в большей степени характеризует вас, чем меня.

— Это ведь из-за той сеньориты, да? Исабеллы?

— Сеньоры.

— Не знал, что вы женаты.

— А я и не женат. Исабелла не жена мне. И не возлюбленная, если вы об этом подумали.

Фермин промолчал. Он не хотел подвергать сомнению слова Мартина, но достаточно было послушать, каким тоном писатель говорил о ней, чтобы понять, что дороже той девушки или женщины у бедного Мартина нет ничего на свете. Возможно, именно она являлась единственным светочем, дававшим ему силу выжить в этой юдоли скорби. Но печальнее всего, что он как будто даже не сознавал глубины своей привязанности.

— Исабелла с мужем держат букинистический магазин. И для меня их магазин с детства имел совершенно особенное значение. Господин комендант сказал, что если я не выполню его заказ, он позаботится о том, чтобы супругов обвинили в продаже запрещенной литературы, конфисковали у них магазин, обоих посадили в тюрьму и отняли ребенка, которому не исполнилось и трех лет.

— Вот сучара, — пробормотал Фермин.

— Нет, Фермин, это не его война, а моя, — возразил Мартин. — Ничего иного я не заслужил за все, что сделал.

— Но вы ничего не сделали, Мартин.

— Вы меня не знаете, Фермин. И не надо. А вам лучше подумать, как бежать отсюда, вот на чем вам следует сосредоточиться.

— Это как раз второй вопрос, который я хотел вам задать. Насколько я понял, вы разрабатываете теорию, не опробованную пока на практике, как выбраться из этой канализации. Если вам требуется отощавший подопытный кролик, можете полностью на меня рассчитывать.

Мартин задумчиво посмотрел на него.

— Вы читали Дюма?

— От корки до корки.

— Тогда канва вам известна. А если так, то вы без труда угадаете развитие сюжета. Слушайте меня внимательно.

Спустя шесть месяцев с момента заключения Фермина произошло несколько важных событий, изменивших сложившийся к тому времени уклад его жизни. Первое связано с периодом, когда правительство еще верило, что Гитлер, Муссолини и компания выиграют войну и вскоре вся Европа станет одного цвета со штанами генералиссимуса. Активность зарвавшейся и оголтелой от безнаказанности лавины мясников, доносчиков и политической шушеры, примкнувшей к лагерю победителей, привела к тому, что число арестованных, задержанных, подсудимых и ожидающих ликвидации достигло эпических масштабов.

Тюрьмы не справлялись с валом арестованных, и военное командование приказало их начальству удвоить и даже утроить количество заключенных, чтобы вместить хотя бы часть половодья осужденных, затопившего разоренную и нищую Барселону 1940-го. В итоге господин комендант в цветистой воскресной речи сообщил подопечным, что отныне им предстоит жить в камерах попарно. Доктора Санауху перевели в камеру Мартина, очевидно, затем, чтобы ему было легче осуществлять медицинский надзор и предупредить попытки писателя покончить с собой. Фермину выпал жребий разделить заточение с соседом, номером четырнадцатым. Далее камеры укомплектовывали по такому же принципу: арестантов галереи рассадили по двое, освобождая место для новобранцев, которых каждую ночь привозили фургонами из Модело или Кампо-де-ла-Бота.

— Нечего корчить недовольную мину, мне это доставляет еще меньше удовольствия, чем вам, — уведомил номер четырнадцатый, переселившись на новое место.

— Заранее ставлю вас в известность, что склок не выношу. От ощущения неприязни у меня развивается аэрофагия, — пригрозил Фермин, — так что бросьте задираться, изображая Буффало Билла, и потрудитесь быть вежливым, а также мочиться, повернувшись лицом к стене и без брызг. Иначе однажды поутру вы обростете шампиньонами.

За пять дней бывший двенадцатый номер не сказал Фермину ни слова. Наконец, изнемогая под натиском сернистых кишечных газов, которые сосед испускал по ночам, он изменил тактику.

— Я же вас предупреждал, — с укором сказал ему Фермин.

— Ладно, сдаюсь. Меня зовут Себастьян Сальгадо. Профессиональный синдикалист. Пожмем друг другу руки и будем друзьями, только, ради всего святого, прекратите пердеть, поскольку у меня уже начинаются галлюцинации и мне снятся сны, как Сахарный Мальчик [27] отплясывает чарльстон.

Пожимая руку Сальгадо, Фермин заметил, что у того не хватает мизинца и безымянного пальца.

— Фермин Ромеро де Торрес, рад познакомиться наконец. По профессии — агент секретной службы, ныне не удел. По призванию — книговед и любитель беллетристики.

Сальгадо устало посмотрел на него и возвел глаза к небу.

— А говорят еще, что Мартин сумасшедший.

— Сумасшедший — тот, кто считает себя умнее всех остальных.

Сальгадо обреченно кивнул.

Второе судьбоносное событие последовало через несколько дней. Ближе к ночи за Фермином пришли два охранника. Ханурик открыл перед ними камеру, тщетно пытаясь скрыть беспокойство.

— Эй, заморыш, вставай, — сквозь зубы пробурчал один из конвойных.

Сальгадо немедленно вообразил, что молитвы его были услышаны и Фермина уводят на расстрел.

— Мужайтесь, Фермин, — подбодрил он сокамерника, улыбаясь. — Умереть за Бога и Испанию — что может быть прекраснее.

Охранники вцепились в Фермина, сковали его по рукам и ногам и волоком протащили по коридору под удрученные взгляды обитателей галереи и хохот Сальгадо.

— Тут тебе ветры не помогут, — со смехом кричал ему вслед сокамерник.

По лабиринту туннелей Фермина доставили в длинный коридор, в конце которого виднелась внушительных размеров деревянная дверь. Фермина замутило, и он решил было, что вот оно, достойное завершение жалкой жизни, нисколько не сомневаясь, что за дверью его уже дожидается Фумеро, в распоряжении которого имелась паяльная лампа и целая ночь впереди. Поэтому он очень удивился, когда один из охранников освободил его от оков, а второй вежливо постучал в дверь.

— Войдите, — отозвался знакомый голос.

Фермин очутился в кабинете господина коменданта — большом зале, обставленном превосходной мебелью и устланном роскошными коврами, украденными, наверное, в каком-то из особняков из квартала Бонанова. Дополняли оформление кабинета испанский флаг — с эмблемой орла, щитом и девизом, — и портрет Каудильо, облагороженного ретушью сильнее, чем Марлен Дитрих на рекламной фотографии. Центральной фигурой, вписанной в интерьер, являлся сам господин комендант дон Маурисио Вальс. Он сибаритствовал за письменным столом с рюмкой бренди, наслаждаясь вкусом иностранной сигареты.

— Садись, не бойся, — с улыбкой пригласил он.

Фермин заметил перед собой поднос, на котором стояло парующее блюдо с большим куском мяса, горошком и картофельным пюре, сдобренным сливочным маслом.

— Это не мираж, — ласково промолвил господин комендант. — Это твой ужин. Надеюсь, тебе понравится.

Фермин, не видевший такого чуда с июля 1939 года, с жадностью набросился на еду, опасаясь, что она может исчезнуть в любой момент. Господин комендант с презрением и брезгливостью наблюдал за тем, как он ел, маскируя свои чувства застывшей улыбкой, прикуривая одну сигарету от другой и поминутно приглаживая набриоленные волосы. Едва Фермин справился с ужином, Вальс велел охранникам удалиться. С глазу на глаз господин комендант отчего-то показался арестанту более опасным и зловещим, чем в присутствии вооруженной охраны.

— Фермин, верно? — небрежно спросил Вальс.

Фермин несмело кивнул.

— Наверное, ты недоумеваешь, зачем я тебя вызвал.

Фермин заерзал на стуле, пожимая плечами.

— Тебе не о чем беспокоиться. Совсем наоборот. Я велел привести тебя, поскольку желаю улучшить твои жизненные условия, а дальше, как знать, может, и удастся пересмотреть твой приговор. Ведь мы оба знаем, что обвинения против тебя несостоятельны. Но настало смутное время, мир перевернулся, и порой праведники расплачиваются за грешников. Такова цена национального возрождения. Но, оставив в стороне общие рассуждения, я хочу, чтобы ты понял, что я в таком же положении, как и ты. Я тоже в некоторой степени стал пленником этого замка. Полагаю, мы оба мечтаем выбраться отсюда как можно скорее, и мне пришло в голову, что мы могли бы помочь друг другу. Сигаретку?

Фермин смущенно взял сигарету.

— Если не возражаете, я прибегу на будущее.

— Конечно, бери. Оставь себе всю пачку.

Фермин положил пачку сигарет в карман. Господин комендант склонился к столу, растянув губы в улыбке. «В зоопарке есть в точности такая же змея, — подумал Фермин, — но она ест только крыс».

— Как ваш новый сокамерник?

— Сальгадо? Замечательно.

— Не знаю, в курсе ли ты, но этот мерзавец до того, как его посадили в тюрьму, был грабителем и наемным убийцей коммунистов.

Фермин покачал головой:

— Сальгадо утверждал, что он синдикалист.

Вальс издал короткий смешок.

— В мае тридцать восьмого он в одиночку проник в частный дом семьи Вилахоана на бульваре Бонанова и уничтожил всех, включая пятерых детей, четырех девушек и старуху восьмидесяти шести лет. А знаешь, кем были Вилахоана?

— Наверное...

— Ювелирами. В момент совершения преступления в доме хранилась сумма в двадцать пять тысяч песет в драгоценностях и чеканной монете. Знаешь ли ты, где эти деньги теперь?

— Не знаю.

— И никто не знает. Известно лишь то, что товарищ Сальгадо решил не отдавать ценности пролетариям и припрятал их, чтобы зажить припеваючи после войны. Что ему не удастся, поскольку мы будем держать его до тех пор, пока он не запоет или пока твой друг Фумеро в конце концов не искромсает его на мелкие кусочки.

Фермин кивнул, уяснив ситуацию.

— Я заметил, что на левой руке у него не хватает пальцев и он как-то

странно ходит.

— Однажды попроси его снять штаны и увидишь, что у него не хватает еще кое-каких частей, которые он потерял по ходу дела исключительно из-за упорного нежелания признаваться.

Фермин проглотил комок в горле.

— К твоему сведению, лично у меня подобные дикости вызывают отвращение. И это одна из двух причин, побудивших меня отдать приказ перевести Сальгадо в твою камеру. Ибо я считаю, что в разговорах люди раскрываются. И потому я хочу, чтобы ты выведал и рассказал мне, где он припрятал трофей из дома Вилахоана, а также всю добычу от грабежей и преступлений, совершенных им в прошлые годы.

У Фермина душа ушла в пятки.

— А другая причина?

— Вторая причина в том, что ты, как я заметил, в последнее время подружился с Давидом Мартином. К чему я отношусь весьма положительно. Дружба является ценностью, которая облагораживает человеческое существо и способствует реабилитации заключенных. Не знаю, известно ли тебе, что Мартин — писатель.

— Что-то я такое слышал.

Господин комендант пронзил Фермина ледяным взглядом, но улыбался по-прежнему доброжелательно.

— Дело в том, что Мартин неплохой человек, но он во многом заблуждается. В частности, он наивно полагает, что обязан защищать неподходящих людей и хранить сомнительные тайны.

— Но ведь он человек со странностями, ему разные мысли в голову приходят.

— Разумеется. И я рассудил, что, пожалуй, весьма неплохо, что ты находишься рядом, все примечая и внимательно слушая, и можешь рассказать мне, о чем он думает, что он говорит и чувствует... Уверен, он обсуждал с тобой нечто важное, привлечшее твое внимание.

— Ну конечно! Раз уж господин комендант завел об этом речь — в последнее время Мартин часто жаловался на чирей, вскочивший в паху из-за того, что натирают трусы.

Господин комендант тяжело вздохнул, слегка покачав головой. Он явно устал, прилагая титанические усилия, чтобы выдержать любезный тон с ничтожеством.

— Послушай, чучело, мы можем решить вопрос так или иначе — по-хорошему или по-плохому. Я склонен проявлять сдержанность, однако мне достаточно взять телефонную трубку, и твой дружок Фумеро примчится

сюда через полчаса. Мне рассказывали, что в одной из камер в подвале, помимо паяльной лампы, он теперь держит ящик со столярными инструментами, которыми выстругивает всякие финтифлюшки. Ты меня понял?

Фермин сцепил руки, стараясь скрыть дрожь.

— Прекрасно понял. Простите, господин комендант. Я очень давно не ел мяса, наверное, белок ударил мне в голову. Такого больше не повторится.

Господин комендант снова заулыбался и продолжал как ни в чем не бывало:

— Особенно мне интересно услышать, упоминал ли Мартин когда-нибудь о кладбище книг, забытых или мертвых, или как-то так. Хорошо подумай, прежде чем ответить. Мартин говорил тебе хоть раз о подобном месте?

Фермин покачал головой.

— Клянусь вашей милости, что в жизни не слышал об этом кладбище ни от Мартина, ни от кого-то другого...

Господин комендант лукаво подмигнул ему.

— Я верю. И не сомневаюсь, что, если он коснется этой темы, ты все мне расскажешь. Если же он так и не начнет откровенничать, ты сам проявишь любопытство и разузнаешь, где это кладбище находится.

Фермин поспешно закивал.

— И еще одно. Если Мартин вдруг поведаст тебе о важном поручении, которое я дал ему, убеди его, что для его собственного блага, а также ради известной дамы, чьи достоинства он ценит весьма высоко, ради супруга и сына этой дамы ему следует выложиться полностью и написать шедевр.

— Вы имеете в виду сеньору Исабеллу? — спросил Фермин.

— О, полагаю, он рассказывал о ней... Видел бы ты ее, — сказал комендант, протирая очки носовым платком. — Молоденькая, свеженькая, как гимназисточка, кровь с молоком... Знал бы ты, сколько раз она сидела там, где сидишь сейчас ты, и просила за бедного несчастного Мартина. Не буду говорить, что она мне предлагала, поскольку я настоящий кабальеро, но, между нами, ее преданность Мартину — просто песня. Готов держать пари, что ее ребенок Даниель у нее не от своего мужа, а от Мартина, у которого очень скверные литературные пристрастия, зато весьма изысканный вкус в отношении девочек.

Господин комендант умолк, заметив, что заключенный смотрит на него не мигая, непроницаемым взглядом, который совсем не понравился дону Маурисио.

— Что ты так смотришь? — не сдержался он.

Вальс стукнул по столу костяшками пальцев, и тотчас дверь за спиной Фермина открылась. Два охранника подхватили арестанта под руки и подняли со стула, так что ноги его оторвались от пола.

— Не забывай, о чем я тебе говорил, — промолвил господин комендант. — Через четыре недели я жду тебя здесь снова. Если я получу результат, условия твоего пребывания в крепости изменятся к лучшему. Если же нет, я зарезервирую тебе место в подвале в компании с Фумеро и его игрушками. Ясно?

— Яснее ясного.

Затем комендант с кислой гримасой махнул охране рукой, чтобы увела арестованного, и допил остававшийся в рюмке бренди. Ему до смерти надоело изо дня в день якшаться с невежественным и раболепным сбродом.

Барселона, 1957 год

— Даниель, вы побледнели, — пробормотал Фермин, пробуждая меня от транса.

Зал ресторана и улицы, по которым мы пришли в «Кан льюис», все исчезло. Я не видел ничего, кроме кабинета в замке Монтжуик и лица человека, говорившего о моей матери мерзости и допускавшего гнусные инсинуации, от которых мне сделалось нестерпимо жарко, как будто я угодил в пекло. Потом я почувствовал, как в глубине души зарождается пронзительный холод и неистовая ярость, какой я в жизни не испытывал. На миг мне больше всего на свете захотелось встретиться лицом к лицу с ублюдком и медленно свернуть ему шею, глядя прямо в глаза, чтобы с наслаждением наблюдать, как краснеют его белки от лопнувших кровеносных сосудов.

— Даниель...

Я зажмурился на мгновение и сделал глубокий вдох. Открыв глаза, я обнаружил, что снова очутился в ресторане «Кан льюис», и Фермин Ромеро де Торрес удрученно смотрел на меня.

— Простите, Даниель, — сказал он.

Рот у меня пересох. Я налил себе бокал воды и осушил его одним глотком в надежде, что дар речи вернется ко мне.

— Вам не за что извиняться, Фермин. В том, о чем вы мне рассказали, вашей вины нет.

— Прежде всего моя вина в том, что я вынужден вам это рассказывать, — произнес он очень тихо, почти неслышно.

Я заметил, что он отводит глаза, словно не осмеливаясь смотреть на меня. И я понял, насколько больно ему вспоминать ту сцену, как тяготит его необходимость открывать мне правду, и устыдился недостойного злого чувства, овладевшего мной.

— Фермин, поглядите-ка на меня.

Фермин осторожно покосился в мою сторону. Я улыбнулся ему.

— Вы должны знать, что я искренне вам признателен за то, что рассказали мне правду, и хорошо понимаю, почему в течение двух лет вы предпочитали молчать об этом.

Фермин слегка наклонил голову, но по выражению глаз я догадался, что мои слова нисколько его не утешили. Напротив. Некоторое время мы оба молчали.

— Это ведь не все, да? — спросил я наконец.

Фермин кивнул.

— То, что последует дальше, еще хуже?

Фермин снова кивнул:

— Намного хуже.

Я отвел взгляд и кивнул с улыбкой профессору Альбукерке — тот собрался уходить и хотел попрощаться с нами.

— Тогда почему бы нам не заказать еще воды, и вы расскажете остальное, — предложил я.

— Лучше вина, — рассудил Фермин. — И покрепче.

Барселона, 1940 год

Через неделю после встречи Фермина с господином комендантом два незнакомых арестантам мордоворота, от которых за версту разило Социально-политической бригадой, молча забрали Сальгадо, надев на него наручники.

— Ханурик, ты знаешь, куда его повели? — спросил номер двенадцатый.

Надзиратель покачал головой. Но по его глазам стало понятно, что кое-что он слышал и не желал бы касаться этой темы. За неимением других новостей отсутствие Сальгадо немедленно породило шквал домыслов и спровоцировало бурную полемику между заключенными, строившими различные предположения.

— Он шпион националистов, которого подослали к нам, чтобы выуживать информацию. А то, что он был арестован как синдикалист — всего лишь легенда.

— Ага, и для пущего правдоподобия ему оторвали пальцы и бог весть что еще.

— В этот самый момент он, верно, сидит в «Амайе», осоловев от мерлана по-баскски, и вместе со своими дружками смеется над нами.

— А я думаю, что он рассказал им как на духу все, чего от него добивались, и его выбросили в открытом море с камнем на шее.

— У него была физиономия типичного фалангиста. Хорошо еще, что я рта не раскрыл, а вот вас всех ждут большие неприятности.

— О да, парень, — может, нас даже в тюрьму посадят.

Поскольку других развлечений не предвиделось, дебаты продолжались, пока два дня спустя те же мордовороты, которые уводили Сальгадо, не доставили его обратно. Первым делом все заметили, что Сальгадо не держался на ногах и его тащили волоком, как тюк. Во-вторых, бросалось в глаза, что он обливался холодным потом и был мертвенно бледен. Заключенный вернулся в камеру полуобнаженным, тело его покрывала темная корка из засохшей крови и собственных экскрементов. Мордовороты бросили Сальгадо в камере, точно мешок с навозом, и ушли, не проронив ни слова.

Фермин поднял сокамерника на руки, уложил на койку и принялся осторожно обмывать лоскутами ткани, которые он оторвал от собственной

рубахи и макал в плошку с водой, тайком принесенную Хануриком. Сальгадо находился в сознании и с трудом дышал, а глаза его горели так ярко, словно у него внутри развели огонь. Там, где два дня назад была левая рука, пульсировал багровый кровавый обрубок, прижженный смолой. Когда Фермин протирал ему лицо, Сальгадо улыбнулся, показав жалкие остатки зубов.

— Почему же вы сразу не рассказали этим мясникам то, что их интересовало, Сальгадо? Это всего лишь деньги. Не знаю, сколько вы там припрятали, но они не стоят таких жертв.

— Полное дерьмо, — невнятно пробормотал Сальгадо из последних сил. — Деньги мои.

— Они принадлежат людям, которых вы убили и ограбили, если вам не претит уточнение.

— Я никого не грабил. Они сами обокрали народ. И я казнил их во имя восстановления справедливости, которой требовал народ.

— Да уж, спасибо, что вы явились — Робин Гуд из Матадеперы, гроза ювелиров и поборник справедливости. Знатный же палач получился из вас.

— Эти деньги — мое будущее, — огрызнулся Сальгадо.

Фермин провел влажной тряпочкой по расцарапанному и холодному лбу сокамерника.

— Будущее нельзя заказать и получить, его надо заслужить. А у вас нет будущего, Сальгадо. Ни у вас, ни у страны, рождающей уродов вроде вас с господином комендантом, чтобы потом их в упор не замечать. Мы тянем будущее каждый на себя, и впереди нас не ждет ничего, кроме дерьма, которым вы измазаны и которое мне уже осточертело оттирать.

Сальгадо издал утробный стон, истолкованный Фермином как смех.

— Поберегите красноречие, Фермин. Посмотрим, получится ли у вас изобразить героя в подобных обстоятельствах.

— Нет, героев хватает. А я трус, всего лишь трус, — сказал Фермин. — Но по крайней мере я это знаю и сам признаю.

Фермин молча продолжил работу, привел соседа в порядок, насколько возможно, потом накрыл его подобием одеяла, кишевшего клопами и вонявшего мочой, которое они делили на двоих. Он не отходил от Сальгадо, пока вор не закрыл глаза, погрузившись в сон, причем Фермин не испытывал уверенности, что тот проснется.

— Я жажду услышать, что он помер наконец, — раздался голос двенадцатого номера.

— Ставки принимаются, — подключился семнадцатый номер. — Спорим на сигарету, что он отбросит копыта.

— Идите все спать или катитесь к черту, — посоветовал Фермин.

Он съежился в дальнем углу камеры и попытался заснуть, но вскоре стало ясно, что той ночью ему не удастся сомкнуть глаз. Спустя некоторое время Фермин втиснул лицо между прутьями решетки, свесив руки через железную перекладину, скреплявшую их. В камере по коридору напротив из темноты за ним наблюдали глаза, в которых отражался красный огонек зажженной сигареты.

— Вы мне не рассказали, зачем вас наемники вызывал Вальс, — сказал Мартин.

— Угадайте.

— Он обратился к вам с неординарной просьбой?

— Он хочет, чтобы я выведал у вас подробности о каком-то кладбище забытых книг или о чем-то в этом духе.

— Интересно, — проронил Мартин.

— Обворожительно.

— Он объяснил причину своего повышенного внимания к данной теме?

— Если честно, сеньор Мартин, у нас не сложились настолько доверительные отношения. Наша беседа свелась к тому, что господин комендант угрожал мне пытками и увечьями, если я за месяц не выполню его приказ, а я ответил утвердительно.

— Не волнуйтесь, Фермин. Через месяц вы очутитесь далеко отсюда.

— О да, на пляже, на берегу Карибского моря, и две упитанные мулатки будут массировать мне пятки.

— Вы должны верить.

Фермин испустил горестный вздох, ощущая полную безнадежность. Карты его судьбы были в руках палачей, умирающих и безумцев.

В ближайшее воскресенье, после традиционного выступления во дворе, господин комендант послал Фермину вопросительный взгляд, сопроводив его улыбкой, от которой бедняга почувствовал привкус желчи на губах. Как только охранники позволили заключенным нарушить строй, Фермин потихоньку подобрался к Мартину.

— Блестящая речь, — оценил Мартин.

— Историческая. Каждый раз, когда этот человек открывает рот, в истории западноевропейской мысли совершается переворот такого же масштаба, какой произвело открытие Коперника.

— Сарказм вам не к лицу, Фермин. Он противоречит вашей природной мягкости.

— Проваливайте в преисподнюю.

— Я там и нахожусь. Сигарету?

— Я не курю.

— Говорят, от курения умирают раньше.

— Тогда давайте, что мне еще остается.

Фермин не осилил даже одной затяжки. Он зашелся в кашле и не мог остановиться, вспоминая свои грехи до первого причастия. Мартин забрал у него из пальцев сигарету и постучал по спине.

— Не понимаю, как вы можете брать такое в рот. Это же чистой воды извращение!

— Самое лучшее курево, какое можно здесь достать. Ходят слухи, что его делают из окурков, собранных в проходах стадиона «Монументаль».

— Ну а меня сей bouquet наводит на мысль об унитазах, имейте в виду.

— Дышите глубже, Фермин. Уже лучше?

Фермин кивнул.

— Вы расскажете мне что-нибудь об этом кладбище, чтобы я мог забросить наживку в корыто свинье высокого полета? Не обязательно правду. Сгодится любая чепуха, которая придет вам в голову.

Мартин улыбнулся, выпустив сквозь зубы облачко смрадного дыма.

— Как дела у Сальгадо, вашего сокамерника, заступника бедноты?

— Вот представьте, живет себе человек и думает, что повидал всякое на свете и его ничем больше не удивить, но ничего подобного. Среди ночи, когда казалось, что Сальгадо уж точно ноги протянул, я услышал, как он

встал и подкрался к моему топчану, словно настоящий вампир.

— Пожалуй, есть сходство, — согласился Мартин.

— Стало быть, он подошел и уставился на меня. Я притворился спящим и увидел, что он, проглотив мой крючок, проскользнул в угол камеры и единственной сохранившейся рукой принялся ковыряться в том, что по-научному называется ректум, или нижний отдел толстого кишечника, — продолжил Фермин.

— Что вы говорите?

— То, что слышите. Славный Сальгадо, оправившись от недавнего сеанса средневекового членовредительства, как только сумел подняться, решил отметить это знаменательное событие исследованием той презируемой части человеческого организма, куда по прихоти природы не проникает солнечный свет. Я не мог опомниться от изумления и не осмеливался даже дышать. Прошло, наверное, около минуты. Сальгадо, погрузив внутрь два или три пальца — все, оставшиеся в его распоряжении, — занимался поисками философского камня или далеко упрятанного геморроя. Раскопки сопровождались сдавленными стонами, которые я не берусь воспроизвести.

— Вы меня ошеломили, — сказал Мартин.

— Тогда сядьте, чтобы услышать финал пьесы. Через минуту или две вдумчивой исследовательской работы в недрах анального отверстия он испустил вздох, как какой-нибудь Святой Хуан де ла Крус, и свершилось чудо. Вместе с пальцами из заднего прохода он извлек поблескивавшую вещичку. И даже из своего дальнего угла я сумел определить, что это вовсе не дрянь, которая гроша ломаного не стоит.

— Тогда что же?

— Ключ. Не английский ключ, а маленький ключик вроде тех, какими запирают чемоданы или шкафчики в раздевалке гимнастического зала.

— А дальше?

— А дальше он взял ключ и, поплевав на него, вытер до блеска, ибо, как я полагаю, ключик пах далеко не розами. Затем он приблизился вплотную к стене, предварительно удостоверившись, что я по-прежнему сплю, — для вящей убедительности я даже всхрапнул, как щенок сенбернара, — и затолкал ключ в трещину между камнями. После чего щель замазал грязью и, не исключая, кое-какой субстанцией, добытой во время путешествия на ощупь в глубь тайника.

Мартин с Фермином молча уставились друг на друга.

— Вы думаете о том же, что и я? — уточнил Фермин.

Мартин кивнул.

— Сколько, по-вашему, наша неутомимая в своей жадности птичка укладкой натаскала в уютное гнездышко? — задал вопрос Фермин.

— Достаточно, дабы укрепиться в вере, что богатство возместит ему потерю пальцев, рук, мошонки и бог знает чего еще, и чтобы любой ценой сохранить секрет, где оно спрятано, — высказал свое мнение Мартин.

— А мне что теперь делать? Потому что я лучше проглочу ключ или, если потребуется, тоже засуну его в стыдную часть кишечного тракта, чтобы эта гадина, господин комендант, не смог заграбастать денежки Сальгадо и издать на них свои шедевры в твердой обложке или купить себе кресло в Королевской академии испанского языка.

— Пока что ничего не делайте, — посоветовал Мартин. — Убедитесь, что ключ на месте, и ждите моих указаний. Я заканчиваю приготовления к вашему побегу.

— Я далек от намерения обидеть вас, сеньор Мартин, и безмерно благодарен за советы и моральную поддержку, однако в этом деле я рискую головой и кое-какими другими частями телами, с которыми мне не хотелось бы расставаться. А в свете того, что, согласно наиболее распространенной версии, вы вроде блаженного, меня тревожит мысль, что я препоручаю вам свою жизнь.

— Кому же вам еще верить, как не сочинителю?

Фермин смотрел вслед Мартину, который удалялся по двору вместе с облачком дыма от сигареты, сделанной из окурков.

— Матерь Божья, — прошептал он в пространство.

Чудовищный тотализатор, организованный номером семнадцатым, продолжал работать в течение нескольких суток. За эти дни не раз повторялась одна и та же сцена: стоило заподозрить, что Сальгадо готов отдать Богу душу, как он вставал, чтобы дотащиться до решетки камеры. Заняв исходную позицию, он выкрикивал во все горло строфу: «Сукины дети вы не вытрясите из меня ни сента и ни милое полагать на вас блюди». Далее следовали вариации на ту же тему, пока он не срывал голос и не падал бездыханным на пол. Фермину приходилось его поднимать и возвращать на койку.

— Таракан окочурился, Фермин? — спрашивал номер семнадцатый, заслышав, что Сальгадо повалился, как тюфяк с соломой.

Фермин больше не утруждал себя медицинской помощью сокамернику. Если бы он вмешался, возможно, дело дошло бы до брезентового мешка.

— Послушайте, Сальгадо, если вы собираетесь умирать — умирайте, но если надумали жить, умоляю, не шумите так. Я уже сыт по горло вашими сольными выступлениями с пеной у рта, — увещевал Фермин, накрывая его куском грязной парусины, который выудил в отсутствие Ханурика у одного из надзирателей. Взамен Фермин поделился с ним научно доказанным методом соблазнения — а точнее, как преуспеть с пятнадцатилетними созревшими дурочками, поразив их воображение взбитыми сливками с коврижками.

— Нечего притворяться милосердным, так как вы показали свое истинное лицо, и уж мне-то известно, что вы ничем не отличаетесь от гнусной стаи шакалов, готовых прозакладывать последние панталоны, что я умру, — заявил Сальгадо, видимо, склонный испытывать судьбу до последнего дыхания.

— Знаете, у меня нет желания спорить с умирающим в его последние часы или по крайней мере во время вялотекущей агонии. Но имейте в виду, что я не поставил на кон ни реала, и если однажды мне придется ответить за грехи, пусть это будет не пари на жизнь человека, хотя из вас человек, как из меня вертолет, — заключил Фермин.

— Пустословием вы меня не проведете, не надейтесь, — злорадно ответил Сальгадо. — Я отлично знаю, что вы замышляете со своим задушевым приятелем Мартином, начитавшимся «Графа Монте-Кристо».

— Понятия не имею, о чем вы, Сальгадо. Поспите чуток. Да спите хоть год, никто без вас не заскучает.

— Если вы верите, что сможете отсюда сбежать, значит, вы такой же псих, как и он.

Фермин почувствовал, как по спине потек холодный пот. Сальгадо ощерился улыбкой, продемонстрировав выбитые зубы.

— Я все знаю, — сказал он.

Фермин понуро покачал головой и забился в свой угол, как можно дальше от Сальгадо. Но тишина продлилась недолго.

— Мое молчание имеет цену, — заявил Сальгадо.

— Надо было дать вам умереть, когда вас приволокли, — пробормотал Фермин.

— В знак благодарности я готов сделать скидку, — сказал Сальгадо. — Я лишь попрошу оказать мне последнюю услугу, и я сохраню тайну.

— Откуда мне знать, что она станет последней?

— А вас поймают, как всех, кто пытался уйти отсюда на своих двоих, и, промурыжив несколько дней, повесят во дворе в назидание всем остальным, так что я больше не смогу ни о чем вас попросить. Итак, что скажете? Небольшое одолжение, и можете рассчитывать на мое совершенное молчание. Даю слово чести.

— Слово чести, вы? И почему же вы раньше не сказали? Это в корне меняет дело.

— Подойдите-ка...

Фермин колебался мгновение, потом решил, что терять ему нечего.

— Я знаю, что эта свинья Вальс поручил вам выведать, где я прячу деньги, — начал Сальгадо. — Не трудитесь отрицать.

Фермин только пожал плечами.

— И я хочу, чтобы вы ему об этом рассказали, — доверительно сообщил Сальгадо.

— Что прикажете, Сальгадо. И где же сокровище?

— Передайте коменданту, что он должен идти один, собственной персоной. Если он возьмет кого-то за компанию, то не получит ни дуро. Скажите, что ему надлежит отправиться на старую фабрику Вилардель в Пуэбло-Нуэво, что за кладбищем, и быть там ровно в полночь — ни минутой раньше или позже.

— Напоминает сайнете^[28] дона Карлоса Арничеса, Сальгадо...

— Слушайте внимательно. Передайте, что ему надо войти на территорию фабрики и разыскать будку сторожа рядом с ткацким цехом. Далее ему следует постучать в двери, и когда его спросят, кто пришел,

ответить: «Да здравствует Дуррути».^[29]

Фермин подавил смешок.

— Большой глупости я не слышал с тех пор, как комендант толкнул свою последнюю речь.

— Просто повторите ему то, что я сказал.

— А почему вы уверены, что я сам не отправлюсь на эту фабрику и, как в дешевой бульварной литературе со всеми ее дурацкими интригами и пароллями, не уведу денежки?

В зрачках Сальгадо вспыхнул нехороший огонек.

— Можете не отвечать: не потому ли, что я буду мертв? — спросил Фермин.

Губы Сальгадо расплзлись в змеиной улыбке. Фермин заглянул ему в глаза, горевшие жадой мести, понял, что замышлял сокамерник, и продолжил:

— Это ведь ловушка, да?

Сальгадо промолчал.

— А что, если Вальс уцелеет? Вы ни на секунду не задумались о том, что с вами сделают?

— Ничего такого, чего со мной уже не сделали.

— Я бы сказал, что у вас железные яйца, если бы не знал, что одно вы уже потеряли. А если ваша затея не выгорит, то потеряете и второе, — поделился своим мнением Фермин.

— Это уже моя проблема, — отрезал Сальгадо. — Так на чем мы остановились, Монте-Кристо? Заключаем договор?

Сальгадо протянул свою единственную руку. Фермин смотрел на нее несколько мгновений, а затем неохотно пожал.

Фермину пришлось дожидаться традиционной лекции после воскресной мессы. На прогулке он выдержал короткий интервал времени, чтобы подойти к Мартину и передать ему разговор с Сальгадо и его просьбу.

— Наш план это не нарушит, — заверил его Мартин. — Сделайте, что он просит. В настоящий момент мы не можем допустить, чтобы на нас донесли.

Фермин, которого от всех этих переживаний уже давно донимали то тошнота, то сердцебиение, вытер струившийся по лбу холодный пот.

— Мартин, я не стал бы утверждать, что не доверяю вам, но если разработанный вами план столь хорош, почему вы сами не хотите им воспользоваться, чтобы выйти отсюда.

Мартин кивнул с таким видом, как будто он уже давно ожидал подобного вопроса.

— Потому что я заслуживаю тюрьмы. Для меня уже нет места за пределами этих стен, мне некуда идти.

— У вас есть Исабелла...

— Исабелла замужем за человеком, который в десять раз лучше меня. Если бы я вышел из тюрьмы, то лишь искалечил бы ей жизнь и больше ничего.

— Но она делает все возможное, чтобы освободить вас.

Мартин покачал головой.

— Вы должны мне кое-что как-то пообещать, Фермин. Это единственная для всех возможность отблагодарить меня за то, что помог вам бежать.

Фермин охотно согласился, подумав, что этот месяц выдался урожайным на просьбы.

— Все, что вам будет угодно.

— Если вам удастся бежать и если это окажется в ваших силах, позаботьтесь о ней. На расстоянии, так, чтобы она не знала, чтобы даже не заподозрила о вашем существовании. Позаботьтесь о ней и о Даниеле, ее сыне. Вы сделаете это для меня, Фермин?

— Непременно.

Мартин печально улыбнулся.

— Вы хороший человек, Фермин.

— Вы говорите так во второй раз, и с каждым разом мне ваши слова нравятся все меньше.

Мартин достал одну из своих вонючих сигареток и закурил ее.

— У нас мало времени. Вчера приходил Брианс, адвокат, которого Исабелла наняла вести мое дело. Я совершил ошибку, рассказав ему, чего хочет от меня Вальс.

— В смысле переписывать ту гадость...

— Именно так. Я умолял его не говорить ничего Исабелле, но я ему не верю, рано или поздно он проболтается. А она, уж я-то ее знаю, разъярится как фурия, примчится сюда и начнет угрожать Вальсу, что разоблачит его тайну всему свету.

— И вы не можете остановить ее?

— Попытка остановить Исабеллу — это как попытка остановить на полном ходу товарный поезд, для этого надо быть идиотом.

— Чем больше вы рассказываете о ней, тем больше мне не терпится с ней познакомиться. Лично мне женщины с норовом...

— Фермин, вы должны мне пообещать.

Фермин прижал руку к сердцу и торжественно поклонился.

— Возвращаясь к главной теме... — продолжал Мартин. — Когда она станет угрожать ему, Вальс способен выкинуть любой фортель. Этим человеком руководят тщеславие, зависть и жадность. Почувствовав, что его приперли к стенке, он сделает обманный ход. Не знаю какой, но что-то он обязательно предпримет. И очень важно, чтобы к этому моменту вы уже покинули сию обитель.

— Не скрою, мне и самому не хотелось бы тут задерживаться.

— Вы меня не понимаете. Необходимо ускорить события и перенести исполнение плана на более ранний срок.

— Более ранний? Какой?

Мартин пристально посмотрел на него сквозь облачко выдохнутого им дыма:

— На сегодняшнюю ночь.

Фермин сделал глотательное движение, но слюна пересохла, а рот был забит пылью.

— Но я ведь пока не знаю даже, каков план...

— Слушайте и постарайтесь ничего не упустить.

Перед тем как вернуться в камеру, Фермин подошел к одному из охранников, отводивших его в кабинет Вальса:

— Передайте господину коменданту, что мне нужно поговорить с ним.

— И о чем же это?

— Доложите, что у меня есть результат, которого он ожидает. Он поймет, о чем речь.

Не прошло и часа, как охранник со своим напарником пришли, чтобы забрать Фермина. Сальгадо с хищным выражением лица неотрывно следил за происходящим, растянувшись на койке и почесывая свою культипку. Фермин подмигнул ему и зашагал по коридору под конвоем охранников.

Господин комендант принял его радостной улыбкой и тарелкой печенья из кондитерской Эскриба.

— Фермин, друг мой, как приятно, что вы вернулись в мой кабинет для умной и содержательной беседы. Прошу, садитесь и отведайте без стеснения изысканные сладости, которые мне преподнесла супруга одного из заключенных.

Фермин, давно уже лишившийся аппетита, не мог проглотить ни крошки, но взял кренделек, чтобы не спорить с Вальсом, и стиснул его в руке, как талисман. Фермин обратил внимание, что Вальс перестал ему «тыкать», и решил про себя, что обращение на «вы» чревато для него пагубными последствиями. Вальс налил себе рюмку бренди и вальяжно опустился в роскошное генеральское кресло.

— Итак? Насколько я понял, у вас есть хорошие новости, — пригласил к разговору господин комендант.

Фермин кивнул.

— Начав с художественной литературы, могу заверить ваше превосходительство, что Мартин преисполнен решимости, имея веские к тому основания, достойно выполнить порученную работу, а именно пригладить и отшлифовать до блеска то, о чем вы просили. Сверх того, Мартин обмолвился, что находит материал, предоставленный вами, изысканным и выше всяких похвал. Следовательно, он считает свою задачу простой, так как ввиду гениальности господина коменданта ему остается всего лишь расставить пару точек над *i*, чтобы получился шедевр, не уступающий лучшим трудам Парацельса.

У Вальса сперло дыхание в зобу от такого красноречия Фермина, он жадно впитывал и смаковал каждое его слово, но при этом только вежливо кивал, сохраняя холодную улыбку.

— Нет необходимости льстить мне, Фермин. Мне достаточно знать, что Мартин сделает все, что полагается. Нам обоим известно, как неохотно он берется за предложенную работу, но я рад, что он образумился, осознав, что мирное решение вопроса пойдет на благо всем. А теперь относительно двух других пунктов...

— Я к ним и перехожу. Что касается погоста потерянных книг...

— Кладбища Забытых Книг, — поправил Вальс. — Вам удалось вытянуть из Мартина, где оно находится?

Фермин уверенно кивнул:

— Судя по всему, вход в упомянутый оссуарий^[30] надо искать в лабиринте туннелей и пещер под рынком Борн.

Ничего подобного Вальс не ожидал, он удивился и задумался.

— И как же его найти?

— Так далеко я еще не продвинулся, господин комендант. Полагаю, это может быть какой-нибудь люк, прикрытый для отвода глаз инвентарем и охапками зелени на задворках ближайшего оптового овощного лотка. Мартин избегал откровенничать на эту тему, и я испугался, что, если буду слишком напирать, он вконец онемееет.

Вальс слегка кивнул, соглашаясь:

— Вы правильно поступили. Продолжайте.

— В завершение скажу о третьем поручении вашего благородия. Мне на руку сыграло то, что гнусный Сальгадо находился при последнем издыхании и корчился в предсмертной агонии, так что мне удалось склонить его поведать в горячечном бреде, где он спрятал жирный навар со своих разбойничьих налетов, совершенных на службе у масонов и марксистов.

— Стало быть, по вашему мнению, он может умереть?

— В любую минуту. Я полагаю, что он уже шлет приветы Льву Троцкому и ждет, когда угаснет последняя искра жизни, чтобы примкнуть к загробному политбюро.

Вальс раздраженно покачал головой:

— Говорил же я этим животным, что силой они ничего из него не вытрясут.

— Технически они кое-что добыли, — например, половые железы и еще парочку частей тела, — но я разделяю точку зрения господина коменданта в том смысле, что на чудовища вроде Сальгадо надо

воздействовать исключительно психологическими методами.

— И что дальше? Где деньги?

Фермин наклонился вперед и произнес доверительным тоном:

— Это трудно объяснить.

— Хватит говорить обиняками, или я отправлю вас в подвал, чтобы к вам вернулось красноречие.

И тогда Фермин выдал Вальсу диковинную байку, услышанную из уст Сальгадо. Господин комендант выслушал его недоверчиво.

— Предупреждаю, Фермин, если вы солгали, вы пожалеете. То, что сделали с Сальгадо, покажется детскими шалостями по сравнению с тем, что сделают с вами.

— Уверяю вашу милость, что я лишь повторяю слово в слово рассказ Сальгадо. Если хотите, я могу поклясться на столь достоверном портрете каудильо милостью Божьей, что висит над вашим столом.

Вальс пристально посмотрел ему в глаза. Фермин выдержал его взгляд не моргая, в точности следуя наставлениям Мартина. Наконец господин комендант убрал с лица улыбку, а со стола — блюдо с печеньем, ведь он уже получил желанную информацию. Не утруждая себя больше любезностью, он щелкнул пальцами, и в кабинет вошли охранники, чтобы отвести Фермина обратно в камеру.

На сей раз Вальс не счел нужным даже пригрозить заключенному. Конвойные уже тащили Фермина по коридору, когда навстречу им попался секретарь коменданта. Проскочив мимо, секретарь затормозил на пороге кабинета Вальса и выпалил:

— Господин комендант, Санауха, врач из камеры Мартина...

— Да. И что с ним?

— Он говорит, что Мартин упал в обморок. Доктор опасается, что это что-то серьезное, и просит разрешения заглянуть в аптечку, чтобы поискать лекарства...

Вальс в гневе вскочил:

— И чего ты ждешь? Шевелись. Дай ему аптечку, и пусть возьмет все, что нужно.

У камеры Мартина, пока доктор Санауха оказывал писателю помощь, по приказу господина коменданта дежурил надзиратель, молодой парень не старше двадцати лет, впервые заступивший на пост. Предполагалось, что в ночную смену выйдет Ханурик, но вместо него внезапно появился неоперившийся новичок, казалось, неспособный управиться даже со связкой ключей и взвинченный куда больше заключенных. Около девяти вечера доктор, явно очень уставший, подошел к решетке и обратился к надзирателю:

— Мне нужно еще немного чистой марли и перекиси водорода.

— Я не могу отлучиться с поста.

— А я не могу бросить пациента. Пожалуйста. Марля и перекись.

Надзиратель нервно вздрогнул.

— Господину коменданту не нравится, когда не выполняют его инструкции до последней запятой.

— Еще меньше ему понравится, если с Мартином что-то случится из-за того, что вы проигнорировали мою просьбу.

Юный надзиратель обдумал положение.

— Шеф, мы не научились проходить сквозь стены и не собираемся крушить решетки... — увещевал его доктор.

Надзиратель коротко выругался и сорвался с места, со всех ног припустив к аптечке. Доктор Санауха остался ждать у решетки. Сальгадо спал второй час подряд, натужно дыша. Фермин незаметно подкрался к прутьям, отделявшим камеру от коридора, и встретился глазами с доктором. Санауха перебросил ему сверточек размером с колоду карт, обмотанный лоскутом ткани и перевязанный бечевкой. Фермин поймал его на лету и быстро нырнул обратно в тень в глубине камеры. Надзиратель, возвратившийся с медикаментами, которые просил Санауха, придвинулся к решетке тринадцатой камеры и настороженно посмотрел на неподвижный силуэт Сальгадо.

— Он при последнем издыхании, — пояснил Фермин. — Не думаю, что доживет до утра.

— Позаботься, чтобы он не протянул ноги до шести. На кой ляд мне сдался жмурик; пусть помирает, но не в мое дежурство.

— Будет сделано все, что в человеческих силах, — отозвался Фермин.

Поздно вечером, в то самое время, когда Фермин разворачивал сверток, который передал ему из коридора доктор Санауха, черный «студебекер» вез господина коменданта по дороге, спускавшейся от крепости Монтжуик к темным городским улицам, огибавшим порт. Шофер Хайме с особым старанием объезжал рытвины и прочие неровности, которые могли бы причинить неудобство пассажиру и нарушить течение его мыслей. Новый комендант не походил на своего предшественника. Прежний комендант имел привычку по пути заводить с Хайме разговор, а порой садился на переднее сиденье, рядом с шофером. Комендант Вальс обращался к нему лишь по необходимости, отдавая приказания, и крайне редко встречался с ним взглядом, разве только Хайме совершал ошибку, например, наезжал на камень или делал резкий поворот. Тогда глаза коменданта вспыхивали в зеркале заднего вида, как светляки, а лицо искажала недовольная гримаса. Комендант Вальс не разрешал включать радио, заявляя, что передачи, которые транслируются в эфире, оскорбляют его интеллект и вкус. Он также не позволял Хайме прикреплять к щитку фотографии жены и дочери.

К счастью, в столь поздний час машин не было, и дорога не преподнесла неприятных неожиданностей. Автомобиль мгновенно проскочил казармы Атарасанас, обогнул памятник Колумбу и въехал на Рамбла. За две минуты машина домчалась до кафе «Опера» и остановилась. Зрители театра «Лисео», находившегося на противоположной стороне улицы, уже зашли в зал перед вечерним спектаклем, и бульвар Рамбла выглядел совершенно безлюдным. Шофер вышел из машины и, удостоверившись, что поблизости никого нет, открыл дверь для Маурисио Вальса. Господин комендант ступил на землю и равнодушно скользнул взглядом вдоль бульвара. Поправив галстук, он отряхнул плечи пиджака ладонями.

— Жди здесь, — велел он шоферу.

Кафе, куда зашел господин комендант, было почти пустым. Часы над стойкой показывали без пяти десять. Вальс ответил кивком на приветствие официанта и сел, выбрав столик в глубине зала. Он неторопливо снял перчатки и вынул серебряный портсигар — подарок тестя на первую годовщину свадьбы. Закурив сигарету, господин комендант обвел взором старое кафе. Официант приблизился к нему с подносом в руке и протер

столешницу влажной тряпкой, издававшей запах щелочи. Презрительный взгляд, брошенный на него господином комендантом, служащий проигнорировал.

- Что сеньор будет заказывать?
- Две порции мансанильи.
- В одну чашку?
- Нет, в разные.
- Кабальеро ждет спутника?
- Естественно.
- Прекрасно. Желаете что-нибудь?
- Мед.
- Хорошо, сеньор.

Официант вальяжно отправился выполнять заказ. Господин комендант тихо пробормотал в его адрес нечто уничижительное. Радиоприемник на стойке бара бормотал какие-то сентиментальные советы, разбавляя их рекламой косметических средств «Белла Аврора», ежедневное использование которых гарантировало молодость, красоту и цветущий вид. Через четыре столика от Вальса сидел пожилой человек, как будто задремавший с газетой в руках. Остальные столы были не заняты. Не прошло и пяти минут, как появились две чашки травяного чая, над которыми поднимался ароматный горячий пар. Официант нарочито неторопливо разместил их на столе, потом выставил горшочек меда.

— Это все, кабальеро?

Вальс кивнул. Выждав момент, когда официант вернется за стойку, он достал из кармана флакон, отвинтил пробку и покосился на второго посетителя, который по-прежнему клевал носом над газетой. Официант, протирая бокалы в баре, повернулся к залу спиной.

Зажав флакон в кулаке, Вальс опрокинул его содержимое в чашку, стоявшую на противоположном конце стола. Затем добавил в чай щедрую порцию меда и размешивал ложечкой до тех пор, пока мед полностью не распустился. По радио зачитывали плаксивое послание какой-то сеньоры Бетансос. Эта особа, видно, сильно допекла мужа, поскольку он показал ей небо с овчинку, сбежал с друзьями в бар, не ночевал дома и не вернулся к мессе. Даме посоветовали помолиться, не падать духом и воспользоваться женским оружием, не переступая, однако, границ дозволенного в добропорядочной христианской семье. Вальс снова сверился с часами: стрелки показывали четверть одиннадцатого.

В десять часов двадцать минут Исабелла Семпере переступила порог кафе. Молодая женщина выглядела очень непритязательно: скромное пальто, волосы, собранные в строгий пучок, никакой косметики на лице. Заметив ее, Вальс поднял руку. Исабелла застыла на миг, глядя на него, потом медленно подошла к столику. Вальс встал и с приветливой улыбкой подал ей руку. Исабелла не обратила внимания на протянутую руку и села.

— Я взял на себя смелость заказать мансанилью, напиток, который наиболее соответствует такой скверной ночи, как нынешняя.

Исабелла кивнула, избегая встречаться глазами с Вальсом. Господин комендант, напротив, рассматривал ее очень внимательно. Сеньора Семпере изуродовала себя, как могла, пытаясь скрыть красоту. Впрочем, она поступала так всегда, собираясь на встречу с ним. Вальс оценил рисунок ее губ, часто бившийся пульс на шее и грудь, спрятанную под пальто.

— Начинайте вы, — произнесла Исабелла.

— Прежде всего позвольте поблагодарить вас за то, что вы пришли на эту встречу, так быстро откликнувшись на мое приглашение. Я получил вашу записку сегодня днем и подумал, что нам будет удобнее обсудить проблему не в моем кабинете, а за пределами тюрьмы.

Исабелла молча кивнула. Вальс попробовал мансанилью и облизнул губы:

— Изумительно. Лучший чай в Барселоне. Отведайте.

Исабелла проигнорировала предложенное угощение.

— Как вы скоро поймете, осмотрительность никогда не помешает. Можно спросить, вы говорили кому-нибудь, что идете сюда сегодня вечером?

Исабелла покачала головой.

— И мужу тоже?

— Мой муж проводит инвентаризацию в магазине. Он вернется домой только поздно ночью. Никто не знает, что я тут.

— Вам заказать что-нибудь другое? Если вам не нравится мансанилья...

Исабелла снова покачала головой и взяла чашку в руки.

— Пусть будет чай.

Вальс невозмутимо улыбнулся.

— Как я уже сказал, ваше письмо я получил. Я понимаю ваше возмущение и хотел бы объяснить, что в действительности это просто недоразумение.

— Вы шантажируете несчастного душевнобольного, вашего заключенного, требуя, чтобы он написал роман, который вас прославит. По моему, все пока предельно ясно, сомневаюсь, что я поняла неверно.

Рука Вальса скользнула к Исабелле.

— Исабелла... Могу я называть вас по имени?

— Не прикасайтесь ко мне.

Вальс убрал руку, выдавив примирительную улыбку.

— Хорошо. Но давайте поговорим спокойно.

— Разговаривать не о чем. Если вы не оставите Давида в покое, я разнесу по всему свету историю о вашем мошенничестве, дойду до Мадрида, куда угодно, если потребуется. Все узнают, что вы за человек и какой вы талантливый писатель. Никто и ничто меня не остановит.

На глазах у Исабеллы выступили слезы, и чашка с мансанильей дрогнула у нее в руках.

— Пожалуйста, Исабелла. Выпейте чаю. Вам станет лучше.

Исабелла пригубила из чашки с отсутствующим выражением лица.

— Вот так, с капелькой меда, напиток гораздо приятнее, — добавил Вальс.

Исабелла сделала два или три глотка.

— Признаюсь, я вами восхищен, Исабелла, — промолвил Вальс. — Немного найдется людей, у кого хватит отваги и решительности защищать несчастного изгоя вроде Мартина — отверженного, кого все бросили и предали. Все, кроме вас.

Исабелла с беспокойством посмотрела на часы над барной стойкой: было десять тридцать пять. Молодая женщина выпила еще пару глоточков и наконец опустошила чашку.

— Должно быть, вы очень им дорожите, — осмелился заметить Вальс. — Иногда я задаю себе вопрос, сможете ли вы со временем, познакомившись со мной ближе и узнав по-настоящему, оценить меня так же высоко, как вы цените его.

— Вы мне отвратительны, Вальс. Вы и такие подонки, как вы.

— Знаю, Исабелла. Но такие подонки, как я, всегда процветают в этой стране, а такие люди, как вы, всегда оказываются на обочине. И не важно, какая партия правит бал.

— На сей раз так не получится. На сей раз ваши начальники узнают, что вы творите.

— А отчего вы решили, что для них это представляет интерес или что они не делают того же, что и я, и даже больше. Да я ребенок в сравнении с ними.

Вальс усмехнулся и вытащил из кармана пиджака сложенный лист бумаги.

— Исабелла, мне хотелось бы доказать вам, что я не настолько плох, как вы думаете. И в подтверждение вот приказ об освобождении Давида Мартина, датированный завтрашним днем.

Вальс показал молодой женщине документ. Исабелла изучила его недоверчиво. Вальс извлек ручку и без колебаний поставил на бумаге свою подпись.

— Пожалуйста. Формально Давид Мартин — свободный человек. Благодаря вам, Исабелла. Только благодаря вам...

Исабелла поглядела на него остекленевшим взглядом. Вальс отметил, что зрачки ее постепенно расширяются и кожа над верхней губой покрылась капельками пота.

— Вы хорошо себя чувствуете? Вы побледнели...

Исабелла встала, пошатнувшись, и ухватилась за спинку стула.

— У вас кружится голова, Исабелла? Мне проводить вас?

Исабелла отступила на несколько шагов и, ринувшись к двери, по дороге столкнулась с официантом. Вальс остался за столиком, смакуя мансанилью, и сидел, пока стрелки часов не показали без четверти одиннадцать. Тогда он положил на стол горсть монет и с достоинством покинул кафе. Машина ждала на тротуаре, и шофер держал открытую дверцу.

— Господин комендант желает ехать домой или в крепость?

— Домой, но сначала завернем ненадолго в Пуэбло-Нуэво, на старую фабрику Вилардель, — приказал он.

На пути к вожденной добыче Маурисио Вальс, будущая гордость испанской литературы, смотрел на шеренги темных домов и пустынные улицы проклятой Барселоны, которую он люто ненавидел, оплакивая Исабеллу и то, чего теперь никогда не будет.

Очнувшись от забытья, Сальгадо открыл глаза, и первое, что он увидел, это неподвижную фигуру, замершую в ногах кровати и смотревшую на него. Сальгадо ощутил прилив паники, так как на миг ему показалось, будто он все еще находится в пыточной комнате в подвале. Пульсирующий тусклый свет коридорного освещения на секунду-другую сделался ярче, прорисовав знакомые черты.

— Фермин, это вы? — спросил Сальгадо.

Человек, скрытый тенью, кивнул, и Сальгадо вздохнул с облегчением.

— У меня во рту пересохло. Воды не осталось?

Фермин медленно шагнул к изголовью. В руках он держал лоскут ткани и стеклянный флакон.

Сальгадо с недоумением наблюдал, как Фермин выплеснул жидкость из пузырька на ткань.

— Что это, Фермин?

Фермин не ответил. Его лицо ничего не выражало. Наклонившись над Сальгадо, он посмотрел сокамернику в глаза.

— Фермин, не...

Вор не успел произнести больше ни звука: Фермин запечатал ему тряпицей рот и нос и удерживал в таком положении, придавив голову к кровати. Сальгадо сопротивлялся, собрав последние оставшиеся у него силы. Фермин не сдавался, продолжая прижимать кусок влажной материи к нижней части его лица. Сальгадо поглядел на Фермина с тоской и через несколько секунд потерял сознание. Фермин не спешил освобождать его, хладнокровно досчитал до пяти и только тогда убрал ткань. Сев на койку спиной к Сальгадо, он выждал еще некоторое время. Потом в соответствии с инструкцией, полученной от Мартина, он подошел к дверце камеры.

— Надзиратель! — крикнул Фермин.

По коридору зашаркали, приближаясь, шаги новобранца. План Мартина предусматривал, что в ту ночь дежурить по графику должен Ханурик, а не новенький придурок.

— Что еще стряслось? — спросил надзиратель.

— Сальгадо. Он помер.

Надзиратель тряхнул головой, и на его физиономии отразилась досада и злость.

— Мать вашу, и теперь чего?

— Принесите мешок.

Надзиратель проклинал свое невезение.

— Если хотите, шеф, я сам его туда засуну, — вызвался Фермин.

Надзиратель кивнул, проявив слабые признаки благодарности.

— Если вы сейчас принесете мешок, то, пока я буду укладывать покойника, вы успеете вызвать гробовщиков, и тогда его заберут до полуночи, — добавил Фермин.

Надзиратель опять кивнул и побежал искать брезентовый мешок. Фермин остался стоять у двери камеры. С противоположной стороны галереи за ним молча наблюдали Мартин и Санауха.

Надзиратель вернулся через десять минут. Он держал мешок за краешек, не в силах скрыть омерзение: зловоние разлагающейся мертвечины вызывало у него тошноту. Фермин отступил в глубь камеры, не дожидаясь приказа. Надзиратель открыл дверцу и забросил мешок внутрь.

— Вызывайте кого следует, шеф, и у нас до двенадцати заберут еще одного покойника, иначе он пролежит тут завтра весь день до вечера.

— Вы уверены, что сможете затолкать его в мешок в одиночку?

— Не беспокойтесь, шеф, опыт у меня уже имеется.

Надзиратель опять закивал, впрочем, не очень уверенно.

— Обрубок руки у него загноился, и если не повезет, запах пойдет такой, что описать невозможно.

— Мать твою, — выругался надзиратель, удаляясь на крейсерской скорости.

Услышав, что тюремщик добрался до конца коридора, Фермин споро принялся раздевать Сальгадо, а потом снял и свою одежду. Он обрядился в вонючие лохмотья вора, натянув на него свои. Повернув Сальгадо на койке на бок, лицом к стене, Фермин укутал его одеялом, частично прикрыв лицо. Затем он схватил мешок, скользнул внутрь и собирался уже его завязать, когда вспомнил нечто важное.

Фермин поспешно выпутался из парусины, подбежал к стене и начал скрести ногтями между двух камней в том месте, где Сальгадо у него на глазах спрятал ключ. Наконец показался блестящий кончик. Фермин попытался ухватить его, но ключик накрепко застрял в стене и выskalзывал из пальцев.

— Поторопитесь, — раздался голос Мартина из камеры напротив.

Фермин вцепился ногтями в ключ и дернул его изо всех сил. Ноготь безымянного пальца оторвался, и на миг Фермина ослепила боль. Сдержав

крик, он поднес палец к губам. Рот заполнил солоноватый, отдававший железом, вкус крови. Фермин открыл глаза и увидел, что ключ на сантиметр торчит из щели. Теперь достать его удалось без труда.

Фермин снова забрался в мешок и кое-как его завязал, оставив отверстие шириной почти в пядь. Подавляя рвотные позывы, подступавшие к горлу, он растянулся на полу и, манипулируя веревками изнутри, попытался получше затянуть мешок. В результате его усилий дырка сузилась до размера кулака. Фермин прижал пальцы к носу, предпочитая дышать собственной грязью, чем изнемогать от запаха разложения. Теперь остается только ждать, подумал он.

Улицы Пуэбло-Нуэво тонули в густой и сырой мгле, наползавшей со стороны квартала бараков и шалашей на пляже Соморростро. «Студебекер» господина коменданта прорывал завесу плотного тумана, медленно продвигаясь по темным ущельям, пролегавшим между фабричными зданиями, складами и ангарами, мрачными и обветшавшими. Автомобильные фары прокладывали впереди коридоры света. Вскоре в дымке показалась бывшая текстильная фабрика Вилардель. В глубине улицы обретали очертания печные трубы, островерхие крыши цехов и пристроек. Широкий вход перегораживала решетка, оцетинившаяся острыми пиками. За ней угадывались джунгли кустарников и сорняков, среди которых выступали остовы брошенных грузовиков и колымаг. Шофер остановился у ворот старой фабрики.

— Не выключай мотор, — распорядился господин комендант.

Свет фар проникал в темноту за воротами, открывая картину запустения: фабрика лежала в руинах. В войну ее разбомбили, после чего она оказалась заброшена, подобно многим другим сооружениям в городе.

С одной стороны угадывались очертания бараков, окна и двери которых были забиты толстыми деревянными брусками. А напротив обугленных гаражей, видимо, ставших жертвой пожара, вросло в землю невысокое строение, которое Вальс идентифицировал как бывшую сторожку. Красноватое пламя свечи или масляной лампы подрагивало за одним из запертых окон. Не проявляя спешки, господин комендант внимательно изучал обстановку с заднего сиденья машины. Через несколько минут настороженного ожидания он наклонился вперед и обратился к шоферу:

— Хайме, вы видите домик с левой стороны, у гаража?

Впервые господин комендант назвал шофера по имени, данному ему при крещении. Но что-то в тоне коменданта, неожиданно приветливом и дружеском, Хайме не понравилось, из-за чего он в настоящую минуту предпочел бы услышать обычное холодное и высокомерное обращение.

— Вы имеете в виду сторожку?

— Да, именно сторожку. Я попрошу вас подойти к ней и постучать в дверь.

— Вы хотите, чтобы я забрался туда, на фабрику?

Господин комендант не удержал нетерпеливого вздоха.

— Нет, не на фабрику. Слушайте внимательно. Видите дом, так ведь?

— Да, сеньор.

— Прекрасно. Нужно, чтобы вы дошли до решетки, пролезли в дыру между прутьями, приблизились к сторожке и постучали в дверь. До сих пор все понятно.

Шофер довольно уныло кивнул.

— Хорошо. Когда вы постучите, вам откроют. И тогда вы скажете: «Да здравствует Дуррути».

— Дуррути?

— Не перебивайте меня. Произнесите то, что я вам сказал. И вам дадут некий предмет. Возможно, это будет чемодан или узел. Вы его принесете сюда, и все. Просто, не так ли?

Шофер был бледен и смотрел, не отрываясь, в зеркало заднего вида, как будто ожидал, что в любую секунду из темноты на них выскочит чудовище.

— Успокойтесь, Хайме. Ничего страшного не случится. Я прошу вас о личном одолжении. Скажите, вы женаты?

— Уже три года как женат, господин комендант.

— О, замечательно. И дети есть?

— Дочка, ей два года. И жена снова ждет ребенка, господин комендант.

— Семья — самое важное в жизни, Хайме. Вы настоящий испанец. Как вы отнесетесь к тому, что в качестве подарка на предстоящие крестины и в знак признательности за вашу безупречную службу я дам вам сто песет? И если вы окажете мне эту маленькую услугу, я порекомендую повысить вас в должности. Вам понравилась бы работа в кабинете Депутации. У меня там есть хорошие друзья, и мне говорили, что им нужны надежные люди, чтобы вытащить страну из ямы, куда ее толкнули большевики.

При упоминании денег и хорошей служебной перспективы слабая улыбка выступила на губах шофера.

— А это не опасно ли?..

— Хайме, я ведь кто? Господин комендант. Неужели я вовлек бы вас в опасное или незаконное дело?

Шофер молча смотрел на него. Вальс улыбнулся ему.

— Повторите, что вы должны сделать. Давайте.

— Надо подойти к двери дома и постучать. Когда откроют, сказать: «Дуррути здравствует».

— Да здравствует Дуррути.

— Ах да. Да здравствует Дуррути. Мне дают чемодан, и я его приношу.

— И мы едем домой. Все очень просто.

Шофер ответил кивком и, поколебавшись мгновение, вышел из автомобиля и направился к ограде. Вальс напряженно следил, как темный силуэт пересек пучок света фар и приблизился к воротам. Там он замешкался и обернулся посмотреть на «студебекер».

— Иди же, идиот, входи, — пробормотал Вальс.

Шофер протиснулся между прутьев и опасливо зашагал к сторожке, огибая груды мусора и кустарники. Господин комендант извлек револьвер, который носил во внутреннем кармане пальто, и взвел курок. Шофер подобрался к двери и остановился. Вальс видел, как он дважды постучал и замер в ожидании. Прошла почти минута, и ничего не произошло.

— Значит, в другой раз, — пробормотал Вальс себе под нос.

Шофер теперь растерянно смотрел на машину, словно спрашивая, что делать дальше. Вдруг слабое желтоватое сияние возникло в том месте, где секунду назад находилась наглухо закрытая дверь. Вальс заметил, как зашевелились губы шофера, когда тот произносил пароль. Затем Хайме снова повернул голову к машине. Теперь он улыбался. Выстрел в упор разворотил ему висок, пуля пробила череп насквозь, выпустив из выходного отверстия кровавое облако. Тело, уже мертвое, миг держалось на ногах, окутанное пороховым дымом, а потом повалилось на землю, как сломанная кукла.

Вальс сорвался с заднего сиденья и перебрался за руль «студебекера». Сжимая оружие в левой руке и положив ствол револьвера на приборную доску, он навел его на дверь, дал задний ход и нажал на акселератор. Автомобиль попятился в темноту, попадая во все ямы и лужи, которыми изобиловала дорога. Удаляясь, Вальс видел вспышки выстрелов, прорезавшие сумрак у ворот фабрики, но ни одна пуля не попала в машину. Развернуть машину он решил, отъехав от опасного места метров на двести, после чего, выжав педаль газа до упора, помчался в город, кусая губы от ярости.

Заточенный в парусиновом мешке, Фермин мог только слышать голоса.

— Эй, нам повезло, — сказал надзиратель-новобранец.

— Фермин уже лег спать, — отозвался доктор Санауха из своей камеры.

— Повезло, что у них есть еще покойники, — продолжил надзиратель. — Вот он, можете выносить.

Вокруг началась суета, зазвучали шаги, Фермин ощутил резкий толчок, когда один из гробовщиков заново завязал узел и с силой затянул его. Потом мешок подняли за два угла и без церемоний потащили по каменному коридору. Фермин не осмеливался даже пальцем пошевелинуть.

Удары о ступени лестниц, углы, выступы и двери безбожно истязали тело Фермина. Он зажал кулаком рот и впился в свою руку зубами, чтобы не кричать от боли. После долгого и мучительного путешествия Фермин ощутил резкое падение температуры. Исчезло и гулкое эхо, обитавшее во всех закоулках крепости. Они вышли на улицу и проволокли Фермина несколько метров по булыжной кладке, залитой лужами. Сквозь парусину быстро стали просачиваться вода и холод.

Наконец несчастный почувствовал, как его поднимают и подбрасывают в воздух. Приземлился он на твердые доски. Шаги стали удаляться. Фермин глубоко вздохнул. Воняло экскрементами, смрадными трупами и газойлю. Послышалось урчание заработавшего мотора, последовал рывок, и машина тронулась. Дощатый пол резко накренился, отчего мешок сорвался с места и покатился. Фермин сообразил, что грузовик, подпрыгивая на ухабах, спускается с холма тем же путем, которым его привезли в крепость много месяцев назад. Он вспомнил, что тогда подъем показался ему извилистым и бесконечным. Однако вскоре он отметил, что машина сделала поворот и поехала уже по другой дороге, лишенной уклона, а заодно и асфальта. Они съехали с основного шоссе, и Фермин почти не сомневался, что они углубляются в горы вместо того, чтобы спускаться в город. Где-то закралась ошибка, план не сработал.

До той поры Фермину не приходило в голову, что Мартин способен чего-то не учесть в своих расчетах, упустив важную деталь. Ведь на самом деле никто в точности не знал, что делают с трупами заключенных. Вероятно, Мартин не удосужился подумать, что покойников могут

попросту бросать в какую-нибудь топку, избавляясь от тел самым радикальным способом. И Фермин представил, как будет потешаться Сальгадо, очнувшись от хлороформного наркоза, — как скажет, что Фермин Ромеро де Торрес (или как, черт возьми, его звали?) прежде, чем сгореть в Аду, поджарился живьем.

Путь продлился недолго, всего несколько минут. Едва грузовик начал сбрасывать скорость, как до Фермина донесся кошмарный, невыразимый смрад, какого он и вообразить себе не мог. Сердце у него сжалось, от нестерпимо зловонных миазмов свело пищевод, и, борясь с тошнотой, Фермин горячо пожалел, что послушался безумного Мартина и не остался в своей камере.

Прибыв в крепость Монтжуик, господин комендант вышел из машины и бегом направился в кабинет. У двери за маленьким столом сидел, как пришитый, его секретарь, перепечатывая двумя пальцами дневную почту.

— Брось писанину и сделай так, чтобы сию секунду ко мне привели этого сукина сына Сальгадо, — распорядился Вальс.

Секретарь растерянно поглядел на начальника, не решаясь открыть рот.

— Что ты смотришь, как баран? Действуй!

Смущенный секретарь встал, избегая разгневанного взгляда господина коменданта.

— Сальгадо умер, господин комендант. Сегодня ночью...

Вальс зажмурился и глубоко вздохнул.

— Господин комендант...

Не дожидаясь объяснений, Вальс опрометью бросился в коридор и, не сбавляя скорости, добежал до тринадцатой камеры. Увидев коменданта, надзиратель пробудился от тяжелого сна и по-военному отдал ему честь:

— Ваше превосходительство, что...

— Открывай. Быстро.

Надзиратель открыл камеру, и Вальс решительно устремился внутрь. Очутившись около койки, он схватил за плечо покоившегося на постели человека и грубо дернул его. Сальгадо опрокинулся на спину, лицом вверх. Вальс наклонился над распростертым узником и принялся к его дыханию. Затем он повернулся к надзирателю, смотревшему на него с ужасом.

— Где тело?

— Его забрали агенты из похоронного бюро...

Вальс влепил парню оплеуху, сбив его с ног. В коридоре возникли два охранника, ожидая распоряжений коменданта.

— Он мне нужен живым, — отрывисто бросил он.

Охранники кивнули и поспешно удалились. Вальс задержался в галерее и некоторое время стоял, опираясь на прутья камеры Мартина и доктора Санаухи. Надзирателю, который уже успел подняться и не смел даже вздохнуть, показалось, будто господин комендант смеется.

— Ваша идея, не так ли, Мартин? — спросил Вальс наконец.

Отвесив едва заметный поклон, Вальс медленно заплодировал,

удаляясь по коридору.

Фермин обратил внимание, что грузовик замедлил ход, преодолевая последние препятствия на проселочной дороге. Минуты две машина с жалобным скрежетом ползла по ямам и колдобинам, затем мотор заглох. Невыносимый смрад, проникавший сквозь ткань мешка, невозможно описать. Могильщики обошли машину и приблизились к заднему борту, гроыхнули откинутые болты, борт упал, последовал внезапный рывок, и мешок полетел в пространство.

Фермин грохнулся о землю боком. В плече разлилась тупая боль. Но он не успел среагировать, потому что гробовщики подняли мешок с каменистой почвы и, ухватив его за противоположные концы, понесли вверх по склону. Через несколько метров они остановились и снова бросили свою ношу на камни. На слух Фермин определил, что один из них, встав на колени, начал распутывать узел, стягивавший горловину мешка. Второй отошел чуть в сторону и, как показалось беглецу, взял в руки что-то металлическое. Фермин попытался сделать глубокий вдох; пропитанный смрадными миазмами воздух обжигал гортань. Он закрыл глаза. Холодный ветер пахнул в лицо. Могильщик подцепил мешок за глухой конец и мощным рывком вытряхнул из него тело. Фермин кубарем покатился по острым камням и лужам.

— Давай, на счет три, — скомандовал один из могильщиков.

Вдвоем они подхватили его за руки и лодыжки. Фермин изо всех сил старался не дышать.

— Послушай-ка, а он не вспотел?

— Какого хрена мертвяку потеть, тупица? Небось в лужу попал. Ну, раз, два и...

Три. Фермин почувствовал, что тело его раскачивается из стороны в сторону. Мгновение спустя он взмыл в воздух и покорился судьбе. В полете Фермин открыл глаза и, прежде чем камнем устремиться вниз, успел осознать только одно: он падал в глубокий ров, выкопанный в склоне горы. Лунный свет позволял различить лишь что-то белесое на дне. Фермин решил, что внизу его ждут скалы, и за полсекунды до падения спокойно подумал, что не боится умереть.

Посадка была мягкой. По ощущениям Фермина, он приземлился на что-то податливое и влажное. На высоте пяти метров один из могильщиков поднял лопату и высыпал ее содержимое в ров. Беловатый порошок накрыл

Фермина сверкающим облаком, лаская кожу. Не прошло и секунды, как тело стало немилосердно жечь, словно его облили кислотой. Могильщики ушли. Фермин привстал и обнаружил, что находится в открытой могиле, в котловане, заполненном трупами, засыпанными негашеной известью. Он судорожно попытался стряхнуть жгучий порошок, а потом, барахтаясь среди тел, ухитрился добраться до стены рва. Фермин истступленно карабкался вверх, впиваясь пальцами в землю и стараясь не замечать боль.

С огромным трудом выбравшись на бровку рва, он сумел доползти до лужи с грязной водой и смыть с себя известь. Встав на ноги, Фермин первым делом убедился, что огни грузовика уменьшаются, скрываясь в темноте. Повернув голову, он на миг оглянулся назад и увидел, что зияющая могила под его ногами белеет, словно океанский прибой из трупов, сплетенных между собой. Тошнота накатила стремительно, его вывернуло наизнанку, и он упал на колени, извергая на руки желчь и кровь. От смрада смерти и панического ужаса у него останавливалось дыхание. И в это мгновение послышался отдаленный рокот моторов. Беглец вскочил на ноги, увидев быстро приближавшиеся фары двух машин. Фермин помчался по склону и вскоре очутился на маленькой эспланаде, откуда видно было море, омывавшее волнами подножие горы, и портовый маяк в конце волнореза.

А на вершине возвышалась крепость Монтжуик в ореоле черных туч, которые ползли по небу, застилая луну. Шум моторов сделался громче. И Фермин, не раздумывая, прыгнул вниз. Он падал и катился по косогору, натываясь на стволы деревьев, камни и кустарники, больно бившие тело и рвавшие его плоть. Он больше не чувствовал ни боли, ни страха, ни усталости и, оказавшись на шоссе, сразу бросился бежать по направлению к портовым ангарам. Он бежал без остановок, задыхаясь, не думая о времени и забыв о ранах, которые покрывали его тело.

Уже занимался рассвет, когда Фермин достиг бескрайнего лабиринта хибарок, растянувшегося вдоль пляжа Соморростро. С моря наплывал рассветный туман, клубившийся вокруг черепичных крыш. Фермин блуждал по переулкам и тропинкам города бедных, ничего не соображая, пока не свалился среди куч мусора и щебенки. Там его и нашли двое мальчишек-оборванцев. Они тащили куда-то деревянные ящики и остановились поглазеть на жалкое подобие человека, ибо он больше походил на скелет, обтянутый кожей, которая, казалось, кровоточила всеми порами.

Фермин улыбнулся детям и сложил пальцы в победном знаке: «Виктория». Мальчики переглянулись. Один из них что-то сказал, Фермин не расслышал что. Сраженный усталостью, сквозь полуопущенные веки он только видел, как его подняли с земли и понесли четверо мужчин, затем уложили на кровать около очага. Его кожи коснулось тепло, и постепенно к ногам, рукам и плечам стала возвращаться чувствительность. Следом пришла боль, как наступает прилив, медленно и неумолимо. Приглушенные женские голоса бормотали над ним непонятные слова. С него сняли жалкие обрывки лохмотьев и бесконечно бережно обмыли нагое истерзанное тело мягкой тканью, смоченной в теплой воде и камфоре.

На лоб его легла рука старой женщины, он приоткрыл глаза и встретился с усталым, исполненным мудрости взглядом.

— Откуда ты? — спросила женщина. В бреду Фермин принял ее за свою мать.

— Из могилы, мама, — прошептал он. — Я вернулся из мертвых.

Часть третья

Второе рождение

Барселона, 1940 год

Происшествие на старой фабрике Вилардель не попало в газеты. Всем было невыгодно, чтобы эта история выплыла на свет. О случившемся знали только те, кто непосредственно участвовал в событиях. В ту самую ночь, когда Маурисио Вальс вернулся в крепость и обнаружил, что заключенный номер тринадцать бежал, инспектор Фумеро из Социально-политической бригады получил уведомление от господина коменданта о доносе, поступившем от одного из арестантов. Еще до восхода солнца Фумеро со своими людьми прибыл на место убийства.

Двоих агентов инспектор поставил охранять периметр, сосредоточив основные силы у ворот, откуда хорошо просматривалась сторожка — в точном соответствии с описанием Вальса. Тело Хайме Монтойи по-прежнему лежало среди мусора и руин: героический шофер коменданта тюрьмы вызвался сам, в одиночку, проверить правдивость заявления арестанта о неблагонадежных и опасных людях, окопавшихся на фабрике. Незадолго до рассвета Фумеро приказал своим подчиненным войти на территорию разрушенной фабрики. Сторожку окружили, и когда ее обитатели, двое мужчин и молодая женщина, заметили непрошенных гостей, произошло небольшое столкновение, в результате которого женщина, имевшая огнестрельное оружие, ранила в руку одного из полицейских. Рана оказалась несерьезной, не опаснее царапины. Не считая этой заминки, Фумеро и его бойцы справились с мятежниками в два счета.

Инспектор распорядился загнать всех в сторожку, туда же втащили и тело убитого шофера. Фумеро не стал спрашивать ни имен, ни документов. Он велел своим помощникам примотать проволокой руки и ноги мятежников к ржавым железным стульям, наваленным грудой в углу комнатухи. Как только всех троих связали, Фумеро приказал подчиненным выйти вон, предоставив им действовать самостоятельно, встать в карауле у дверей сторожки и у ворот фабрики и дожидаться его дальнейших указаний. Оставшись с пленниками наедине, Фумеро захлопнул дверь и уселся на стул напротив троицы.

— Я не спал всю ночь, очень устал и хочу домой. Вы расскажете, где деньги и драгоценности, которые вы храните для Сальгадо, и на этом все закончится. Договорились?

Пленники смотрели на него растерянно и со страхом.

— Мы понятия не имеем ни о драгоценностях, ни о каком-то Сальгадо, — сказал мужчина постарше.

Фумеро кивнул с оттенком безразличия. Он неспешно разглядывал троих пленников так, словно с легкостью читал их мысли и они, эти мысли, наводили на него скуку.

После минутного колебания он выбрал женщину и придвинул к ней свой стул почти вплотную. Женщина задрожала.

— Оставь ее в покое, сукин сын! — взорвался второй мужчина, моложе первого. — Если ты ее тронешь, клянусь, я убью тебя!

Фумеро меланхолично улыбнулся:

— У тебя очень красивая невеста.

Навас, офицер, занимавший пост у дверей сторожки, обливался холодным потом, уже пропитавшим его одежду, отчего ему было не по себе. Он старался не слушать истошные крики, доносившиеся из домика. Заметив похоронные взгляды товарищей, смотревших на него от ворот фабрики, Навас покачал головой.

Никто не произнес ни слова. Фумеро провел в сторожке полчаса. Наконец дверь за спиной Наваса открылась. Офицер шагнул в сторону, избегая глядеть на влажные пятна, проступавшие на черной одежде инспектора. Фумеро лениво прошествовал к воротам. Навас, бросив беглый взгляд в сторожку, закрыл дверь, едва сдержав тошноту. По знаку Фумеро двое агентов с канистрами отправились к домику и полили бензином его стены. Наблюдать, как он будет гореть, они не стали.

Фумеро уже ждал на пассажирском сиденье, когда его подчиненные вернулись к машине. Уезжали молча, а тем временем над руинами старой фабрики взмыл в небо столб дыма и пламени, рассыпая во все стороны пепел, который подхватывал ветер. Фумеро опустил дверное стекло и подставил ладонь навстречу прохладному потоку воздуха. Пальцы его были в крови. Навас вел машину, уставившись вперед на дорогу, но не видел ничего, кроме умоляющего взгляда, который послала ему молодая женщина, еще живая, прежде чем он захлопнул дверь. Поняв, что Фумеро исподтишка следит за ним, офицер крепче стиснул руль, чтобы скрыть дрожь.

С тротуара на проезжавшую машину глазела кучка маленьких оборванцев. Один мальчишка сложил пальцы пистолетом и притворился, будто стреляет. Фумеро усмехнулся и ответил ему тем же жестом. Секунду спустя машина скрылась в лабиринте улочек, прорезавших джунгли

печных труб и амбаров, — исчезла, как мираж, словно ее здесь никогда и не было.

Семь дней Фермин пролежал в бараке в горячечном бреде. Никакими влажными обтираниями не удавалось унять жар. Все чудодейственные бальзамы были не способны утихомирить зло, казалось, снесавшее его изнутри. Местные старухи дежурили у постели больного по очереди, ухаживая за ним и давая тонизирующие средства, в надежде, что он выживет. Они утверждали, что незнакомец одержим демоном — демоном мук совести, — и потому его душа стремится убежать в конец туннеля, чтобы обрести покой в темноте небытия.

На седьмой день в барак пришел человек, которого все называли Армандо и чей авторитет у местных жителей лишь на пару сантиметров уступал авторитету Господа. Он сел у одра больного, осмотрел раны, приподнял пальцами веки и прочитал в расширенных зрачках сокровенные тайны. Старухи, которые выхаживали несчастного, собрались кружком за спиной Армандо, замерев в почтительном молчании. Через некоторое время Армандо удовлетворенно кивнул и покинул барак. Двое юношей, ждавших его у порога, последовали за ним до линии прибоя, — где волны, накатывая на берег, оставляли морскую пену, — и внимательно выслушали его указания. Армандо проводил молодых людей взглядом. Сам он не спешил уходить, присев на остов рыбацкого баркаса, разбитого бурей и застрявшего на отмели между взморьем и чистилищем.

Армандо раскурил короткую сигару и смаковал ее, подставив лицо свежему рассветному бризу. Покуривая и размышляя, что делать дальше, Армандо достал обрывок страницы «Вангвардии», который носил в кармане уже не первый день. В ворохе рекламы корсетов и заметок о концертах и театральных премьерах на Параллели^[31] затесалось лаконичное сообщение о побеге заключенного из тюрьмы Монтжуик. Текст отличала суховатая обезличенная манера, свойственная новостям, повторяющим слово в слово официальное коммюнике. Автор позволил себе одну-единственную вольность, упомянув, что никогда еще никому не удавалось бежать из этой неприступной цитадели.

Армандо поднял голову и окинул взором гору Монтжуик, возвышавшуюся на юге. Крепость, с размытыми туманом контурами зубчатых башен, парила над Барселоной. Армандо горько улыбнулся, тлеющим концом сигары поджег обрывок газеты и меланхолично смотрел,

как она осыпается пеплом на ветру. Газеты всегда старательно избегали правды, словно правда подобна смерти, и возможно, они не так уж ошибались. Заметка смердела полуправдой и опущенными подробностями. Чего стоило утверждение, что никому доселе не удавалось бежать из тюрьмы Монтжуик? Впрочем, подумал он, может, это и правда. Человек, которого все называли Армандо, являлся «кем-то» только в невидимом мире города бедных и неприкасаемых. В некоторые эпохи в некоторых государствах быть никем достойнее и почетнее, чем быть «кем-то».

Вяло тянулись дни. Армандо заходил в барак раз в сутки, чтобы поинтересоваться состоянием умирающего. Горячка подавала робкие сигналы к отступлению, и бесчисленные ушибы, порезы и раны, покрывавшие тело больного, потихоньку начали затягиваться под действием целительных бальзамов. Умирающий большую часть времени спал или бормотал что-то невнятное в полузабытьи.

— Жить будет? — спрашивал иногда Армандо.

— Он еще не решил, — отвечала женщина, лицо которой с возрастом утратило выразительность черт, словно стертых годами. Эту старицу бедняга принял за свою мать.

Дни сливались в недели, и вскоре стало ясно, что незнакомца искать не будут, поскольку никто не ищет того, что хочет оставить за чертой забвения. Обычно полиция и жандармерия не показывались в Соморростро. На его территории действовал закон молчания, который четко определял, что город и мир заканчиваются у ворот царства хижин и шалашей, и обе стороны были заинтересованы в сохранении незримого рубежа. Армандо хорошо знал, что за пограничной линией многие тайно или открыто молились, чтобы однажды буря сровняла с землей город бедных. А до тех пор, пока этого не случилось, все предпочитали смотреть в другую сторону, поворачиваясь спиной к морю и людям, влачившим жалкое существование между кромкой берега и фабричными джунглями Пуэбло-Нуэво. И все же Армандо испытывал определенные опасения. Он чувствовал, что за плечами незнакомца, которого они приютили, крылась непростая история и она могла стать причиной того, что закон молчания будет нарушен.

В первые дни вокруг хижин крутилась парочка полицейских, которые расспрашивали жителей, не встречался ли им подозрительный чужак. Армандо в течение нескольких недель настороженно ждал продолжения. Но больше пришельцем никто пока не интересовался, и Армандо в конце концов догадался, что его совсем не жаждут найти. Вероятнее всего, он был уже мертв, не подозревая еще об этом.

Через полтора месяца после появления в поселке раны на теле несчастного стали заживать. Незнакомец открыл глаза и осмысленно

спросил, где он. Ему помогли сесть и напорти бульоном, но ничего не захотели объяснять.

— Вам нужно отдыхать.

— Я жив? — спросил он.

Ему не ответили ни «да», ни «нет». Усталость не отпускала истерзанного человека, и день за днем его клонило в сон. Каждый раз, обессиленно закрыв глаза, он попадал в одно и то же место. В бесконечно повторявшемся сне он карабкался по стенам бездонной могилы, заваленной трупами. Выбравшись на край могилы, он оглядывался и видел, что тьма мертвецов приходит в движение, шевелится, словно клубок угрей. Мертвые открывали глаза и ползли по стенам могилы, повторяя его путь. Вслед за ним они одолевали гору и устремлялись на улицы Барселоны, разыскивая свой дом, стучали в двери тех, кто любил их. Некоторые пускались на поиски своих убийц и рыскали по городу, обуреваемые жаждой мести. Но большинство мечтало лишь вернуться под свой кров к родному очагу — обнять детей, жену или любимую, родных, с которыми их разлучили. Но никто им не открывал, не протягивал рук, не целовал в губы. И умирающий, обливаясь потом, пробуждался в темноте от оглушительных стенаний, звучавших в его душе.

Больного часто навещал кабальеро, имени которого он не знал. От гостя пахло табаком и одеколоном — такие вещи являлись редкостью в ту эпоху. Кабальеро усаживался на стул около кровати и смотрел на страдальца непроницаемым взглядом. У него были черные как смоль волосы и орлиные черты лица. Заметив, что пациент проснулся, гость ему улыбался.

— Вы Бог или дьявол? — спросил однажды умирающий.

Кабальеро пожал плечами и задумался над вопросом.

— Отчасти и тот, и другой, — ответил он наконец.

— В принципе я атеист, — сообщил больной. — Но на самом деле глубоко верующий.

— Как и многие люди. Отдыхайте теперь, друг мой. На Небесах вас подождут, а в Аду вам не понравится.

Между визитами кабальеро с волосами агатового цвета пациент, потихоньку выздоравливая, принимал пищу, позволил себя вымыть и одеть в чистую одежду, которая была ему велика. Когда он окреп настолько, что начал вставать и мог пройти несколько шагов, его стали отводить на берег моря, где он окунал ноги в воду и грелся на ласковом солнце Средиземноморья. Однажды утром он сидел на пляже и смотрел, как играют в песке оборванные и чумазные дети, и вдруг подумал, что не прочь пожить хотя бы еще немного. Со временем прорезались воспоминания и гнев, а вместе с ними появилось желание (и в то же время страх) вернуться в город.

Ноги, руки и прочие органы уже функционировали относительно нормально. Он вновь обрел редкое удовольствие свободно мочиться, не испытывая резей и жжения, а также постыдных последствий. Тогда он сказал себе, что мужчина, который способен справить нужду стоя и без посторонней помощи, вполне в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. В ту же ночь незадолго до рассвета он тихонько встал и по узким переулочкам добрался до границы поселка, обозначенной железнодорожным полотном. За колеей виднелся лес труб и гряда ангелов и мавзолеев кладбища, а в мареве света, отблески которого ложились на склоны холмов, распростерлась Барселона. Он услышал шаги за спиной и, повернувшись, встретился со спокойным взглядом человека с агатовыми волосами.

— Вы родились заново, — промолвил тот.

— Посмотрим, насколько удачной окажется вторая попытка по сравнению с первой, поскольку я влачил жизнь...

Человек с агатовыми волосами улыбнулся:

— Позвольте представиться. Меня зовут Армандо, я цыган.

Фермин протянул ему руку.

— Фермин Ромеро де Торрес, гаджо, ^[32] но вполне приличный человек.

— Любезный Фермин, мне показалось, что вы задумали вернуться к своему племени.

— Как волка ни корми, он все в лес смотрит, — изрек Фермин. — У меня остались незавершенные дела.

Армандо кивнул.

— Я понимаю, но еще рано, друг мой, — сказал он. — Потерпите.

Побудьте с нами еще немного.

Собственный страх и великодушие принявших его людей побуждали Фермина оттягивать возвращение, пока однажды воскресным утром к нему в руки не попала газета. Фермин одолжил ее у одного из пацанят, откопавшего листок среди отбросов на пляже Барселонеты. Не поддавалось определению, сколько времени пролежало издание в куче мусора, но газета вышла в свет через три месяца после даты его ночного побега. Фермин прошерстил все страницы в поисках упоминания, ссылки или намека на это событие, но ничего не обнаружил. В тот день, когда Фермин окончательно решил с наступлением темноты вернуться в Барселону, к нему подошел Армандо и сообщил, что один из его помощников заглядывал в пансион, где тот жил.

— Фермин, вам лучше не заходить домой за своими вещами.

— Откуда вы узнали, где я живу?

Армандо улыбнулся, уклонившись от ответа.

— Полицейские сказали хозяевам, что вы умерли. Коротенькое сообщение о вашей смерти появилось в газетах несколько недель назад. Мне не хотелось вам об этом говорить, поскольку я понимаю, что известие о собственной кончине не пойдет на пользу человеку, который только начал выздоравливать.

— И отчего я умер?

— Смерть наступила по естественным причинам. Вы сорвались в пропасть, когда пытались бежать от слуг закона.

— Следовательно, я мертв?

— Как деревяшка.

Фермин поразмыслил над последствиями нового статуса.

— И что теперь делать? Куда мне идти? Я не могу остаться здесь навсегда, злоупотребляя гостеприимством и подвергая вас опасности.

Армандо присел рядом с ним и раскурил одну из самокруток, пахнувших эвкалиптом.

— Фермин, вы можете делать что пожелаете, потому что вы не существуете. Я даже предложил бы вам остаться, так как теперь вы стали одним из нас — людей, не имеющих ни имени, ни плоти. Нас нет на свете. Мы — призраки, невидимки. Но я знаю, что вам нужно вернуться и довести до конца какие-то ваши дела. К сожалению, как только вы покинете это место, я уже не смогу вас защитить.

— Вы и так сделали для меня предостаточно.

Армандо похлопал Фермина по плечу и протянул ему сложенный

пополам листок бумаги, вынутый из кармана.

— Уезжайте из города на время. Переждите где-то год, а когда вернетесь, начните с этой улицы, — сказал он, поднимаясь.

Фермин развернул листок и прочитал:

«Фернандо Брианс, адвокат
Улица Каспе, 12, антресоль 1а, Барселона.
Телефон: 564375».

— Как я могу отплатить вам за все, что вы для меня сделали?

— Когда решите свои проблемы, загляните как-нибудь сюда и попросите меня позвать. Мы пойдем смотреть, как танцует Кармен Амайя, и вы расскажете мне, как вам удалось убежать оттуда, сверху. Меня гложет любопытство, — сказал Армандо.

Фермин заглянул в черные глаза и медленно кивнул.

— А в какой камере находились вы, Армандо?

— В тринадцатой.

— Так, значит, это вы вырезали кресты на стене?

— В отличие от вас, Фермин, я верующий, но уже ни во что не верю.

В тот вечер никто не стал останавливать Фермина, когда он собрался уходить, и никто с ним не попрощался. И он — новобранец в полку невидимок — направился в сторону улиц Барселоны, откуда пахло грозой. Издалека он видел шпили храма Святого Семейства, увязшие в пухлой перине багровых туч, которые угрожали разразиться библейской бурей. Ноги сами вывели его к автобусной станции на улице Трафальгар. В карманах подаренного Армандо пальто он нашел деньги. Фермин выбрал самый дальний маршрут, купил билет и провел ночь в автобусе, который наматывал километры по пустынным шоссе под дождем. На следующий день он сделал то же самое, и после многодневного путешествия на поездах, пешком и на ночных автобусах он прибыл туда, где улицы не имели названия, а дома — номеров и ни одна душа ничего о нем не знала.

Фермин брался за любую работу, сменил сотню профессий и ни с кем не заводил дружбы. Он зарабатывал деньги и тратил их. Он читал книги, где говорилось о том мире, в который он больше не верил. Он начинал писать письма, но ни одно не закончил. Он жил вопреки воспоминаниям и мукам совести. Много раз он поднимался на мост или подступал к краю обрыва и хладнокровно заглядывал в пропасть. И всегда в последний момент он вспоминал свою клятву и глаза Узника Неба. Через год Фермин

покинул съемную комнатенку над баром, взяв с собой лишь выпуск из серии «Город проклятых» (возможно, единственный уцелевший экземпляр одной из книг Мартина, случайно избежавший сожжения), который он раскопал на местном рыночке и зачитал до дыр. Прошагав два километра до железнодорожной станции, Фермин купил билет, давно его ожидавшийся.

— Один до Барселоны, пожалуйста.

Кассир оформил билет и протянул его Фермину, смерив пренебрежительным взглядом.

— Была бы охота, — сказал он. — Чертов каталонец.

Барселона, 1941 год

Смеркалось, когда Фермин вышел из вагона на Французском вокзале. Паровоз изверг облако пара и сажи, которое поползло вдоль перрона, застилая путь пассажирам, сошедшим с поезда после долгого путешествия. Влившись в общий поток, продвигавшийся к выходу, Фермин затерялся в толпе людей в поношенной одежде, тащивших перетянутые ремнями чемоданы, рано одряхлевших стариков, которые несли в узлах все свое имущество, и детей с пустыми глазами и карманами.

Два жандарма дежурили в конце перрона, и Фермин видел, как они бегло скользили взглядом по лицам пассажиров и выбирали наугад, кого остановить для проверки документов. Фермин продолжал идти прямо, размеренной поступью, приближаясь к первому из них. Он заметил, что жандарм пристально смотрит на него, когда между ними оставалось уже метров десять. В романе Мартина, с которым он не расставался последние месяцы, один из героев утверждал, что самый надежный способ обезоружить представителя власти — это обратиться к нему раньше, чем он проявит к тебе интерес. Поэтому, не дожидаясь знака агента, Фермин смело шагнул к нему и заговорил спокойным тоном:

— Добрый вечер, шеф. Будьте любезны, объясните, как найти отель «Порвенир»? Насколько я понял, он где-то на Дворцовой площади, но я плохо знаю город.

Жандарм безмолвно изучал нахала, слегка сбитый с толку. Его напарник приблизился, прикрыв коллегу с правого фланга.

— Об этом надо спрашивать у выхода, — недружелюбно отрезал он.

Фермин вежливо поклонился:

— Прошу прощения за беспокойство. Я так и сделаю.

Он вознамерился идти дальше по направлению к вестибюлю вокзала, но первый агент придержал его за локоть.

— Дворцовая площадь находится с левой стороны от выхода вокзала. Напротив здания Капитании.

— Огромное спасибо. Доброй вам ночи.

Жандарм отпустил рукав Фермина, и он неторопливо пошел прочь, старательно сдерживая шаг, пока не очутился сначала в вестибюле, а затем и на улице.

Багровое небо накрывало сумеречную Барселону, сотканную из темных остроконечных силуэтов. Скользил полупустой трамвай, отбрасывая мертвенный свет на булыжную мостовую. Фермин подождал, пока он проедет, чтобы перейти на противоположную сторону улицы. Переступая через поблескивающие рельсы, он посмотрел вслед удалявшемуся по проспекту Колумба трамваю и увидел вдали торчащую над городом гору Монтжуик с крепостью. Фермин ссутулился, опустив голову, и побрел по улице Комерсио к рынку Борн. Город казался безлюдным, холодный ветер продувал сквозняком переулки. Идти было некуда.

Фермин вспомнил, как Мартин рассказывал ему, что много лет назад он жил в этом квартале — в старом особняке, вкрапленном в сумрачное ущелье улицы Флассадерс рядом с шоколадной фабрикой Маури. Фермин попытался его найти, но, добравшись до нужного места, с разочарованием убедился, что дом вместе с прилегающим имением разрушен до основания бомбардировками во время войны. Власти не позаботились разобрать руины, и местные жители, чтобы получить возможность передвигаться по улице более узкой, чем коридоры в иных домах в аристократическом квартале, всего лишь сдвинули в сторону груды обломков, освободив проход.

Фермин огляделся; из оконных проемов соседних домов едва пробивался слабый, чуть теплившийся свет ламп и свечей. Фермин углубился в развалины, обходя кучи кирпичного крошева, разбитые горгульи и балки, закрученные немыслимыми узлами. Он нашел убежище для себя в тесной нише под навесом из камня, на котором чудом уцелела цифра семнадцать — номер бывшего жилища Давида Мартина. Сложив в несколько раз пальто и постелив старые газеты, которые он носил под одеждой, Фермин свернулся калачиком, смежил веки и попробовал заснуть.

Через полчаса он продрог до костей. Ветер, пронизанный сыростью, гулял по развалинам, забираясь во все щели и трещины. Фермин открыл глаза и встал. Он собирался поискать укрытие более защищенное, как вдруг заметил силуэт человека, наблюдавшего за ним с улицы. Фермин замер. Тот сделал несколько шагов, приближаясь к его убежищу.

— Кто здесь? — спросил он.

Человек подошел чуть ближе. Рассеянный свет, доносившийся от далекого уличного фонаря, очертил его фигуру. Был он высок, крепок и одет во все черное. Священник. Фермин вскинул руки, давая понять, что не замышляет ничего дурного.

— Я уже ухожу, святой отец. Умоляю, не зовите полицию.

Священник оглядел его с головы до ног суровым взглядом. Выглядел он так, словно полжизни носил мешки в порту, а не потиры в церкви.

— Вы голодны? — спросил он.

Фермин, который съел бы в тот момент даже битый кирпич, если бы его сбрызнули парой капель оливкового масла, покачал головой.

— Я только что отужинал в «Семи дверях» и почти посинел от черного риса, — заявил он.

На лице священника появилось подобие улыбки. Он повернулся и зашагал по улице.

— Идемте, — решительно позвал он.

Отец Валера жил в мансарде дома, расположенного в конце бульвара Борн. Окна мансарды выходили прямо на крыши рынка. Фермин жадно расправился с тремя тарелками похлебки, несметным количеством сухарей и осушил два бокала разбавленного водой вина. Священник потчевал гостя, наблюдая за ним с неподдельным интересом.

— А вы не будете ужинать, святой отец?

— Обыкновенно я не ужинаю. А вы не стесняйтесь — вижу, вы досыта не ели года с тридцать шестого.

Хлебая суп с кусочками сухого хлеба, Фермин исподтишка рассматривал столовую. В буфете, занимавшем место у стены, была выставлена коллекция тарелок, бокалов, фигурки святых и предмет, похожий на небольшой серебряный колпак.

— Я тоже читал «Отверженных» — так что не вздумайте, — предупредил священник. ^[33]

Фермин смущенно затряс головой.

— Как вас зовут?

— Фермин Ромеро де Торрес, к услугам вашей милости.

— Вас разыскивают, Фермин?

— Как посмотреть. Вопрос сложный.

— Это не мое дело, если вы не хотите говорить. Но в такой одежде вам нельзя появляться на улице. Вы окажетесь за решеткой раньше, чем дойдете до виа Лайетана. Сейчас задерживают много людей из тех, кто давно скрывался. Следует держать ухо востро.

— Как только я выясню местонахождение некоторых денежных средств, которые ныне заморожены, я рассчитываю перехватить плавучий док и отбыть восвояси, одевшись с иголки.

— Ну-ка посмотрим. Встаньте на минутку.

Фермин отложил ложку и поднялся на ноги. Священник придирчиво оглядел его.

— Рамон был в два раза плотнее вас, но думаю, что кое-какая его одежда юношеских лет вам подойдет.

— Рамон?

— Мой брат. В мае тридцать восьмого его убили на улице, внизу, у дверей дома. Приходили за мной, а он подвернулся под руку. Он был музыкантом. Играл в городском оркестре. Первая труба.

— Примите мои соболезнования, святой отец.

Священник пожал плечами.

— Так или иначе, но почти все потеряли близких, чью бы сторону они ни поддерживали.

— А я никого не поддерживаю, — отозвался Фермин. — Более того, флаги представляются мне разноцветными тряпками, от которых несет тухлятиной. От одного вида того, кто, вырядившись в эти тряпки, фонтанирует лозунгами, гимнами и речами, меня прошибает понос. Я всегда с подозрением относился к чересчур впечатлительным особам, которые по доброй воле сбиваются в стадо, весьма напоминающее отару баранов.

— Должно быть, вам пришлось нелегко в нашей стране.

— Вы не представляете, до какой степени. Но я всегда себя утешал, что возможность в любой момент отведать хамон серрано компенсирует все неприятности. А под каждой крышей свои мыши.

— Это верно. Скажите-ка, Фермин, как давно вы не пробовали хорошего окорока?

— С шестого марта 1934 года. Было это в ресторане «Лос Караколес» на улице Эскудельерс. Другая жизнь.

Священник засмеялся.

— Вы можете остаться переночевать, Фермин. Но завтра вам придется поискать другое пристанище. Развелось слишком много болтунов. Я могу дать вам немного денег на пансион, но имейте в виду, что везде спрашивают удостоверение личности и регистрируют жильцов в списках комиссариата.

— Вы могли бы и не говорить этого, святой отец. Завтра еще до восхода солнца я испарюсь, а также я не возьму у вас ни сентима, ибо и так уже достаточно злоупотребил...

Священник поднял руку, останавливая его.

— Пойдемте посмотрим, подойдут ли вам какие-нибудь вещи Рамона, — предложил он, вставая из-за стола.

Отец Валера проявил настойчивость, заставив Фермина принять пару ботинок средней поношенности, скромный, но чистый шерстяной костюм, две смены нижнего белья и кое-какие предметы личной гигиены. На одной из полок стояли сверкающая труба и фотографии двух очень похожих молодых людей, веселившихся на большом празднике вроде ежегодного фестиваля Грасии. Фермин долго разглядывал снимки, далеко не сразу узнав в одном из юношей отца Валеру. Теперь он выглядел лет на тридцать

старше.

— Горячей воды нет. Цистерну наполняют только утром, так что вам придется или подождать, или обойтись кувшином.

Пока Фермин в спартанских условиях приводил себя в порядок, отец Валера сварил кофейный напиток из цикория, смешав его с какими-то слегка подозрительными ингредиентами. Сахар отсутствовал, но бурда в чашке была горячей, а общество — умиротворяющим и приятным.

— Почему бы не представить, что мы находимся в Колумбии и дегустируем отборнейший сорт кофе? — предложил Фермин.

— Вы необыкновенный человек, Фермин. Можно задать вам личный вопрос?

— Тайна исповеди на него распространяется?

— Пожалуй, да.

— Стреляйте.

— Вам доводилось убить человека? Я имею в виду на войне.

— Нет, — ответил Фермин.

— А мне — да.

Фермин замер с чашкой у рта. Священник потупился.

— Я никому раньше не рассказывал.

— Тайна исповеди не будет нарушена, — пообещал Фермин.

Священник потер глаза и вздохнул. Фермин задался вопросом, как долго этот человек живет в одиночестве, в компании со своими мыслями о совершенном грехе и памятью о погибшем брате.

— Уверен, что у вас были серьезные причины, святой отец.

Священник слегка качнул головой.

— Бог покинул страну, — сказал он.

— Не переживайте, как только он увидит, как обстоят дела на чужом подворье к северу от Пиренеев, он тотчас вернется, поджав хвост.

Священник молчал, казалось, целую вечность. Они допили суррогат кофе, и Фермин налил по второй чашке, желая поднять настроение служителю Господа, который с каждой истекшей минутой как будто все глубже погружался в пучину уныния.

— Вы предпочитаете истину?

Фермин кивнул.

— Хотите, я выслушаю вашу исповедь? — неожиданно предложил священник. — На сей раз я говорю серьезно.

— Не обижайтесь, святой отец, но я не очень-то верю во все эти штучки...

— Но вдруг Бог верит в вас?

— Сомневаюсь.

— Не обязательно верить в Бога, чтобы исповедаться. Это тонкая материя ваших отношений с совестью. Что вы теряете?

Два часа Фермин рассказывал отцу Валере обо всем, что накопилось в душе и что он молча носил в себе с тех пор, как убежал из тюрьмы, — уже больше года назад. Святой отец слушал его внимательно, время от времени кивая головой. Наконец Фермин почувствовал, что иссяк. С его плеч свалилась огромная тяжесть, на протяжении многих месяцев не дававшая ему вздохнуть, чего он никак не ожидал. Отец Валера вынул из ящика фляжку с ликером и, не задавая вопросов, налил то, что осталось от его стратегических запасов.

— Вы не дадите мне отпущение грехов, святой отец? Только глоток коньяку?

— Вы не почувствуете разницу. Кроме того, Фермин, я уже не имею права никого прощать или осуждать. Полагаю, вы испытывали потребность облегчить душу. Что вы намерены делать теперь?

Фермин пожал плечами.

— Если я вернулся, рискуя при этом головой, то лишь из-за клятвы, которую дал Мартину. Я должен найти адвоката, а потом сеньору Исабеллу и ее сына Даниеля и защищать их.

— Как?

— Я не знаю. Что-нибудь придумаю. Подсказки принимаются.

— Но вы совсем не знаете этих людей. Лишь то, что вам рассказал о них человек, с которым вы познакомились в тюрьме...

— Я понимаю. Когда начинаешь говорить, все это кажется безумием, не так ли?

Священник проницательно посмотрел на гостя, словно мог разглядеть правду за завесой слов.

— Может статься, что вы видели столько человеческого горя и лишений, что вам хочется совершить что-то хорошее, пусть и безумное?

— А почему бы и нет?

Валера улыбнулся:

— Я знал, что Бог не утратил веры в вас.

На другой день Фермин вышел на цыпочках, чтобы не разбудить отца Валеру. Священник крепко заснул на диване с томиком лирики Мачадо^[34] в руках, издавая богатырский храп, мощью не уступавший реву быка на корриде. Прежде чем уйти, Фермин поцеловал его в лоб и оставил на столе серебро, которое священник, завернув в салфетку, тайком сунул ему в чемодан. Затем он поспешил вниз, перескакивая через ступеньки, в чистой одежде и с чистой совестью, исполненный решимости прожить по меньшей мере еще несколько дней.

День выдался солнечным, и свежий ветер с моря надувал тугим парусом сверкающее, крахмальное полотнище неба, стелившее удлинённые тени под ноги пешеходам. Целое утро Фермин бродил по знакомым улицам, останавливался у витрин или присаживался на лавочки поглазеть на хорошеньких девушек, проходивших мимо, и красотками ему казались все до одной. В середине дня он зашел в кабачок, находившийся в самом начале улицы Эскудельерс по соседству с рестораном «Лос караколес», с которым было связано так много приятных воспоминаний. Сам-то кабачок не пользовался славой среди настоящих гурманов, но тут без претензий предлагались самые дешевые закуски в Барселоне. Самое главное, утверждали эксперты, не спрашивать, из чего они приготовлены.

В приличном костюме и надежных доспехах из подложенных под одежду свернутых экземпляров «Вангардии», которые придавали внушительность фигуре, видимость мускулатуры и могли пригодиться в нештатной ситуации, Фермин чувствовал себя уверенно. Он уселся у барной стойки и, ознакомившись с перечнем деликатесов, доступных для самых тощих кошельков и непривередливых желудков, приступил к переговорам с барменом.

— У меня вопрос, молодой человек. В «предложении дня» у вас бутерброд из мортаделлы и холодной телятины на деревенском хлебе. А помидоры к хлебу вы подаете свежие?

— Только что сорваны на наших огородах в Прате, что за фабрикой серной кислоты.

— Благородный bouquet. Скажите, уважаемый, в этом заведении отпускают в долг?

Бармен утратил приветливую улыбку и с угрожающим видом перегнулся через барную стойку, забросив полотенце на плечо.

— Никогда.

— А вы не делаете исключения для орденоносцев или инвалидов войны?

— Иди проветрись, или мы сообщим в Социальную бригаду.

Осознав, что разговор принял нежелательный оборот, Фермин протрубил отступление и отправился на поиски тихого местечка, где можно было бы без помех разработать новую стратегию. Не успел он устроиться на ступеньках лестницы под сенью какого-то портала, как проходившая мимо девчонка не старше семнадцати лет, но уже обладавшая волнующими формами, споткнулась и растянулась на земле.

Фермин вскочил, чтобы помочь девушке, но как только он схватил ее за руку, сзади послышались шаги, и прозвучала тирада, по сравнению с которой давешнее грубое предложение официанта, пославшего его подышать свежим воздухом, показалось божественной музыкальной фразой.

— Эй, грязная шлюха, со мной такие штучки не пройдут. Живо разукрашу физиономию и выкину в сточную канаву, где тебе самое место.

Оратор, типичный альфонс, страдал разлитием желчи, судя по цвету его лица, и сомнительной склонностью украшать свою персону вульгарной бижутерией. Оставив без внимания факт, что упомянутый персонаж вдвое превосходил его габаритами и держал в руке предмет, сильно напоминавший режущее или колющее оружие, Фермин, которого уже утомили хамы и дебоширы, встал между девушкой и ее обидчиком.

— А ты куда лезешь, убогий? Чеши отсюда, пока я не набил тебе морду.

Фермин почувствовал, что девушка, от которой исходил необычный запах смеси корицы и фританги, испуганно вцепилась в него. С первого взгляда на скандалиста стало ясно, что шансы разрешить ситуацию с помощью диалектики равны нулю, и Фермин решил не вступать в напрасные пререкания, а переходить к действию. Оценив *in extremis*^[35] своего противника, Фермин пришел к выводу, что большую часть его массы составлял жир, в то время как избытком мускулов или серого вещества он похвастаться не мог.

— Не стоит со мной разговаривать в подобном тоне, а с сеньоритой тем более.

Альфонс остолбенело уставился на него, словно не уловил смысла сказанного. Мгновение спустя здоровяк, ожидавший от заморыша чего угодно, кроме драки, получил в качестве сюрприза тяжелый удар чемомоданом по самым чувствительным частям тела и рухнул на землю,

схватившись за причинное место. За первым ударом последовало еще четыре или пять ощутимых тычков по стратегическим точкам углом кожаного кофра, которые вывели дебошира из строя: по крайней мере временно он обездвижен и деморализован.

Прохожие, оказавшиеся свидетелями поединка, заплодировали. Фермин обернулся к девушке, желая удостовериться, что с ней все в порядке, и встретился с восторженным взглядом, исполненным благодарности и бесконечной нежности.

— Фермин Ромеро де Торрес к вашим услугам, сеньорита.

Девушка привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А я Росиито.

Распростертый у ног паскудник попытался сесть и отдышаться. Фермин предпочел покинуть ристалище, удалившись на безопасное расстояние прежде, чем соотношение сил изменится не в его пользу.

— Не мешало бы слинять побыстрее, — заявил Фермин. — Утратив инициативу, мы проиграем битву...

Росиито взяла его за руку и вывела узкими извилистыми переулочками на Королевскую площадь. Вновь очутившись на солнце и на просторе, Фермин остановился на миг, чтобы перевести дух. Росиито заметила, что он побледнел и в целом выглядел неважно. Девушка догадалась, что из-за эмоционального всплеска во время стычки или от голода храбрый рыцарь испытывает упадок сил, и проводила его на веранду гостиницы «Дос Мундос», где Фермин в изнеможении повалился на стул. Несмотря на свои семнадцать лет, Росиито принялась за реанимацию героя вполне грамотно с медицинской точки зрения (не зря же она втайне была влюблена в доктора Труэту^[36]), заказав разнообразную закуску Фермин, увидев прибывающее на стол изобилие, забеспокоился:

— Росиито, у меня ведь нет ни сентима...

— Я заплачу, — не без высокомерия перебила она. — Я забочусь о своем мужчине как положено и хорошо его кормлю.

Росиито накормила его до отвала, заставив съесть копченые колбаски, хлеб и пататас бравас,^[37] сдобрив все это огромной кружкой пива. Девушка удовлетворенно наблюдала, как Фермин приходит в себя, вновь наполняясь жизненной энергией.

— На десерт, если хотите, могу предложить фирменное блюдо, которое вас ошеломит, — предложила девушка, облизнув губы.

— Однако, девочка, разве ты не должна находиться сейчас в школе под присмотром монахинь?

Росиито довольно рассмеялась:

— Ай, хитрец. Сеньорито умеет складно говорить.

К концу пиршества Фермин понял, что, будь воля девушки, перед ним открылась бы многообещающая карьера сводника. Но существовали и другие, более насущные проблемы, требовавшие его внимания.

— Сколько тебе лет, Росиито?

— Восемнадцать с половиной, сеньорито Фермин.

— Ты выглядишь старше.

— Это из-за буферов. Они у меня в тринадцать выросли, любо-дорого посмотреть, хотя и не стоило бы мне так говорить.

Фермин, не видевший столь головокружительных округлостей со времен бурной жизни в Гаване, попытался вновь обрести хладнокровие и здравый смысл.

— Росиито, — начал он, — я не могу обременять тебя...

— Да знаю я, сеньорито, не думайте, что я такая дура. Я понимаю, что вы не из тех мужчин, кто живет за счет женщины. Хотя я и молодая, но научилась разбираться в людях...

— Ты должна сказать, куда можно прислать деньги за этот банкет, поскольку сегодня ты поймала меня в момент экономического кризиса...

Росиито покачала головой.

— Я снимаю комнату в этой гостинице пополам с Лали, но ее сегодня весь день не будет, потому что пришли торговые суда... Может, сеньорито поднимется, и я сделаю массаж?

— Росиито...

— Подарок фирмы...

Фермин посмотрел на нее с тоскливым выражением.

— У вас печальные глаза, сеньорито Фермин. Позвольте Росиито скрасить вам жизнь, хотя бы капельку. Что в этом плохого?

Фермин смущенно потупился.

— Как давно сеньорито не был с женщиной, как Господь велит?

— Уже и не помню.

Росиито протянула ему руку и повела за собой. По лестнице они поднялись в крошечную комнатку, где едва умещались кровать и раковина. Правда, в каморке был балкончик, выходивший на площадь. Девушка задернула занавеску и мгновенно стянула с себя цветастое платье, под которым оказалась только нежная кожа. Фермин с умилением созерцал это чудо природы и позволил приголубить себя девушке с душой, почти такой же старой, как его собственная.

— Если сеньорито не хочет, нам не обязательно что-то делать, а?

Росиито уложила его на кровать и, устроившись рядом, обняла и погладила по голове.

— Ш-ш-ш, — прошептала она.

Фермин, уткнувшись лицом в чудесную грудь восемнадцатилетней девушки, разрыдался.

Наступил вечер, и Росиито стала собираться, чтобы идти отрабатывать свою смену. Фермин достал клочок бумаги с адресом Брианса, который ему больше года назад дал Армандо, решив сходить повидать адвоката. Росиито уговорила его взять у нее взаймы немного мелочи хотя бы на трамвай и кофе. Она заставила также Фермина десять раз поклясться, что он непременно навестит ее, хотя бы для того, чтобы сводить в кино или на мессу, так как она с благоговением относилась к Деве Марии дель Кармен и ей очень нравились богослужения, особенно когда пел хор. Росиито проводила его вниз и на прощание поцеловала в губы и ущипнула за ягодицу.

— Лапочка, — промолвила она, наблюдая, как он исчезает под арками площади.

Фермин пересекал площадь Каталонии, когда в небе стали собираться вереницы грозowych облаков. Стая голубей, обычно кружившая над площадью, нашла убежище на ветвях деревьев, птицы замерли в тревожном ожидании. Прохожие чувствовали запах электричества в воздухе и спешили к станциям метро. Поднялся резкий ветер, погнавший по мостовым волну сухих листьев. Фермин тоже прибавил шаг, но раньше, чем он успел добраться до улицы Каспе, полило как из ведра.

Адвокат Брианс был молод и внешне слегка напоминал богемного студента. В кабинете держался стойкий запах соленых галет и кофе, по-видимому, составлявших основу его рациона. Точнее, пахло галетами, кофе и пыльной бумагой. Контора адвоката находилась в том же доме, что и знаменитый театр «Тиволи». Правда, занимала она каморку на антресоли, выгороженной в мансарде, в конце темного коридора без окон. Фермин застал адвоката на рабочем месте, хотя было уже половина девятого вечера. Брианс встретил его в одной рубашке, без пиджака. Открыв дверь и увидев посетителя, он кивнул ему и вздохнул:

— Фермин, полагаю. Мартин рассказывал мне о вас. Я уже начал недоумевать, куда вы запропалились.

— Я уезжал на некоторое время.

— Разумеется. Проходите, пожалуйста.

Фермин вошел вслед за ним в каморку.

— Жуткая ночь, да? — нервно спросил адвокат.

— Всего лишь дождь.

Оглядевшись, Фермин обнаружил в комнате всего один стул. Брианс уступил его гостю, а сам угнездился на стопке книг по торговому праву.

— Мне пока не привезли мебель.

По мнению Фермина, в каморке не хватило бы места и для лишней точилки для карандашей, но он предпочел промолчать. На столе стояло блюдо со свиными ребрышками и пиво. Бумажная салфетка выдавала, что роскошный ужин адвоката прибыл из ближайшего кафе.

— Я собирался ужинать. С удовольствием разделю с вами трапезу.

— Вы ешьте, ешьте. Вам, молодым, еще есть куда расти. А я уже отужинал.

— Могу я вас чем-нибудь угостить? Кофе?

— Если только у вас есть «Сугус»...

Брианс порылся в ящике, где, похоже, лежало все на свете, кроме жевательной карамели.

— Лепешки «Хуанола» подойдут?

— Я не кашляю, спасибо.

— С вашего позволения.

Брианс бросил пастилку в рот и с наслаждением начал жевать. «И кто из нас больше похож на умирающего с голоду?» — с недоумением подумал

Фермин. Приоткрытая дверь около письменного стола вела в соседнюю комнатку, где виднелась сложенная раскладушка, вешалка с мятыми рубашками и кипа книг.

— Вы здесь живете? — спросил Фермин.

Было очевидно, что адвокат, которого Исабелла сумела нанять для Мартина, звезд с неба не хватал. Брианс проследил за направлением взгляда Фермина и скупой улыбнулся.

— Да, временно это моя контора и жилье, — ответил Брианс, наклонившись, чтобы закрыть дверь в свою спальню. — Должно быть, вы думаете, что я никудышный адвокат. Имейте в виду, что не вы один, мой отец считает точно так же.

— Не обращайтесь внимания. Мой папаша всегда говорил нам — мне и сестрам, что мы все никчемные и закончим в каменоломнях. И вот он я, цвету и пахну. А преуспеть в жизни, когда семья в вас верит и поддерживает, дело нехитрое.

Брианс неохотно кивнул.

— Видите ли... Если начистоту, я только недавно открыл собственную контору. Раньше я работал в известной адвокатской фирме, которая расположена неподалеку, за углом, на бульваре Грасиа. Но у нас возникли разногласия. С тех пор все пошло наперекосяк.

— Можете не продолжать. Вальс?

Брианс утвердительно кивнул и сделал три глотка пива.

— После того как я взялся за дело Мартина, он не мог успокоиться, пока я не лишился почти всех клиентов и пока меня не уволили. Те немногие, кто у меня остался, не имеют ни гроша за душой, чтобы оплачивать мои услуги.

— А сеньора Исабелла?

Лицо адвоката омрачилось. Он поставил пиво на стол и с сомнением посмотрел на Фермина:

— А вы не знаете?

— Что именно?

— Исабелла Семпере умерла.

Гроза бушевала над городом. Фермин держал в руках чашку кофе, в то время как Брианс, стоя у открытого окна и глядя, как дождь хлещет по крышам Эль Энсанче, рассказывал о последних днях жизни Исабеллы.

— Она заболела внезапно, без причины. Если бы вы ее знали... Исабелла была молодой, полной жизни. Она обладала железным здоровьем и пережила все лишения войны. Все случилось, как говорится, в мгновение ока. В ту ночь, когда вам удалось бежать из крепости, Исабелла вернулась домой поздно. Муж нашел ее на коленях в ванной комнате, она была в поту и дрожала. Исабелла пожаловалась, что ей нездоровится. Вызвали врача, но до того, как он пришел, у нее начались судороги и кровавая рвота. Врач сказал, что она отравилась, и прописал строгую диету на несколько дней, но наутро ей стало хуже. Сеньор Семпере завернул жену в одеяла, и знакомый таксист отвез супругов в больницу Дель Мар. На коже у Исабеллы выступили темные пятна, походившие на язвы, и волосы выпадали прядями. В больнице супруги прождали несколько часов, и в результате доктора отказались принять ее. В приемном покое находился еще один пациент, которого тоже еще не осмотрели, и он заявил, что знает Семпере, и обозвал его коммунистом или выдвинул какое-то еще вздорное обвинение в том же духе. Полагаю, для того, чтобы пролезть без очереди. Медсестра дала им какую-то микстуру, пообещав, что лекарство непременно поможет, очистив желудок. Но Исабелла не могла ничего проглотить. Семпере не знал, что делать. Он привез жену домой и начал приглашать врачей одного за другим. И ни один не смог поставить диагноз. У фельдшера, постоянного покупателя книжного магазина, нашлись знакомые среди персонала Клинической больницы. И Семпере отправился с больной туда.

В Клинической больнице ему сказали, что Исабелла, возможно, заразилась холерой, и велели везти домой, поскольку разразилась эпидемия и палаты переполнены. Несколько человек в квартале уже умерли. Исабелле с каждым днем делалось хуже, она бредила. Муж из кожи вон лез, чтобы помочь ей, и перевернул небо и землю, но через несколько дней она так ослабела, что ее нельзя было даже везти в больницу. Промучившись неделю, она скончалась в доме на улице Санта-Ана, в квартирке над букинистической лавкой...

Между собеседниками повисло тяжелое и плотное, словно занавес, молчание. Тишину комнаты нарушала лишь дробь дождя и эхо громовых раскатов, удалявшихся по мере того, как стихал ветер.

— Только через месяц мне рассказали, что Исабеллу видели однажды вечером в кафе «Опера» напротив «Лисео». Она сидела за столиком с Маурисио Вальсом. Исабелла не прислушалась к моим советам и пригрозила Вальсу разоблачить его. Вальс требовал, чтобы Мартин переписывал бог весть какую дрянь, надеясь таким образом прославиться и собрать урожай наград. Я пошел в кафе навести справки. Официант вспомнил, что Вальс приехал на машине раньше дамы и, по его словам, заказал мед и две чашки мансанильи.

Фермин обдумал сообщение молодого адвоката.

— Вы полагаете, что Вальс ее отравил?

— Я не могу ничего доказать, но чем больше я анализирую случившееся, тем очевиднее для меня становится сей факт. Наверняка это сделал Вальс.

Фермин уткнулся глазами в пол.

— Сеньор Мартин знает?

Брианс покачал головой:

— Нет. После вашего бегства Вальс приказал заключить Мартина в одиночную камеру в одной из башен.

— А доктор Санауха? Их разве не вместе посадили?

Брианс удрученно вздохнул:

— Санауху судили военным трибуналом за предательство. Его расстреляли спустя две недели.

Снова наступила долгая пауза. Потом Фермин вскочил и в волнении забегал кругами по комнатухе.

— А я? Меня-то почему не искали? В конце концов, это все из-за меня...

— Вы не существуете. Дабы избежать унижения перед лицом начальства и краха многообещающей карьеры при нынешнем правительстве, Вальс заставил поклясться патрульных, которых он отправил за вами вдогонку, что якобы они подстрелили вас на склоне горы Монтжуик при попытке скрыться и бросили тело в общую могилу.

Фермин ощутил вкус ярости на губах.

— Тогда, слушайте, я готов немедленно явиться в военную комендатуру и сказать: «Вот он я, со всеми потрохами». Интересно, как Вальс объяснит мое возрождение?

— Не говорите глупости. Таким способом вы ничего не исправите. Вы

добьетесь только того, что вам влепят пулю в затылок по дороге в Лас-Агуас. Эта гнида того не стоит.

Фермин кивнул, соглашаясь, но душу его терзал стыд и чувство вины.

— А Мартин? Что с ним будет?

Брианс пожал плечами.

— То, что мне известно, является конфиденциальной информацией. Она не должна выйти за пределы этой комнаты. В крепости служит надзирателем некий Ханурик, который должен мне по гроб жизни. Его брата собирались казнить, но мне удалось добиться смягчения приговора, казнь заменили десятью годами заключения в одной из тюрем Валенсии. Ханурик — неплохой человек, и он рассказывает мне обо всем, что видит и слышит в крепости. Вальс не разрешает мне свиданий с Мартином. Но благодаря Ханурику я в курсе, что он жив и что Вальс держит его в башне под круглосуточной охраной. Также Вальс выдал ему бумагу и ручку. Мартин пишет.

— Что?

— Хотелось бы знать. По словам Ханурика, Вальс уверен, будто Мартин пишет заказанную книгу по его материалам. Но как нам обоим известно, Мартин слегка не в себе, и, похоже, он пишет нечто совершенно другое. Иногда он вслух повторяет законченные отрывки или встает и начинает расхаживать по камере, декламируя обрывки диалогов и целые фразы. Ханурик несет дежурство около его камеры по ночам и по возможности передает ему сигареты и куски сахара — единственное, что тот ест. Мартин ни разу не упоминал о вещи с названием «Игра ангела»?

Фермин потряс головой.

— Это заглавие книги, которую он пишет?

— Так утверждает Ханурик. Насколько ему удалось понять из того, что говорил Мартин, а также на основании фрагментов, прочитанных автором вслух, речь идет о своего рода автобиографии или исповеди... Если хотите знать мое мнение, Мартин догадывается, что теряет рассудок. И пока не потерял его окончательно, он спешит перенести на бумагу все, что помнит. Он словно пишет послание самому себе, чтобы не забыть, кто он такой...

— А что произойдет, когда Вальс обнаружит, что Мартин наплевал на его указания?

Адвокат Брианс мрачно поглядел на гостя.

Дождь прекратился ближе к полуночи. Барселона из окна мансарды адвоката Брианса выглядела неприветливо. Небо было затянуто пеленой низких туч, наползавших на крыши домов.

— Вам есть куда идти, Фермин? — спросил Брианс.

— Мне сделали соблазнительное предложение стать сожителем и телохранителем юной особы, малость легкомысленной, но с добрым сердцем и с потрясающей оснасткой. Однако я не представляю себя в роли мужчины, который живет за счет женщины, даже будь это сама Венера из Хереса.

— Мне совсем не по душе мысль, что вам придется ночевать на улице, Фермин. Это опасно. Вы можете оставаться у меня столько времени, сколько пожелаете.

Фермин огляделся по сторонам.

— Я понимаю, что этой комнате далеко до отеля «Колумб», но у меня есть складная кровать в кладовке, я не храплю и, если честно, буду рад компании.

— Разве у вас нет невесты?

— Моей невестой была дочь компаньона — учредителя адвокатской конторы, откуда меня уволили стараниями Вальса и его коллег.

— Вы дорого платите за участие в судьбе Мартина. Обетом целомудрия и бедности.

Брианс усмехнулся:

— Дайте мне сложное дело, и я буду счастлив.

— Послушайте, пожалуй, я поймаю вас на слове. Но только если вы примете мою помощь и содействие. Я могу убирать, наводить порядок, печатать на машинке, готовить. Также я в состоянии предложить вам услуги детектива и охранника. А если в минуту слабости вы окажетесь в эмоциональном тупике и потребуется сбросить напряжение, я уверен, что с помощью своей подружки Росито я в силах обеспечить вам также услуги профессионалки, после свидания с которой вы почувствуете себя обновленным. Ибо в молодые годы нужно следить, чтобы чрезмерное скопление семенной жидкости не ударило в голову: это чревато весьма неприятными последствиями.

Брианс протянул ему руку:

— Договорились. Вы приняты в качестве стажера и помощника

конторы «Брианс и Брианс», выступающей в защиту несостоятельной части населения.

— Не будь я Фермином, если до конца недели не раздобуду вам первоклассного клиента — из тех, кто платит наличными и авансом.

Вот так и вышло, что Фермин Ромеро де Торрес получил временное пристанище в крошечной конторе адвоката Брианса. Засучив рукава, он принялся наводить чистоту и порядок, раскладывать досье, папки и незакрытые дела в хронологической последовательности. За пару дней благодаря ухищрениям Фермина площадь комнаты как будто увеличилась в три раза, и кабинет засверкал как начищенный потир. Большую часть времени Фермин проводил в конторе. Однако каждый день он выделял несколько часов на таинственные походы, из которых возвращался с трофеями — букетиками цветов, похищенными из фойе театра «Тиволи»; горсточкой кофе, который ему удалось раздобыть у официанта кафе на первом этаже; а главное, с отборными продуктами из «Кольмадо Килес», которые он записывал на счет конторы, откуда уволили Брианса, представляясь ее новым посыльным.

— Фермин, этот окорок внушает мне трепет, как он вам достался?

— А вы попробуйте еще кусочек ламанчского сыра, и жизнь покажется вам веселее.

По утрам Фермин просматривал все дела Брианса и переписывал начисто его заметки. Днем он садился на телефон и, руководствуясь небольшим списочком, принимался за поиск потенциально платежеспособных клиентов. Почувяв перспективу, он спешил закрепить успех и после звонка наносил визит домой. В целом из пятидесяти звонков торговцам, профессионалам и частным лицам квартала десять завершились личным посещением, в результате Брианс заполучил трех клиентов.

Первым была вдова, судившаяся со страховой компанией, не желавшей выплачивать компенсацию за смерть мужа. Компания аргументировала отказ тем, что сердечный приступ, настигший ее супруга после того, как он объелся королевскими креветками в «Семи дверях», являлся самоубийством, то есть случаем, не предусмотренным страховкой. Вторым был таксидермист, которому бывший тореро притащил быка Миура^[38] весом в полтонны. Этот бык положил конец его выступлениям на арене. Однако после превращения быка в чучело матадор отказался забирать изделие и платить за него, поскольку, по его словам, стеклянные глаза, вставленные таксидермистом, придавали чучелу вид настолько устрашающий и демонический, что тореро опрометью выбежал из

мастерской с криками: «Чур меня! Чур меня!» Третьим клиентом стал портной с Ронда Сан-Педро, которому какой-то дантист удалил пять коренных зубов без малейших признаков кариеса. Эти тяжбы не сулили больших барышей, но все трое оплатили издержки и заключили контракт.

— Фермин, я назначу вам постоянную зарплату.

— Даже не заикайтесь.

Фермин отказывался принимать вознаграждение за услуги за исключением небольших нерегулярных ссуд на то, чтобы сводить Росиито вечером в кино, на танцы в клуб «Ла Палома» или же в парк Тибидабо. В зале кривых зеркал девчонка оставила ему засос на шее, который вгонял его в краску еще целую неделю. В том же парке развлечений, воспользовавшись уединением в самолете из пробки, летавшем кругами в игрушечном небе Барселоны, Фермин вновь обрел практическое подтверждение своей мужской состоятельности и вспомнил вкус наслаждения после того, как бесконечно долго был отлучен от шалостей мимолетной любви.

Однажды, отведав прелестей Росиито на верхотуре чертова колеса, Фермин подумал, что вопреки ожиданиям жизнь его в последнее время складывается почти счастливо. И ему сделалось страшно, потому что он знал, что безмятежности скоро наступит конец и крупницы покоя и радости растворятся бесследно раньше, чем увянет юное тело Росиито и огонь молодости потухнет в ее глазах.

Тем же вечером Фермин сидел в кабинете, дожидаясь возвращения Брианса после изнурительного марафона по судам, канцеляриям, прокуратурам, тюрьмам, а также тысячи унижений, которые ему приходилось молча сносить, чтобы получить необходимую информацию. Было почти одиннадцать вечера, когда в коридоре послышались приближавшиеся шаги адвоката. Фермин открыл дверь, и Брианс вошел, тяжело переставляя ноги и с тяжестью на душе, измученный как никогда. Он обессиленно рухнул в углу и обхватил голову руками.

— Что случилось, Брианс?

— Я только что из крепости.

— Хорошие новости?

— Вальс отказался меня принять. Меня заставили ждать четыре часа, а потом велели убираться. У меня отобрали разрешение на посещения и пропуск на тюремную территорию.

— Вам дали увидеться с Мартином?

Брианс покачал головой:

— Его там больше нет.

Фермин смотрел на адвоката непонимающе. Брианс помолчал несколько мгновений, подыскивая слова.

— Когда я уходил, вслед за мной выскользнул Ханурик и поделился тем, что знал. Гром грянул две недели назад. Мартин писал, как одержимый, день и ночь, почти не прерываясь даже на сон. Вальс почуял неладное и приказал Ханурику изъять уже написанные страницы. Потребовались усилия трех человек, чтобы связать Мартина и отнять у него манускрипт. Он исписал больше пятисот страниц меньше чем за два месяца.

Ханурик передал рукопись коменданту. Начав ее читать, Вальс разъярился.

— Полагаю, он ожидал увидеть нечто совершенно иное.

Брианс кивнул.

— Вальс читал рукопись ночь напролет, а наутро поднялся в башню в сопровождении четырех солдат. Он распорядился сковать Мартина по рукам и ногам, а потом вошел в камеру. Ханурик подслушивал через прорезь в двери и уловил часть разговора. Вальс неистовствовал. Он с ходу заявил Мартину, что очень разочарован его поступком, ибо дал ему ростки

шедевра, а тот, пренебрегая инструкциями, сочинил какую-то бессмысленную чушь. «Не такой книги я ожидал от вас, Мартин», — твердил Вальс.

— А что ответил Мартин?

— Ничего. Он игнорировал коменданта, словно его и не было рядом. Такое пренебрежение вывело Вальса из себя. Ханурик слышал, как на Мартина посыпались пощечины и удары, но тот не издал ни единого звука. Дальше, по словам Ханурика, утомившись избивать и оскорблять Мартина, не удостоившего его ни словом, Вальс вынул из кармана письмо. Его прислал сеньор Семпере несколько месяцев назад, но тогда почту конфисковали. В конверт было вложено еще одно, прощальное письмо Исабеллы, которое она написала Мартину на смертном одре...

— Сукин сын...

— Вальс оставил Мартина наедине с этими посланиями, великолепно понимая, что самым худшим наказанием для него явится известие о смерти Исабеллы... По свидетельству Ханурика, прочитав письма после ухода Вальса, Мартин закричал, после чего целую ночь выл и бился в стены головой и колотил в дверь кулаками...

Брианс вдруг посмотрел на него, и Фермин, увидев выражение его глаз, присел рядом, положив руку на плечо молодого человека.

— Вам плохо, Брианс?

— Я его адвокат, — ответил Брианс дрожащим голосом. — Предполагается, что я должен был защищать его и вытащить оттуда...

— Вы сделали все, что в человеческих силах, Брианс. И Мартин знает об этом.

Брианс сокрушенно качнул головой.

— Я еще не закончил, — промолвил он. — Из рассказа Ханурика следует, что Вальс приказал не давать больше заключенному бумагу и чернила, поэтому Мартин начал писать на обороте страниц манускрипта, брошенного комендантом ему в лицо. Вместо чернил он использовал свою кровь, делая надрезы на руках и предплечьях... Ханурик пробовал поговорить с ним, успокоить... Но Мартин уже не хотел брать у него ни сигарет, ни кусочков сахара, который так любил, и даже не замечал его присутствия. Ханурик считает, что, получив весть о смерти Исабеллы, Мартин окончательно рехнулся и жил в аду, созданном его воображением... По ночам он громко кричал, и его вопли разносились по всем закоулкам крепости. Среди посетителей, арестантов и тюремного персонала поползли слухи. Вальс занервничал. Наконец однажды ночью он приказал двум своим конвоирам отвезти писателя...

Фермин проглотил комок в горле.

— Куда?

— Ханурик не уверен до конца, но, судя по тому, что ему удалось услышать, он думает, что Мартина отвезли в заброшенный особняк около парка Гуэль... Похоже, там во время войны убивали людей и хоронили тела в саду... Вернувшись, конвоиры доложили Вальсу, что приказ выполнен. Но Ханурик мне признался, что той же ночью слышал, о чем они говорили между собой, и что они явно были не в себе. В заброшенном доме что-то случилось. Выходило, что там побывал кто-то еще.

— Кто же?

Брианс передернул плечами.

— Значит, Давид Мартин жив?

— Я не знаю, Фермин. Это неизвестно.

Фермин закончил свой рассказ тихим, срывающимся голосом, в глазах его застыла боль. Воссоздание картины прошлого из этих тягостных и болезненных воспоминаний стоило ему невероятного напряжения и душевных сил. Совершенно опустошенный, он едва держался на стуле. Я налил ему остатки вина в бокал и смотрел с сочувствием, как он вытирал руками слезы. Я протянул ему салфетку, но Фермин не обратил на нее внимания. Остальные клиенты «Кан льюис» давно разошлись по домам, и по моим подсчетам время перевалило за полночь, но нас не захотели беспокоить, оставив одних в зале ресторана. Фермин в изнеможении смотрел на меня, словно рассказ о давних трагических событиях, о которых он молчал столько лет, отнял у него самую волю к жизни.

— Фермин...

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Ответ отрицательный.

— Фермин, Давид Мартин — мой отец?

Фермин смерил меня суровым взглядом.

— Сеньор Семпере — ваш отец, Даниель. Никогда в этом не сомневайтесь. Никогда.

Я кивнул. Теперь Фермин сидел с отсутствующим видом, мысли его отправились блуждать в неведомых мне сферах.

— А с вами, Фермин? Что случилось с вами?

Фермин ответил не сразу, как будто заключительная часть истории не имела никакого значения.

— Я вернулся на улицу. Я не мог оставаться там и видеть Брианса. Я не мог видеть Росиито. Вообще никого...

Фермин запнулся и умолк, а я подхватил эстафету:

— Вы вернулись на улицу — безымянный нищий, которого принимали за сумасшедшего. И вы хотели умереть, но вас удерживало данное однажды обещание...

— Я поклялся Мартину, что позабочусь об Исабелле и ее сыне, то есть о вас. Но я оказался трусом, Даниель. Я слишком долго прятался и так боялся вернуться, что, когда все же набрался смелости приехать, вашей матери уже не было на свете...

— Именно поэтому я встретил вас той ночью на Королевской площади? Это не было случайностью? Как долго вы следили за мной?

— Месяцы. Годы...

Я представил, как он издали следовал за мной, еще когда я был маленьким, ходил в школу, играл в парке Сьюдадела; мог видеть, как мы с отцом останавливались у витрины полюбоваться на ручку, принадлежавшую, по моему твердому убеждению, Виктору Гюго; наблюдал за мной в те минуты, когда я сидел на Королевской площади и читал вслух для Клары, украдкой лаская ее взглядом. Нищий, тень, человек, которого не замечают, избегая смотреть на него. Фермин, мой защитник и друг.

— Почему же вы не рассказали мне правды много лет спустя?

— Сначала я собирался, но потом понял, что это принесет вам больше вреда, чем пользы. Потому что прошлое невозможно изменить. Я решил утаить правду, рассудив, что лучше, если вы в большей степени будете походить на отца и в меньшей — на меня.

Возникла длительная пауза, мы украдкой переглядывались, не зная, что сказать дальше.

— Где сейчас Вальс? — спросил я наконец.

— Понятия не имею, — резко ответил Фермин.

— Где он? — повторил я вопрос. — Если вы мне не скажете, я сам узнаю.

— И что сделаете? Заявитесь к нему домой, чтобы убить?

— Почему нет?

Фермин с горечью усмехнулся:

— Потому что у вас жена и ребенок, потому что перед вами вся жизнь, вам есть, кого любить, и полно людей, которые любят вас. Потому что у вас есть все, Даниель.

— Всё, кроме матери.

— Месть не вернет вам мать, Даниель.

— Вам легко говорить, ведь вашу мать не убивали...

Фермин собирался что-то сказать, но потом прикусил язык.

— Как вам кажется, Даниель, почему ваш отец никогда не рассказывал вам о войне? Неужели вы думаете, что он не догадывается о том, что произошло?

— Но если да, то почему он промолчал? Почему ничего не предпринял?

— Ради вас, Даниель. Только ради вас. Ваш отец, как и многие, кому выпало пережить ту эпоху, проглотил все и промолчал. Потому что они досыта натерпелись. От всех воюющих сторон любых мастей и раскрасок. Вы каждый день встречаете таких людей на улице и даже не догадываетесь, как их много. Долгие годы они умирали от боли, точившей их изнутри, как

ржа, лишь для того, чтобы могли жить вы, молодые. Поэтому не вздумайте осуждать своего отца. Вы не имеете на это права.

Я почувствовал себя так, словно мой лучший друг надавал мне пощечин.

— Не сердитесь на меня, Фермин.

Фермин качнул головой:

— Я не сержусь.

— Я лишь пытаюсь разобраться. Позвольте задать вопрос. Всего один.

— О Вальсе? Нет.

— Только один вопрос, Фермин. Клянусь. Если не хотите, можете на него не отвечать.

Фермин неохотно кивнул.

— Этот ваш Маурисио Вальс — не тот ли Вальс, о котором я думаю? — спросил я.

Фермин снова кивнул:

— Он самый. Тот, кто долго занимал пост министра культуры, покинув его четыре или пять лет назад. Тот, кто через день выступал с заявлениями в прессе. Великий Маурисио Вальс. Писатель, издатель, философ и просветленный спаситель национального интеллекта. Именно тот Вальс, — подтвердил Фермин.

И я вдруг осознал, что тысячу раз мне попадалась на глаза в газетах фотография этого типа, я слышал это имя, видел его на корешках нескольких книг в нашем магазине. До сих пор Маурисио Вальс являлся для меня лишь одной из абстрактных фигур в шеренге публичных персон, вписанных в размытый пейзаж общественной жизни. На таких обычно не обращаешь особого внимания, хотя они всегда где-то рядом. Если бы раньше меня спросили, кто такой Маурисио Вальс, я бы честно ответил, что смутно припоминаю: какой-то деятель, добившийся известности в трудные времена, которыми я никогда не интересовался. Я и вообразить себе не мог, что однажды выяснится убийственная правда: непримечательные лицо и имя принадлежали человеку, убившему мою мать.

— Но... — возразил я.

— Но — всё. Вы собирались задать один вопрос, и я на него уже ответил.

— Фермин, я не могу так оставить...

— Послушайте меня внимательно, Даниель. — Фермин заглянул мне в глаза, крепко сжав руку. — Я клянусь, что когда наступит время, я лично поспособствую вашей встрече с сукиным сыном, даже если мне это будет

стоять жизни. И тогда мы сведем с ним счета. Но не теперь. И не так.

Я смотрел на друга с сомнением.

— Обещайте, что не наделаете глупостей, Даниель. Обещайте, что дождетесь удобного момента.

Я потупился.

— Вы не можете просить меня об этом, Фермин.

— Могу и должен.

Очень неохотно я в конце концов согласился, и Фермин отпустил мою руку.

Я вернулся домой почти в два часа ночи и уже собирался нырнуть в парадное, когда заметил свет в книжной лавке, слабое свечение, пробивавшееся из-за занавески, отделявшей подсобное помещение. Я вошел через черный ход, из вестибюля, и нашел отца за письменным столом. Впервые в жизни я увидел, как он курит, причем с удовольствием. Перед ним на столе лежал распечатанный конверт и россыпь исписанных четвертушек бумаги. Подвинув стул к столу, я сел напротив отца. Отец молча взирал на меня с непроницаемым выражением на лице.

— Хорошие новости? — спросил я, указывая на письмо.

Отец протянул его мне:

— Пишет твоя тетя Лаура из Неаполя.

— У меня есть тетя в Неаполе?

— Сестра твоей матери. Она уехала в Италию со всей семьей в тот год, когда ты родился.

Я равнодушно кивнул. Тетю я не помнил и слышал о ней лишь краем уха в разговоре чужих мне людей, собравшихся на похоронах матери много лет назад; никого из них я с тех пор ни разу не видел.

— Она сообщает, что ее дочь едет учиться в Барселону, и спрашивает, может ли девушка пожить у нас некоторое время. Ее зовут Софией.

— Впервые о ней слышу, — сказал я.

— Я тоже.

Мысль о том, что отец поселит в своей квартире незнакомую барышню, показалась мне невероятной.

— И что ты ответишь?

Отец меланхолично пожал плечами:

— Не знаю, но что-то ответить надо.

Почти целую минуту мы молчали, переглядываясь и не осмеливаясь коснуться темы, которая действительно нас занимала в отличие от визита итальянской племянницы.

— Догадываюсь, что ты провел время с Фермином, — промолвил после паузы отец.

Я кивнул:

— Мы ходили ужинать в «Кан льюис». Фермин готов был слопать даже салфетки. В ресторане я встретил профессора Альбукерке, который там тоже ужинал. Я ему сказал, что пора бы ему заглянуть к нам.

Я говорил ерунду, и звук собственного голоса отдавался в моих ушах обвиняющим эхом. Отец пристально наблюдал за мной.

— Фермин признался тебе, что с ним?

— Думаю, дело в расстроенных нервах. Из-за свадьбы и кучи хлопот, которые ему нужны как прошлогодний снег.

— Правда?

Искусный лжец знает, что самая убедительная ложь — это правда, из которой изъяты ключевые моменты.

— Ладно, он рассказывал мне истории из своего прошлого, о том, как сидел в тюрьме и все такое.

— Тогда, полагаю, он наверняка упоминал адвоката Брианса. Что Фермин тебе о нем рассказал?

Я не знал, что в точности знал или подозревал отец, и потому решил проявить осторожность.

— Фермин признался, что находился в заключении в крепости Монтжуик и ему удалось бежать с помощью человека по имени Давид Мартин, с которым ты, кажется, был знаком.

Отец долго не говорил ни слова.

— Никто не осмеливался сказать мне это в лицо, но знаю, что некоторые люди верили тогда и верят до сих пор, что твоя мать любила Мартина, — произнес он с бесконечно грустной улыбкой. Я понял, что он и сам в это верил.

Отец имел привычку утрированно улыбаться, когда хотелось завывать.

— Твоя мать была хорошей женщиной и верной женой. Мне не хотелось бы, чтобы ты подумал о ней превратно из-за того, что мог тебе рассказать Фермин. Он ее не знал, а я знал.

— Фермин не делал подобных намеков, — солгал я. — Он сказал лишь, что маму и Мартина связывала дружба и она пыталась вызволить его из тюрьмы, наняв адвоката Брианса.

— Полагаю, он также упоминал еще об одном человеке, о Вальсе...

Я замялся, не решаясь подтвердить догадку отца. Он заметил замешательство в моих глазах и покачал головой.

— Твоя мать скончалась от холеры, Даниель. Не понимаю зачем, но Брианс попытался обвинить того человека, чиновника, одержимого манией величия, в преступлении, не имея для этого ни оснований, ни малейших доказательств.

Я ничего не сказал.

— Выброси крамольные мысли из головы. Я хочу, чтобы ты мне пообещал, что перестанешь об этом думать.

Я по-прежнему молчал, задаваясь вопросом, правда ли отец столь наивен, как кажется, или боль потери ослепила его и побудила искать спасение в малодушии выживших. Я вспомнил пылкую речь Фермина и сказал себе, что никто, и я в том числе, не вправе осуждать его.

— Обещай, что не наделаешь глупостей и не начнешь искать того человека, — не отступал отец.

Я обреченно кивнул. Он схватил меня за руку:

— Поклянись. Памятью матери.

Мое лицо свела болезненная судорога, и, сам того не ожидая, я стиснул зубы с такой силой, что чуть не раскрошил их. Я отвернулся, но отец не отпускал меня. Я посмотрел ему в глаза, все еще надеясь, что смогу солгать ему.

— Клянусь памятью мамы, что, пока ты жив, я ничего не стану предпринимать.

— Я не этого хотел.

— Другого обещания я не могу дать.

Отец взялся за голову и глубоко вздохнул:

— В ночь, когда твоя мать умерла наверху, у нас дома...

— Я помню превосходно.

— Тебе исполнилось пять лет.

— Четыре года и шесть месяцев.

— В ту ночь Исабелла просила меня никогда не рассказывать тебе о прошлом, о том, что случилось. Она считала, что так будет лучше.

Я впервые слышал, как отец назвал маму крестным именем.

— Я все знаю, папа.

Он снова заглянул мне в глаза.

— Прости, — пробормотал он.

Я выдержал взгляд отца, который иногда словно старел на глазах, увидев меня, когда оживала его память. Я бросился к нему и молча обнял. Он горячо прижал меня к своей груди и разрыдался. И как только он заплакал, боль и гнев, много лет таившиеся в его душе, хлынули потоком, словно кровь из раны. А ко мне вдруг пришло понимание, на грани догадки или невнятного озарения, что медленно, но необратимо мой отец умирал.

Часть четвертая

Подозрение

Барселона, 1957 год

Забрезживший рассвет застал меня на пороге спальни малыша Хулиана, спавшего на сей раз крепко и сладко, с улыбкой на губах. Прошелестели, приближаясь, шаги Беа по коридору, и моей спины коснулись ее ладони.

— И давно ты тут стоишь? — спросила она.

— Не очень.

— И что делаешь?

— Смотрю на него.

Беа подошла к кровати Хулиана и наклонилась, чтобы поцеловать сына в лоб.

— Когда ты вчера вернулся?

Я не ответил.

— Как Фермин?

— Скрипит помаленьку.

— А ты?

Я через силу улыбнулся ей.

— Ты не хочешь мне ничего рассказать? — не унималась она.

— В другой раз.

— Я думала, между нами нет секретов, — сказала Беа.

— И я тоже.

Она удивленно на меня посмотрела:

— Что ты имеешь в виду, Даниель?

— Ничего. Я ничего не имею в виду. Я ужасно устал. Может, ляжем?

Беа взяла меня за руку и повела в спальню. Мы легли на кровать, и я обнял ее.

— Сегодня ночью мне снилась твоя мать, — призналась Беа. — Исабелла.

Дождь начал потихоньку скрестись в окно.

— Я выглядела совсем маленькой девочкой, и она держала меня за руку. Мы находились в большущем и очень старом доме, с огромными гостиными, концертным роялем и галереей, выходившей в сад с прудом. Около пруда я заметила малыша, такого, как Хулиан. Но каким-то образом, — не спрашивай как, — я поняла, что на самом деле это был ты.

Исабелла присела около меня и спросила, вижу ли я тебя. Ты пускал по воде бумажный кораблик. Я ответила, что вижу. Тогда она попросила меня позаботиться о тебе. И заботиться всегда, потому что она должна уехать далеко-далеко.

Мы молчали какое-то время, слушая, как стучит в окна дождь.

— Что тебе сказал Фермин сегодня вечером?

— Правду, — ответил я. — Он сказал мне правду.

Беа внимательно меня слушала, не перебивая, пока я пытался воспроизвести исповедь Фермина. Сначала я почувствовал, как вновь в моей душе закипает ярость. Но по мере того как длился рассказ, я все глубже погружался в пучину печали и безысходности. Эти ощущения были непривычными для меня, и я плохо представлял, как теперь жить со знанием тайны, открытой мне сегодня Фермином, и всего, что она влекла за собой. Драматические события произошли почти двадцать лет назад, и само время обрекло меня играть роль зрителя спектакля, в котором другие люди плели нити моей судьбы.

Закончив говорить, я обнаружил, что Беа смотрит на меня с волнением и тревогой. Не составляло труда угадать, о чем она думала.

— Я пообещал отцу, что пока он жив, я не стану разыскивать этого Вальса и не буду ничего делать, — добавил я, чтобы успокоить ее.

— Пока он жив? А потом? О нас ты не думаешь? О Хулиане?

— Конечно, думаю. И тебе нечего бояться, — солгал я. — Побеседовав с отцом, я понял, что все это случилось очень давно и невозможно ничего изменить.

Беа явно усомнилась в моей искренности.

— Это правда, — солгал я снова.

Беа пытливо смотрела на меня несколько мгновений, но я произнес именно те слова, которые ей хотелось услышать, и она поддалась искушению поверить мне.

В тот же день, возникнув из пелены дождя, продолжавшего заливать пустынные улицы, у порога нашей букинистической лавки нарисовалась зловещая, покоробленная временем фигура Сальгадо. Он наблюдал за нами с непередаваемо хищным выражением на лице, освещенном огнями витрины. Его старый костюм — тот же самый, который был на нем во время первого визита, — промок до нитки. Я подошел к двери и открыл ее.

— Знатный ковчег, — сказал он.

— Зайдете?

Я придержал дверь, и Сальгадо, хромая, вошел в магазин. Он сделал несколько шагов и остановился, опираясь на трость. Фермин взирал на него из-за прилавка с опаской и подозрением. Сальгадо улыбнулся.

— Сколько лет, сколько зим, Фермин, — пропел он.

— Я думал, вы умерли, — отозвался Фермин.

— Я, впрочем, как и все остальные, считал, что и вы тоже. Так нам сказали. Будто бы вас поймали при попытке к бегству и застрелили.

— Напрасные мечты.

— Если хотите знать, я не терял надежды, что вам удалось улизнуть. Как известно, сорная трава крепка корнями...

— Я тронут вашим участием. И когда вы освободились?

— Примерно с месяц.

— Только не говорите, что вас выпустили за примерное поведение, — ссызвил Фермин.

— Видимо, просто устали ждать, когда я умру. А знаете, меня амнистировали. Приказ о моем помиловании напечатан на гербовой бумаге за подписью самого Франко.

— Наверное, вы вставили его в рамку?

— Я повесил его в почетном месте — над унитазом, на случай если кончится бумага.

Сальгадо приблизился к прилавку и указал на стул, стоявший в сторонке:

— Не возражаете, если я присяду. Я еще не привык проходить больше десяти метров по прямой и быстро устаю.

— Располагайтесь, — пригласил я.

Сальгадо свалился на стул, испустив глубокий вздох, и принялся растирать колено. Фермин уставился на него, как на крысу, внезапно

выскочившую из канализации.

— Я подозреваю, что, хотя все считали меня первым кандидатом на тот свет, я окажусь последним... Вы не догадываетесь, что столько лет давало мне силы жить, Фермин?

— Если бы я не знал вас так хорошо, я предположил бы, что это средиземноморская кухня и морской воздух.

Сальгадо издал смешок, в его случае звучащий как сиплый кашель астматика на пороге приступа.

— Вы не меняетесь, Фермин. Не зря вы мне так понравились. Да, были времена. Однако я совершенно не хочу утомлять вас обоих воспоминаниями о былом, особенно молодого человека. Нынешнему поколению наша жизнь неинтересна. Они увлечены чарльстоном — или как там это теперь называется. Перейдем к делу?

— Как угодно.

— Очень мило с вашей стороны, Фермин. Я уже сказал все, что хотел. Вы собираетесь вернуть мне долг? Или придется поднимать шум и устраивать скандал, который не пойдет вам на пользу?

Несколько минут Фермин сохранял невозмутимость, в результате чего установилось тягостное молчание. Сальгадо вперил в него пылающий взгляд и, казалось, был готов начать плевать ядом. Фермин послал мне взгляд, значение которого я не сумел расшифровать, и подавленно вздохнул:

— Вы выиграли, Сальгадо.

Фермин достал из кармана небольшой предмет и протянул его Сальгадо. Ключ. Тот самый ключ. Глаза Сальгадо затопило ребяческое ликование. Он встал, медленно приблизился к Фермину и взял ключ своей единственной рукой, дрожа от возбуждения.

— Если вы намерены снова поместить ключик в задний проход, умоляю, пройдите в уборную, поскольку наш магазин широко известен и к нам часто заходят покупатели, — предупредил Фермин.

Сальгадо словно волшебным образом помолодел, порозовел и юношески расправил плечи, расплываясь в улыбке глубочайшего удовлетворения.

— Неплохая мысль. По сути, я вам обязан по гроб жизни за то, что вы хранили мое имущество все эти годы, — заявил он.

— На то и существуют друзья, — любезно отвечал Фермин. — Ступайте себе с Богом и даже не думайте сюда возвращаться ни под каким предлогом.

Сальгадо ухмыльнулся, подмигнул нам и направился к двери, мыслями пребывая уже где-то в другом месте. Прежде чем выйти на улицу, он

обернулся на миг и вполне дружески помахал рукой:

— Я желаю вам удачи и долгой жизни, Фермин. И не волнуйтесь, вашей тайне ничто не угрожает.

Мы мрачно наблюдали, как он захромал прочь под дождем — старик, которого всякий встречный принял бы за издыхающего. Но я ни секунды не сомневался, что в тот момент он не чувствовал ни холодных капель дождя, падавших на лицо, ни груза прошлых лет, проведенных в муках заточения и омытых кровью. Я поглядел на Фермина, как будто приросшего к полу, бледного и сконфуженного видом бывшего сокамерника.

— И мы дадим ему просто так уйти? — спросил я.

— Есть идея?

Выждав из осторожности хрестоматийную минуту, мы выскочили на улицу, закутавшись в широченные темные плащи и вооружившись зонтиками пляжного размера. Фермин приобрел их на портовом рынке, собираясь использовать не летом, а зимой для пикников с Бернадой на пляже Барселонеты.

— Фермин, с этой амуницией мы производим шум, и не меньше, чем петухи на птичьем дворе, — предостерег его я.

— Да вы успокойтесь, мошенник встrepенется, только если с неба посыплется дождь из золотых дублонов, — ответил Фермин.

Сальгадо, опережая нас метров на сто, бодро ковылял под дождем по улице Кондал. Мы немного сократили дистанцию — и вовремя, поскольку он собрался сесть на трамвай, ходивший по Виа Лайетана. Складывая на ходу зонтики, мы припустили бегом и чудом успели запрыгнуть на подножку. В лучших традициях эпохи нам пришлось ехать на подножке, уцепившись за поручни. Сальгадо досталось место в передней части вагона, которое ему уступил добрый самаритянин, не подозревавший, с кем имеет дело.

— Вот преимущество старости, — философски заметил Фермин. — А ведь решительно не хочется никому признавать себя старым пнем.

По улице Трафальгар трамвай подкатил к Триумфальной арке. Мы заглянули в вагон, вытянув шеи, чтобы убедиться, что Сальгадо по-прежнему спокойно сидит на месте. Кондуктор, персонаж с густыми, будто наклеенными усами, хмуро уставился на нас.

— Не думайте, что, если вы там висите, я не возьму с вас за проезд. Я сразу вас приметил, как только вы вскарабкались на подножку.

— Эх, социальный реализм^[39] ни у кого больше не вызывает почтения, — пробормотал Фермин. — Что за страна!

Мы протянули кондуктору пригоршню монет, и он выдал нам билеты. Мы уже решили, что Сальгадо благополучно заснул, но, как только трамвай свернул к Северному автовокзалу, хромо́й встал и дернул шнурок, подавая сигнал остановиться. Водитель стал притормаживать, и, улучив момент, мы скатились на мостовую напротив здания «текучей» архитектуры в стиле модерн, где разместилась контора гидроэлектрической компании, а затем бежали вслед за трамваем, пока он не остановился. Мы видели, как Сальгадо вышел из вагона, спустившись с помощью пассажиров, и

направился к автовокзалу.

— Вы думаете о том же, что и я? — поинтересовался я.

Фермин кивнул. Мы шли за Сальгадо по пятам, тщательно маскируясь — или, напротив, привлекая к себе внимание оригинальными зонтами Фермина. Сальгадо вошел в просторное фойе вокзала и двинулся к металлическим шкафчикам, которые выстроились в ряд вдоль одной из стен, напоминая разросшееся кладбище в миниатюре. Мы притаились на скамейке, скрытой в полумраке. Сальгадо остановился напротив нескончаемой вереницы ячеек камеры хранения и задумчиво их разглядывал.

— Он что, забыл, где спрятал добычу? — удивился я.

— Забыл, как же. Он двадцать лет ждал этого момента. Он предвкушает, вот что он делает.

— Вам виднее... Лично я думаю, что он забыл.

Мы ждали продолжения, сидя на скамье и обратившись в зрение.

— А вы мне так и не сказали, где сами спрятали ключ, когда бежали из крепости... — осторожно начал я.

Фермин прожег меня сердитым взглядом.

— Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, Даниель.

— Забудьте.

Наше ожидание затягивалось.

— Может, у него есть сообщник... — предположил я. — И у них назначена встреча.

— Сальгадо не из тех, кто готов поделиться.

— Ну, тогда существует кто-то еще...

— Тише, — прервал меня Фермин, кивнув на Сальгадо, который наконец-то начал действовать.

Старик приблизился вплотную к одной из ячеек и положил руку на металлическую дверцу. Достав ключ, он вставил его в замочную скважину. Приоткрыв створку, он заглянул в камеру. В этот момент в фойе появились два жандарма. Вынырнув из-за угла со стороны перронов, они направились к камере хранения, где Сальгадо силился извлечь что-то из ячейки.

— Ой-ой-ой, — прошептал я.

Сальгадо обернулся и поздоровался с жандармами. Они обменялись парой слов, и один из них вынул из шкафчика чемодан и поставил его на пол у ног Сальгадо. Вор горячо поблагодарил дежурных. Жандармы отдали честь, приложив ладонь к полям треуголки, и продолжили обход.

— Да здравствует Испания, — пробормотал Фермин.

Сальгадо подхватил чемодан и потащил его к свободной скамейке,

оказавшейся на противоположном от нас конце.

— Неужели он собирается открывать чемодан здесь? — недоверчиво спросил я.

— Ему необходимо удостовериться, что все на месте, — откликнулся Фермин. — Проходимец много лет маялся в ожидании дня, когда он сможет забрать свое сокровище.

Сальгадо оглянулся раз, другой и, удостоверившись, что свидетелей поблизости нет, решился. Приоткрыв чемодан на пару сантиметров, он заглянул в щелку.

Около минуты он сохранял неподвижность, не меняя позы. Мы с Фермином смотрели на него в замешательстве. Вдруг Сальгадо захлопнул чемодан, поднялся и зашагал напрямик к выходу, бросив чемодан перед открытой ячейкой камеры хранения.

— Но что он делает? — изумился я.

Фермин вскочил, махнув мне рукой:

— Вы идите за чемоданом, а я прослежу за ним...

Не дожидаясь моего ответа, Фермин поспешил к выходу. А я заторопился туда, где Сальгадо выбросил чемодан. Какой-то умник, читавший газету на соседней лавке, тоже положил на него глаз и, покрутив головой и убедившись, что никто за ним не следит, встал и ястребом устремился к добыче. Я ускорил шаг. Незнакомец уже собирался сграбастать кофр, но я чудом успел опередить его.

— Это не ваш чемодан, — строго сказал я.

Нахал злобно глянул на меня и вцепился в ручку.

— Позвать жандармов? — осведомился я.

Мошенник встревожился, выпустил из рук чемодан и припустил бегом к перронам, скрывшись из виду. Я отнес чемодан на скамью и, в свою очередь проверив, не заинтересовался ли кто моей персоной, открыл его.

Чемодан зиял пустотой.

Но тут мое внимание привлекли громкие крики, и, подняв голову, я увидел, что у входа на вокзал возникла сумятица. Привстав, я сумел разглядеть сквозь дверные стекла, как двое жандармов прокладывают себе путь сквозь кольцо любопытных, столпившихся под дождем. Люди чуть расступились, и я увидел Фермина. Он стоял на коленях на земле, прижимая к себе Сальгадо, чье лицо с открытыми глазами заливал дождь. Входящая в вестибюль женщина прижала руку ко рту.

— Что случилось? — спросил я.

— Несчастный старик, он упал замертво... — сказала она.

Я вышел на улицу и медленно приблизился к кольцу зевак,

наблюдавших за этой сценой. Фермин разговаривал с жандармами. Один из них кивнул в ответ на слова Фермина. Мой друг снял плащ и закутал труп Сальгадо, закрыв лицо. Когда я протиснулся ближе, из-под ткани высовывалась искалеченная трехпалая рука, и на ладони, поблескивая под дождем, лежал ключ. Я раскрыл над Фермином зонт и тронул его за плечо. И мы неспешно пошли прочь.

— Как вы, Фермин?

Мой лучший друг пожал плечами.

— Идемте домой, — выдавил он.

По дороге с вокзала я снял плащ и накинул его на плечи Фермина, поскольку свой он пожертвовал в качестве савана для покойного Сальгадо. По моим ощущениям, физическое и душевное состояние моего друга не располагало к длительным прогулкам, и я решил остановить такси. Открыв перед Фермином дверцу, я усадил его и, захлопнув дверцу, сам сел с другой стороны.

— Чемодан был пуст, — сказал я. — Кто-то посмеялся над Сальгадо.

— И обокрал вора...

— И кто это, по-вашему?

— Наверное, тот же, кто сказал ему, что ключ находится у меня, и объяснил, где меня искать, — пробормотал Фермин.

— Вальс?

Фермин удрученно вздохнул:

— Я не знаю, Даниель. Я не знаю, что подумать.

Тут я поймал в зеркале на лобовом стекле взгляд таксиста и понял, что он ждет указаний.

— Едем на Королевскую площадь, к началу улицы Фернандо, — распорядился я.

— Разве мы не возвращаемся в магазин? — спросил незнакомым мне голосом Фермин, у которого не хватило уже запала оспорить маршрут поездки.

— Я возвращаюсь. А вы отправитесь в дом дона Густаво и проведете вечер с Бернардой.

Мы проделали весь путь молча, глядя на дрожащие, расплывающиеся под дождем очертания Барселоны. У аркады на улице Фернандо, где много лет назад мы познакомились с Фермином, я заплатил за проезд, и мы вышли из машины. Я проводил Фермина до портала дома дона Густаво и обнял друга на прощание.

— Поберегите себя, Фермин. И непременно перекусите, иначе Бернарда исколется о ваши кости в брачную ночь.

— Ошибаетесь. В действительности у меня больше шансов растолстеть, чем у оперного сопрано, задайся я такой целью. Прямо сейчас, как только поднимусь, я наемся до отвала изумительных польворонов,^[40] которые дон Густаво покупает в «Килес». И к утру, вот увидите, растолстею, как боров.

— Что ж, посмотрим. Кланяйтесь невесте.

— В этом отношении, учитывая административно-юридическую сторону вопроса, боюсь, мне предстоит прожить жизнь в грехе.

— Не думаю. Помните, что вы сказали мне однажды? Что судьба не приходит к нам домой, каждый должен сам найти свою судьбу!

— Вынужден признаться, что почерпнул сию мысль в книге Каракса за красоту звучания.

— Тем не менее я поверил в это и верю до сих пор. А потому скажу, что вам суждено жениться на Бернарде в намеченный день, по всем правилам — со священниками, рисом, настоящими именем и фамилией.

Друг посмотрел на меня скептически.

— Вы обвенчаетесь у алтаря, или я — не Даниель, — пообещал я. Хотя Фермин был настолько подавлен, что, подозреваю, его не взбодрил бы не только пакетик «Сугуса», но и полнометражный фильм в кинотеатре «Фемина» с участием Ким Новак, откровенно сверкающей коническими чашками бюстгальтера, бросавшими серьезный вызов закону.

— Если вы так утверждаете, Даниель...

— Вы вернули мне истину, — сказал я. — А я верну вам имя.

Возвратившись в букинистическую лавку, я в тот же вечер принялся за осуществление плана по спасению гражданской личности Фермина. Прежде всего я сделал несколько телефонных звонков из служебного помещения магазина и составил расписание дел на ближайшее время. В качестве второго шага требовалось заручиться содействием людей, чей опыт и талант не подлежали сомнению.

В середине следующего дня, солнечного и тихого, я направил стопы в библиотеку «Кармен», где договорился встретиться с профессором Альбукерке. Мной руководило твердое убеждение, что если он чего-то не знает, значит, этого не знает никто.

Я нашел профессора в главном читальном зале — в окружении книг и бумаг; вооружившись ручкой, он сосредоточенно что-то писал. Я молча сел у противоположного края стола, не желая прерывать его работу. Прошло около минуты, прежде чем он заметил мое появление. Подняв взгляд от бумаг, он озадаченно поглядел на меня.

— Наверное, вы пишете что-то невероятно увлекательное, — подал я голос.

— Я работаю над циклом статей о проклятых писателях Барселоны, — объяснил он. — Вы помните некоего Хулиана Каракса, автора, которого вы мне давным-давно порекомендовали в букинистическом магазине?

— Конечно, — ответил я.

— Я начал выяснять подробности его биографии, и оказалось, что история Каракса совершенно невероятна. Вы знали, например, что много лет загадочный демонический персонаж по всему свету гонялся за книгами Каракса, чтобы их сжечь?

— Что вы говорите? — притворно удивился я.

— Любопытнейший случай. Я дам вам почитать материалы, когда закончу.

— Вам следовало бы написать книгу, — предложил я. — Тайная история Барселоны, иллюстрированная биографиями проклятых и официально запрещенных писателей.

Профессор задумался, явно заинтересованный:

— Подобная мысль уже приходила мне в голову, но у меня столько работы в газетах и в университете...

— Если такую книгу не напишете вы, то ее не напишет никто...

— Пожалуй, если махнуть на все рукой, я это сделаю. Не представляю, где я возьму время, но...

— «Семпере и сыновья» с готовностью предоставят вам свои библиографические фонды и помощь, когда пожелаете.

— Буду иметь это в виду. Ну что? Пойдемте перекусим?

Профессор Альбукерке завершил в тот день свои ученые занятия, и мы отправились в «Каса Леопольдо». Ожидание прибытия бычьих хвостов, блюда дня, нам скрасили хорошее вино и вяленый хамон серрано.

— А как поживает наш любезный друг Фермин? Пару недель назад, когда я видел его в «Кан льюис», он выглядел не очень веселым.

— Именно о нем я и хотел с вами поговорить. Но вопрос настолько щекотливый, что я вынужден предупредить, что все сказанное должно остаться строго между нами.

— Само собой. Чем я могу помочь?

Я описал ситуацию как можно лаконичнее, стараясь избегать неприятных и ненужных подробностей. Профессор почувствовал, что в изложенной ему истории очень многое вынесено за скобки, но проявил образцовую деликатность, что, несомненно, делало ему честь.

— Проверим, правильно ли я вас понял, — промолвил он. — Фермин не может легально пользоваться своим именем, поскольку двадцать лет назад его объявили мертвым, а следовательно, в глазах государства такой человек не существует.

— Правильно.

— Но, судя по тому, что вы рассказали, это аннулированное имя тоже фиктивное. Фермин выдумал его во время войны, чтобы спасти себе жизнь.

— Верно.

— И вот тут я теряюсь. Помогите мне, Даниель. Если Фермин однажды проявил чудеса ловкости, добыв фальшивое удостоверение личности, почему он не может теперь пустить в ход другое, чтобы жениться?

— По двум причинам, профессор. Первая — сугубо практическая. Не важно, каким именем решит воспользоваться Фермин, нынешним или еще одним вымышленным, у него в любом случае не будет действительного удостоверения личности. Поэтому какое бы имя ни стояло в документе, танцевать все равно придется от печки.

— Но он, я полагаю, предпочитает оставаться Фермином.

— Точно. И это вторая причина, она не имеет прикладного значения и носит скорее этический характер и потому намного важнее. Фермин желал бы остаться Фермином, поскольку это именно тот мужчина, кого полюбила Бернарда, кого мы знаем и считаем другом и кем он сам хочет быть. Человек, которым он некогда являлся, не существует для него уже много лет. Старую кожу он сбросил и похоронил в прошлом. Наверное, я его лучший друг, но даже мне неизвестно, под каким именем его крестили. Для меня, для всех, кто его любит, и главное, для него самого он — Фермин Ромеро де Торрес. В сущности, какая разница? Если речь идет о создании физического лица, обладающего полнотой гражданских прав, почему бы не создать именно этого индивидуума?

Профессор Альбукерке подумал и кивнул.

— Логично, — подытожил он.

— Следовательно, вы считаете задачу выполнимой, профессор?

— Пожалуй, это донкихотская миссия, каких мало, — дал оценку профессор. — Как наделить зачавшего дона Фермина Ламанчского родословной и комплектом фальсифицированных бумаг для бракосочетания с его возлюбленной Бернардой Тобосской, которые выглядели бы законными в глазах Господа и Гражданского регистра?

— Я размышлял на эту тему и почитал юридические справочники, — признался я. — Первоначальным удостоверением личности человека в нашей стране служит свидетельство о рождении, которое, если разобраться, представляет собой довольно простой документ.

Профессор поднял брови:

— Вы намекаете на весьма деликатные материи. Не говоря уж о том, что это преступление, причем нешуточное.

— Вернее, беспрецедентное, по крайней мере в анналах судебной практики оно не зафиксировано. Я проверял.

— Пожалуйста, продолжайте, вы меня заинтриговали.

— Предположим, что некто имеет доступ в помещения Гражданского регистра и в состоянии, скажем, спрятать свидетельство о рождении в архивах... Не станет ли оно достаточным основанием для установления личности любой персоны?

Профессор тряхнул головой.

— Для новорожденного — вполне возможно. Но если в теореме речь идет о взрослом человеке, потребуется полный перечень документов, подтверждающих подлинность биографии. Допустим, у вас гипотетически есть доступ в архивы. Откуда вы возьмете все необходимые документы?

— Положим, есть способ создать ряд правдоподобных факсимильных

копий. Как вы считаете, план осуществим?

Профессор тщательно проанализировал условия задачи.

— Основной риск заключается в том, что кто-то способен обнаружить подлог и пожелает предать его гласности. Но в данном случае, учитывая кончину враждебной стороны, которая могла бы забить в набат по поводу несостоятельности документов, проблема сводится к двум пунктам. Во-первых, как пробраться в архив и пристроить в хранилище фальшивое, но основательное и безупречное досье. И во-вторых, как создать полный комплект документов, необходимых для легализации личности. Я имею в виду бумаги всех видов, от приходской метрики и свидетельства о крещении до удостоверений и сертификатов...

— Относительно пункта первого: насколько я понял, вы в настоящий момент пишете цикл очерков о прелестях законодательной системы в Испании по поручению Депутации, дабы увековечить сей институт. Я провел небольшое исследование и выяснил, что во время войны некоторые архивы Гражданского регистра пострадали от бомбардировок. И это значит, что сотни и тысячи личных дел пришлось восстанавливать в грубой спешке. Я не специалист, но осмелюсь предположить, что это приоткрывает небольшую лазейку, которой вполне может воспользоваться человек, обладающий информацией, связями и четким планом действий...

Профессор искоса посмотрел на меня.

— Вижу, вы проделали кропотливую исследовательскую работу, Даниель.

— Простите за дерзость, профессор, но ради счастья Фермина я готов пойти гораздо дальше.

— И это делает вам честь. Но вы также не должны пренебрегать судьбой того, кто попытается проделать этот трюк, ибо, если его поймают за руку, ему грозит суровое наказание.

— Вот почему я и подумал, что тому, у кого гипотетически есть ход в архивы, следует взять с собой помощника, который выполнит самую рискованную часть операции, если можно так выразиться.

— В таком случае гипотетический помощник должен обладать полномочиями, чтобы гарантировать благодетелю пожизненную скидку в двадцать процентов на любую книгу, приобретенную в букинистическом магазине «Семпере и сыновья». И приглашение на свадьбу новорожденного.

— Считайте, дело в шляпе. И скидка вырастает до двадцати пяти процентов. Но в глубине души я знаю, что существует некто, гипотетически, кто согласился бы помочь про боно,^[41] ничего не получая

взамен, хотя бы из удовольствия забить гол коррумпированной и прогнившей системе.

— Я ученый, Даниель. Сыграть на моих чувствах не получится.

— Тогда ради Фермина.

— Это другой разговор. Обсудим технические детали.

Я вынул и показал ему сотенную банкноту, которую дал мне Сальгадо.

— Вот мой бюджет на оплату издержек предприятия, — пояснил я.

— Вижу, вы готовы стрелять, не жалея пороха, но лучше употребите деньги на другие расходы, которых потребует сей ратный подвиг, поскольку мои услуги ничего вам стоить не будут, — ответил профессор. — Наибольшее беспокойство, уважаемый помощник, у меня вызывает крамола с документами. Новые центурионы власти, помимо водоемов и требников, удвоили громоздкость и без того чудовищной бюрократической системы, достойной худших кошмаров нашего верного друга Франсиско Кафки. Как я уже говорил, необходимо с предельной тщательностью подойти к созданию всевозможных судебных постановлений, распоряжений, ходатайств и прочих бумаг. Они обязаны выглядеть подлинными и должны в точности соответствовать содержанию, стилю и духу старых, истертых и пропитанных пылью досье и не подлежать сомнению.

— С этой стороны мы надежно защищены, — сказал я.

— Мне необходимо знать список соучастников данного заговора, чтобы убедиться, что вы не бравируете.

Я растолковал профессору вторую часть плана.

— Может, и получится, — сделал он утешительный вывод.

Как только нам подали основное блюдо, мы свернули тему, и беседа приняла другое направление. Во время обеда я изо всех сил крепился, но, когда настал черед кофе, не выдержал и, притворившись, что вопрос не представляет для меня особого интереса, обронил:

— Кстати, профессор, недавно мы разговаривали о том о сем с одним из клиентов магазина, и случайно всплыло имя Маурисио Вальса, бывшего министра культуры и прочее. Что вам о нем известно?

Профессор приподнял бровь.

— О Вальсе? То же, что и всем, полагаю.

— Уверен, что вы знаете намного больше других, профессор. Намного больше.

— Видите ли, если честно, я уже давно о нем ничего не слышал, хотя раньше Маурисио Вальс являлся весьма заметной фигурой. Как вы

правильно отметили, в свое время он был министром культуры, знаменитым и непревзойденным, а также возглавлял массу организаций и учреждений. Человек, обласканный нынешним режимом, имевший большой вес в своей области, покровитель многих, любимое дитя культурных колонок испанской прессы... Как я и сказал, яркая личность.

Я слегка улыбнулся, как будто мне было приятно все это выслушать.

— А теперь что-то изменилось?

— Откровенно говоря, в последние годы он исчез с небосклона, что называется, общественной жизни. Не знаю точно, получил ли он за свои заслуги назначение на дипломатический пост или какую-нибудь должность в международной организации, — вы наверняка в курсе, как это делается, — однако с некоторых пор его карьерный рост не прослеживается... Мне известно, что некогда он вместе с компаньонами основал издательство. Издательство процветает и теперь, бесперебойно выпуская новые книги. Практически каждый месяц мне приходят приглашения на презентацию какого-нибудь очередного шедевра...

— А Вальс посещает подобные мероприятия?

— Когда-то посещал. Мы еще всегда посмеивались, поскольку он говорил преимущественно о себе, а не о представленной книге или ее авторе, но это все в прошлом. Уже несколько лет я его не видел. Могу я узнать, почему он вас интересуется, Даниель? Неужели вас соблазнил блеск миниатюрной ярмарки тщеславия в нашей литературе?

— Я спросил из чистого любопытства.

— Ну конечно.

Оплачивая счет, профессор Альбукерке посматривал на меня краем глаза.

— Почему меня не покидает ощущение, что я услышал лишь малую толику из того, что произошло? Вы не поведали мне и половины, это уж точно.

— Когда-нибудь я расскажу и остальное, профессор. Обещаю вам.

— Вот это другой разговор. У городов короткая память, и чтобы не дать ей угаснуть, нужен кто-то вроде меня, кропотливый исследователь.

— Заключим сделку: вы поможете мне разрешить затруднения Фермина, а я однажды расскажу вам о том, что Барселона предпочла бы забыть. Некоторые факты ее тайной истории.

Профессор протянул мне руку, и я пожал ее.

— Ловлю вас на слове. А теперь, возвращаясь к проблеме Фермина и документам, которые нам предстоит извлечь из шляпы...

— Полагаю, я знаю человека, способного справиться с этой

задачей, — заявил я.

Освальдо Дарио де Мортенссен, король переписчиков Барселоны и мой добрый знакомый, наслаждался послеобеденным отдыхом в своей кабинке у входа во дворец вице-королевы. Сегодня он решил побаловать себя чашкой кофе с капелькой бренди и египетской сигаретой. Заметив мое приближение, он приветственно помахал рукой:

— Возвращение блудного сына. Вы передумали? Все-таки напишем любовное письмо, которое откроет доступ к молниям и потайным застежечкам желанной девушки?

Я снова показал ему обручальное кольцо, и он кивнул, вспомнив:

— Простите. Сила привычки. Вы несовременный человек. Чем могу служить?

— В прошлый раз ваше имя показалось мне знакомым, дон Освальдо. Я произвел ревизию в книжном шкафу и нашел ваш роман «Сумеречные всадники», изданный в 1933 году.

Покопавшись в памяти, Освальдо ностальгически улыбнулся:

— Да, были времена. Бессовестные мошенники, Барридо и Экобильтас, мои издатели, старались меня надуть, как могли. Пусть теперь в аду с чертями потягаются. Но наслаждение, с каким я писал тот роман, у меня никто не отнимет.

— Если я как-нибудь принесу экземпляр, вы мне его подпишете?

— Сколько угодно. Это была моя лебединая песня. Публика оказалась не готова к вестерну, перенесенному на берега Эбро, где вместо ковбоев на лошадях действуют разбойники на лодках, служащие привольным пастбищем для москитов размером с арбуз.

— Вы настоящий Зейн Грей^[42] приморья.

— О, если бы... Так чем могу вам помочь, молодой человек?

— Начиная кампанию, смею сказать, героическую, я прошу позволения воспользоваться вашим мастерством и талантом.

— Я вас внимательно слушаю.

— Мне необходима ваша помощь. Требуется создать документальную биографию моего друга, чтобы он мог вступить в брак с любимой женщиной, не встретив формальных препятствий.

— Он хороший человек?

— Лучше не бывает.

— Тогда больше ни слова. Сцены свадьбы и крещения мне всегда

нравились больше всех прочих.

— Понадобятся судебные постановления, анкеты, ходатайства, сертификаты и все, что полагается в таких случаях.

— Затруднений не будет. Мы поручим часть бумажной работы Луисито. Вы с ним уже знакомы, и ему можно полностью доверять. Он владеет дюжиной типов письма.

Я вытащил сотенную банкноту, которую отказался принять профессор, и протянул писарю. Освальдо вытаращил глаза и мгновенно прибрал купюру.

— И еще говорят, что в Испании нельзя прожить писательским ремеслом, — сказал он.

— Этой суммы достаточно, чтобы покрыть текущие расходы?

— Более чем. Когда я все приготовлю, то скажу, во сколько обошлась затея, но сейчас навскидку осмелюсь предположить, что пятнадцати дурос хватит с избытком.

— Оставляю этот вопрос на ваше усмотрение, Освальдо. Мой друг, профессор Альбукерке...

— Прекрасный писатель, — вставил Освальдо.

— И замечательный человек. Итак, профессор заглянет к вам на днях и предоставит перечень необходимых документов и подробные инструкции. Если вам что-либо понадобится, вы меня всегда найдете в букинистическом магазине «Семпере и сыновья».

Лицо Освальдо просияло, когда он услышал название магазина.

— Святилище. В юности я прибегал туда каждую субботу, чтобы сеньор Семпере расширил мой кругозор.

— Сеньор Семпере — мой дед.

— Уже много лет я не заходил в магазин. Поскольку мои доходы крайне ограничены, я уже привык брать книги в библиотеке.

— Окажите милость, вернувшись к нам, дон Освальдо, и почувствуйте себя у нас как дома, а о ценах не беспокойтесь.

— Обязательно приду.

Мы пожали друг другу руки.

— Большая честь вести дела с семьей Семпере.

— Надеюсь, с моей легкой руки у вас будет много заказчиков.

— А тот хромой, который заглядывался на несметные сокровища...

Что с ним случилось?

— Получилось, что не все то золото, что блестит, — ответил я.

— Примета времени.

Барселона, 1958 год

Наступил январь, укутанный в белые кисейные одежды, с прозрачным небом и студеным светом, игравшим снежной пылью над крышами города. Солнце сияло с утра до вечера, высекая грани глянца и бархатной тени на фасадах хрустальной Барселоны, по которой двухэтажные автобусы разъезжали с пустой крышей, а за трамваями по рельсам мелся снежок.

Новогодние украшения сияли гирляндами голубых огней над улицами старого города, и приторные пожелания добра и мира сочились из сотен репродукторов, вывешенных около лавок и магазинов. Все настолько пропитались этой патокой, что если вдруг какому-нибудь шутнику взбрело в голову нацепить каталонскую шапочку на младенца Христа из рождественского вертепа, установленного мэрией на площади Сан-Жауме, то патрульный жандарм, вместо того чтобы отмутузить и оттащить нарушителя в околотов, как требовали особо благочестивые свидетели, смотрел на происшествие сквозь пальцы. В конце концов об инциденте сообщали в архиепископство, и трех монахинь отряжали навести порядок.

Рождественские продажи оправдывали надежды. Вифлеемская звезда, воссиявшая над вертепом, вселила уверенность, подкрепленную цифрами в бухгалтерской книге лавки «Семпере и сыновья», что мы одолеем счета за свет и отопление и при удачном стечении обстоятельств не останемся ни дня без горячего обеда. Отец воспрял духом и торжественно провозгласил, что в наступившем году мы не станем тянуть с тем, чтобы украсить наш магазин.

— Будет чем нас занять, — пробормотал Фермин без тени энтузиазма. После праздника Трех Королей отец распорядился аккуратно упаковать вертеп и снести его в подвал до следующего Рождества.

— Только бережно, — предупредил отец. — Я не собираюсь выслушивать потом, что вы случайно обронили коробки, Фермин.

— Буду беречь как зеницу ока, сеньор Семпере. Отвечаю головой за целостность вертепа и всех животных в хлеву, гадивших поблизости от Мессии в пеленках.

После того как мы пристроили коробки с рождественскими украшениями, я остановился на миг и обвел взглядом запущенный подвал со всеми его закоулками. В последний раз, когда мы спускались сюда, у нас

состоялся весьма напряженный разговор. С тех пор ни я, ни Фермин больше не возвращались к щекотливой теме, однако от муторного подозрения я так и не освободился. Теперь Фермин словно прочитал мои мысли и яростно затряс головой.

— Только не говорите, что вы все еще думаете о письме того придурка.

— Иногда.

— Вы ведь ничего не сказали донье Беатрис?

— Нет. Я без единого намека положил письмо обратно в карман ее пальто.

— А она? Случайно, не упоминала, что получила послание от дона Хуана Тенорио?^[43]

Я ответил отрицательно. Фермин поморщился, давая понять, что расценивает сей факт как недоброе предзнаменование.

— Вы уже решили, как поступите?

— В каком смысле?

— Не прикидывайтесь дурачком, Даниель. Вы собираетесь отправиться за женой на злополучное свидание и устроить небольшую сцену или все-таки нет?

— То есть вы предполагаете, что она туда пойдет?! — возмутился я.

— А вы разве нет?

Я потупился, крайне недовольный самим собой.

— Что это за муж, который не верит своей жене? — задал я вопрос.

— Вам нужно назвать имена и фамилии или достаточно статистики?

— Я доверяю Беа. Она не стала бы меня обманывать. Не такой она человек. Если бы ей было что мне сказать, она выложила бы мне это в лицо без уверток.

— Значит, вам не о чем беспокоиться, так ведь?

В тоне Фермина мне послышались нотки, которые наводили на мысль, что мои подозрения и неуверенность являлись для него источником разочарования. И хотя он ни за что не признался бы в этом, его печалило, что я тратил время на недостойные мысли и сомневался в искренности женщины, не заслуживавшей такого отношения.

— Наверное, вы считаете меня ослом.

Фермин покачал головой.

— Я считаю, что вам повезло — по крайней мере в любви. И как всякий счастливый человек, вы этого не осознаете.

От увлекательной темы нас отвлек стук в дверь над лестницей.

— Если только вы не открыли в подполе месторождение нефти, не соблаговолите ли подняться? Дела не ждут, — раздался голос отца.

Фермин вздохнул.

— С тех пор как отпала необходимость рисовать красными чернилами цифры убытков, он превратился в тирана, — заметил он. — Хорошие продажи взбодрили его. Вспомните, как он выглядел прежде, и посмотрите, как выглядит теперь...

Дни текли потихоньку один за другим. Фермин в конце концов согласился поручить подготовку банкета и прочие свадебные хлопоты моему отцу и дону Густаво, которые в данном деле выступали в роли патриархов и приняли бразды авторитарного правления в свои руки. Я на правах посаженного отца помогал руководящему комитету, а Беа осуществляла функции художественного руководителя и согласовывала многочисленные детали запланированного торжества, проявляя железную волю.

— Фермин, Беа велела нам с вами явиться в дом мод Пантелеони, чтобы подобрать свадебный костюм.

— Как бы не пришлось мне примерить полосатый костюм...

Я десять раз поклялся, что в нужный момент к его имени невозможно будет придраться на законном основании, и, когда его приятель-священник провозгласит «Фермин, берешь ли ты в жены...», мы сможем не опасаться, что окажемся всей компанией в участке. Но по мере приближения назначенной даты Фермина все сильнее одолевали печаль и беспокойство. Бернарда справлялась с напряженным ожиданием с помощью молитв и «небесных тосинильос».^[44] Правда, после того как умеющий держать язык за зубами врач подтвердил, что она беременна, большую часть времени Бернарда стала посвящать борьбе с тошнотой и головокружениями, так что по всем приметам первенец Фермина собирался шумно появиться на свет.

Кажущееся спокойствие тех дней было обманчивым, поскольку под безмятежно гладкой поверхностью я барахтался в бурном мутном потоке, медленно, но неодолимо затягивавшем меня в омут незнакомого доселе чувства — ненависти.

В свободные минуты, не сказав никому о цели своего похода, я ускользал в библиотеку «Атенео» на улице Кануда, где пускался по следу Маурисио Вальса, производя раскопки в отделе периодики и в недрах каталога. Образ, в течение многих лет являвшийся для меня размытой абстракцией и не представлявший ни малейшего интереса, день ото дня обретал ясность и четкость черт, вызывая боль. В процессе поисков я сумел мало-помалу воссоздать основные вехи успешной публичной карьеры Вальса за последние пятнадцать лет. Много воды утекло с тех пор, как он

мальком начинал свое плавание в государственных заводах. Если верить газетам (в которых Фермин мог поверить разве что сообщению, что для производства напитка «Тринаранхус» выдавливают свежие валенсийские апельсины), со временем дон Маурисио Вальс при помощи хороших связей дождался претворения в жизнь своих чаяний, сделавшись яркой звездой на небосводе испанского искусства и литературы.

Его взлет казался феерическим. Начиная с 1944 года должности и официальные назначения, все более почетные и значимые в структуре академических и культурных институтов, сыпались на него как из рога изобилия. Не счесть было его статей, речей и публикаций. Ни один престижный конкурс, конгресс или юбилей не мог обойтись без участия или присутствия дона Маурисио. В 1947 году вместе с парочкой компаньонов он создал Акционерное общество «Издательство Ариадна», с конторами в Мадриде и Барселоне, которое пресса наперегонки канонизировала, присвоив ему статус «мерила качества» испанской литературы.

В 1948 году все та же пресса начала отзываться о Маурисио Вальсе исключительно как о «самом выдающемся и признанном интеллектуале новой Испании». Самоназначенная интеллектуальная элита страны и те, кто мечтал в нее войти, словно переживали страстный роман с доном Маурисио. Обозреватели культурных колонок рассыпались в похвалах и пели осанну, пытаясь снискать его расположение и, если повезет, опубликовать в издательстве «Ариадна» какой-нибудь опус, давно пылившийся в столе. Это позволило бы счастливицу претендовать на официальное признание и войти в круг избранных, чтобы вкусить от их благ или хотя бы подобрать крохи с барского стола.

Вальс хорошо изучил правила игры и умело сдавал карты. В начале пятидесятых его известность и влияние распространились за пределы официальных кругов и стали проникать в сферу гражданского общества и его приверженцев. Пафосные выступления Маурисио Вальса превратились в свод истинных откровений для граждан, принадлежавших к ограниченному сословию из трех-четырёх тысяч испанцев, которым нравилось считать себя просвещенными личностями и на этом основании смотреть свысока на соотечественников. Они с ходу восприняли его лозунги и повторяли их как прилежные ученики.

На пути к вершине Вальс сплотил вокруг себя небольшую группу прихлебателей, которые ели из его рук, а он продвигал их на руководящие должности в различных организациях и властных структурах. Если кто-то осмеливался усомниться в словах или дарованиях Вальса, пресса

принималась дружно травить беднягу и, выставив его персону в самом невыгодном свете, делала из несчастного жупел. После этого он превращался в парию — убогого, перед которым закрывались все двери, и даже имя его становилось запретным. Иного пути, кроме забвения или изгнания, у такого человека не оставалось.

Много бесконечных часов я вчитывался в строчки и между строк, проверяя факты и версии, систематизируя даты и ведя строгий учет триумфам и скелетам в шкафу. В иных обстоятельствах, если бы целью моих штудий являлось изучение человеческой природы, я мог бы снять шляпу перед доном Маурисио и мастерством, с каким он разыгрывал свою партию. Невозможно было отрицать, что он досконально изучил своих сограждан, видел насквозь то, что таилось в их сердцах и душах, и дергал за ниточки, приводившие в движение их желания, надежды и страхи.

После многодневного плаванья по страницам официальной биографии Вальса я пристал к берегу с твердым убеждением, что механизм создания новой Испании совершенствуется. Головокружительный взлет дона Маурисио к власти и алтарям представлял собой образцовую версию игры на повышение. Данная модель имела широкие перспективы, и без сомнения, ей было суждено пережить нынешний режим и прочно укорениться на территории страны на долгие десятилетия.

В 1952 году Вальс достиг апогея, получив в свое распоряжение министерство культуры. Он находился на посту министра три года, используя это время, чтобы укрепить собственную власть, а также пропихнуть своих лакеев на те немногие позиции, над которыми ему прежде не удалось установить контроль. Его публичные выходы обрели протокольный характер. Речи его цитировались, получив статус источника мудрости и истины в последней инстанции. Присутствие Вальса в жюри, коллегиях и на многочисленных приемах по разным поводам сделалось обязательным. Его коллекция дипломов, премий и наград непрерывно увеличивалась.

И вдруг произошла непонятная вещь.

Я не сразу обратил внимание на необычный факт. Поток восхвалений и упоминаний о доне Маурисио не оскудевал, однако с 1956 года стала характерной одна особенность, которая не отслеживалась в потоке информации, опубликованной до упомянутой даты. Она не бросалась в глаза, потерявшись в ворохе сообщений. Общая тональность и содержание новостей не менялись, но поскольку я сравнивал, многократно читая и перечитывая статьи разных лет, то в итоге подметил специфическую

деталь.

Дон Маурисио Вальс больше не появлялся на публике.

Слава имени его не тускнела, авторитет, репутация и влияние по-прежнему находились на небывалой высоте. В радужной картине полного триумфа не хватало лишь малого: личности героя. Начиная с 1956 года не было опубликовано ни одной новой фотографии Вальса, не проскальзывали упоминания о посещении им массовых мероприятий, отсутствовали прямые репортажи о его участии в публичных торжествах.

Последняя статья, засвидетельствовавшая парадный выход Вальса, датировалась 2 ноября 1956 и касалась вручения премии года за успешную издательскую деятельность. Торжественную церемонию, состоявшуюся в Обществе изящных искусств в Мадриде, почтили присутствием самые высокие государственные чины и многие знаменитости той поры. Текст сообщения был вполне шаблонным и соответствовал канонам жанра светской хроники. Зато весьма любопытной оказалась соответствующая фотография, последняя из тех, где был запечатлен Вальс накануне своего шестидесятилетия. Элегантный, в идеально сидящем костюме, он с добродушной улыбкой и выражением подобающей скромности на лице принимал овации собравшихся. Вальса окружали обычные завсегдатаи подобных спектаклей, а за его спиной, слегка не в фокусе, маячили два типа в черной одежде, с физиономиями суровыми и непроницаемыми и защищенными темными очками. Они резко выбивались из общей праздничной атмосферы и выглядели грозно и почти гротескно. Телохранители.

С того вечера в Обществе изящных искусств никто не только не фотографировал, но и не встречал дона Маурисио Вальса в общественном месте. Как я ни старался, мне не удалось найти ни единого тому подтверждения. Устав блуждать в потемках, я вернулся к началу и реконструировал историю жизни персонажа, выучив ее назубок, как собственную биографию. Я вынюхивал его след в надежде найти зацепку — указание, которое позволило бы мне обнаружить убежище человека, улыбавшегося мне с фотоснимка. Человека, чье тщеславие не имело пределов и как в зеркале отражалось на сотнях страниц, написанных о нем услужливой челядью, жаждущей милостей. Я искал человека, убившего мою мать, чтобы скрыть собственную унижительную бездарность, и бывшего во всех отношениях ничтожеством, чего никто, похоже, не имел мужества признать.

Я научился ненавидеть, просиживая в одиночестве в тиши старой библиотеки «Атенео», где я не проводил столько времени даже тогда, когда все мои помыслы занимали материи несравненно более возвышенные. Например, когда я умирал от неразделенной любви к слепой Кларе или пытался разгадать тайну Хулиана Каракса и его романа «Тень ветра». Чем сложнее казалась задача выследить Вальса, тем упорнее я отказывался признать за ним право исчезнуть, стерев свое имя из книги жизни. Моей жизни. Я жаждал узнать, что с ним случилось. Я испытывал жгучее желание посмотреть ему в глаза хотя бы лишь для того, чтобы дать понять, что есть человек (пусть один-единственный во вселенной), кто знает, каков Вальс на самом деле и что он сделал.

Однажды, одурев от погони за призраком, я отменил свои занятия в зале периодики и вышел погулять с Беа и Хулианом по умытой и солнечной Барселоне, которую почти забыл. Мы прошли пешком от нашего дома до парка Сьюдадела. Я сел на лавку и стал смотреть, как Хулиан играет с матерью на газоне. Наблюдая за ними, я повторял про себя слова Фермина. Счастливый человек, вот кто ты, Даниель Семпере. Счастливый человек, позволивший слепой ярости созреть в глубине души и окрепнуть настолько, чтобы его затошнило от себя самого.

Я продолжал следить за своим сыном, который предавался любимому развлечению — бегу на четвереньках в неизвестном направлении. Беа не отставала от него ни на шаг. Время от времени Хулиан останавливался и поглядывал на меня. Порыв ветра взметнул юбку Беа, и Хулиан расхохотался. Я заплодировал, и Беа посмотрела на меня с укоризной. Я встретился глазами со своим сыном и подумал, что вскоре он начнет смотреть на меня как на самого мудрого, самого лучшего человека на земле, обладателя ответов на все вопросы. И я втайне поклялся себе, что никогда больше не произнесу имени Маурисио Вальса и не буду гоняться за его тенью.

Подошла Беа и села рядом со мной. Хулиан на четвереньках поспешил за ней к лавочке. Когда он подкатился к моим ногам, я взял его на руки, и он самозабвенно принялся вытирать ладошки о лацканы моего пиджака.

— Пиджак только что из химчистки, — проворчала Беа.

Я пожал плечами, выражая смирение. Беа склонила мне голову на плечо и взяла за руку.

— Изящные ножки, — заметил я.

— И почему-то я не удивлена. Твой сын быстро учится. Хорошо еще, что никого не было.

— Ничего подобного, вон там дедулька прячется за газетой. Думаю, у бедняги случился приступ тахикардии.

Хулиан вообразил, что ничего благозвучнее слова «тахикардия» он в жизни не слышал, и обратную дорогу домой мы проделали под неумолкающий речитатив: «Та-хи-кар-дия». Беа, от которой летели искры, возглавляла шествие, опережая нас на несколько шагов.

В тот вечер, 20 января, Беа уложила Хулиана, а потом прикорнула

около меня на диване, в то время как я перечитывал в третий раз один из старых романов Давида Мартина. Я держал в руках тот самый экземпляр, который Фермин раскопал в своем вынужденном изгнании после бегства из тюрьмы. Он бережно хранил книгу все эти годы. Мне нравилось смаковать каждый оборот речи и кропотливо разбирать построение фраз, ибо мне чудилось, что если я сумею расшифровать музыку этой прозы, то узнаю что-то о человеке, с которым мне не довелось познакомиться и который, по заверениям окружающих, не являлся моим отцом. Но в ту ночь у меня не получалось. Я был не способен дочитать до конца ни одного предложения: мысли соскальзывали со страницы, и перед глазами возникало письмо, в котором Пабло Каскос Буэндия назначал свидание моей жене в отеле «Ритц» на следующий день в два часа дня.

Наконец я закрыл книгу и посмотрел на Беа, мирно спавшую рядом со мной. Эта женщина показалась мне в тысячу раз загадочнее, чем сюжет Мартина и его зловещий город проклятых. Минула полночь. Беа открыла глаза и, обнаружив, что я пристально ее разглядываю, улыбнулась. Однако что-то в выражении моего лица пробудило в ней тень беспокойства.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Думаю о том, как мне повезло, — ответил я.

Беа смерила меня долгим взглядом, в котором сквозило сомнение.

— Звучит так, словно ты в это не веришь.

Я встал и протянул ей руку.

— Ляжем в постель, — предложил я.

Она приняла мою руку и последовала за мной по коридору в спальню. Я растянулся на кровати, продолжая молча смотреть на нее.

— Ты ведешь себя странно, Даниель. У тебя неприятности? Я что-то не так сказала?

Я отрицательно покачал головой, криво улыбнувшись и покривив душой. Беа кивнула и принялась неторопливо раздеваться. Обнажаясь, она никогда не поворачивалась ко мне спиной, не пряталась в ванной или за створкой двери, как рекомендовали учебники по гигиене брака, рекомендованные режимом. Я спокойно наблюдал за ней, читая линии ее тела. Беа заглянула мне в глаза, потом скользнула в рубашку, которую я терпеть не мог, и упала на постель, повернувшись ко мне спиной.

— Спокойной ночи, — произнесла она придушенным тоном. Те, кто хорошо ее знал, слышали бы в нем тревогу.

— Спокойной ночи, — пожелал я.

Прислушиваясь к ее дыханию, я понял, что прошло более получаса, прежде чем сон сморил ее. В конце концов усталость оказалась сильнее

огорчения из-за моего одиозного поведения. Я лежал рядом, сомневаясь, стоит ли ее будить, чтобы попросить прощения, или просто поцеловать, и в итоге не сделал ни того, ни другого. Я лежал неподвижно, созерцая плавные изгибы ее спины, и черная злоба, притаившаяся в глубине души, нашептывала, что через несколько часов Беа отправится на свидание со своим бывшим женихом, и ее губы и кожа будут принадлежать сопернику, как намекало гадкое письмо.

Беа уже ушла, когда я пробудился. Мне удалось задремать лишь на рассвете, и я проснулся внезапно, едва церковные колокола пробили девять. Я подскочил и бросился одеваться, натянув первое, что попало под руку. За окном вступил в свои права морозный понедельник, припорошенный хлопьями снега, которые кружили в воздухе и садились на прохожих, точно светоносные пауки, спускавшиеся с неба на невидимых нитях. Явившись в лавку, я первым делом увидел отца, стоявшего на табуретке, на которую он забирался каждый божий день, чтобы поменять дату на календаре. Двадцать первое января.

— Специально для тех, кто любит понежиться в постели, сообщаю, что это совершенно неприемлемо для мальчиков старше двенадцати, — заметил отец. — Сегодня была твоя очередь открывать магазин.

— Прошу прощения. Бессонная ночь. Больше не повторится.

Около двух часов я честно пытался занять мозг и руки текущими делами, но лично меня занимало лишь злополучное письмо, слова которого я повторял про себя снова и снова. В середине дня Фермин незаметно подкрался ко мне и угостил «Сугусом».

— Сегодня назначенный день, так ведь?

— Замолчите, Фермин, — оборвал я его так резко, что отец вскинул брови.

Спрятавшись в подсобке, я слышал, как они шептались. Я сел за отцовский письменный стол и посмотрел на часы: двадцать минут второго. Я хотел переждать несколько минут, но стрелки на циферблате словно застыли, отказываясь двигаться. Как только я вернулся в торговый зал, Фермин с отцом озабоченно уставились на меня.

— Даниель, может, тебе взять отгул на вторую половину дня? — предложил отец. — Мы с Фермином как-нибудь справимся.

— Спасибо. Не откажусь. Я почти не спал и неважно себя чувствую.

Мне не хватило мужества посмотреть в глаза Фермину, когда я покидал магазин через подсобку. Я медленно поднялся на шестой этаж и, открыв дверь квартиры, услышал, что в ванной течет вода. Дотащившись

до спальни, я замер на пороге. Беа сидела на кромке кровати. Она не видела и не слышала, как я вошел. Я молча наблюдал за ее сборами: жена натянула шелковые чулки и одевалась, не отрывая взгляда от зеркала. Мое присутствие Беа заметила только минуты через две.

— Я не знала, что ты здесь, — сказала она удивленно и с оттенком негодования.

— Уходишь?

Она кивнула, подкрашивая губы красной помадой.

— И куда ты собралась?

— По делам.

— Ты принарядилась и прекрасно выглядишь.

— Мне не нравится ходить по улице растрепанной, — отозвалась она.

Теперь она принялась подводить глаза и накладывать тени. «Счастливей человек», — ехидно прозвучало у меня в ушах.

— По каким делам? — спросил я.

Беа обернулась:

— Что?

— Я спросил, какие у тебя дела.

— Разные.

— А Хулиан?

— Мама пришла его навестить и увела на прогулку.

— Вот как.

Беа приблизилась ко мне вплотную и, поборов смущение, посмотрела на меня озабоченно:

— Даниель, что с тобой?

— Я не сомкнул глаз сегодня ночью.

— Почему бы тебе не поспать в сиесту? Тебе станет лучше.

— Отличная мысль, — согласился я.

Беа нежно улыбнулась и проводила до моей половины кровати. Она помогла мне лечь, укутала покрывалом и поцеловала в лоб.

— Вернусь поздно, — предупредила она.

Я молча смотрел ей вслед.

— Беа...

Она остановилась на полпути к двери и повернулась.

— Ты меня любишь? — спросил я.

— Ну конечно же, я тебя люблю. Что за вопросы?

Дверь захлопнулась, а затем кошачьи шаги Беа и стук ее шпилек донеслись с лестницы, затихая, пока совсем не пропали. Я схватил телефонную трубку и дождался ответа девушки-оператора.

— Пожалуйста, соедините меня с отелем «Ритц».
Меня соединили через несколько секунд.

— *Отель «Ритц». Добрый день. Чем можем вам помочь?*

— Пожалуйста, не могли бы вы проверить, заселился ли к вам один постоялец?

— *Будьте любезны, сообщите его имя.*

— Каскос. Пабло Каскос Буэндиа. По-моему, он должен был приехать вчера...

— *Пожалуйста, подождите минутку.*

Потянулась бесконечная минута ожидания, наполненная приглушенными голосами и помехами на линии.

— *Сеньор...*

— Слушаю.

— *В настоящий момент ни один номер не зарезервирован для гостя с такой фамилией.*

Я испытал головокружительное чувство облегчения.

— Может быть, номер был забронирован организацией?

— *Я проверю.*

На сей раз не пришлось долго ждать.

— *Действительно, вы оказались правы. Сеньор Каскос Буэндиа. Континентальный съют. Забронирован издательством «Ариадна».*

— Что вы сказали?

— *Я сказал сеньору, что заказ для господина Каскоса Буэндиа был сделан издательством «Ариадна». Вас соединить с его номером?*

Телефон выскользнул у меня из рук. Издательство, много лет назад основанное Маурисио Вальсом, называлось «Ариадна».

Каскос работал на Вальса.

Я с силой швырнул трубку на рычаг, выбежал на улицу и последовал за женой с сердцем, отравленным подозрением.

Я не нашел Беа в толпе, которая текла в этот час по улочке Ворота Ангела в сторону площади Каталонии. Мне казалось, что жена выбрала бы именно эту дорогу к отелю «Ритц», но Беа была непредсказуемой. Ей нравилось открывать новые пути между пунктами назначения. Вскоре я отказался от мысли догнать ее, предположив, что Беа, возможно, взяла такси, что больше соответствовало наряду, который она выбрала для встречи.

До отеля «Ритц» я добирался примерно четверть часа. И хотя температура воздуха вряд ли превышала десять градусов, я задыхался и обливался потом. Швейцар исподтишка окинул меня настороженным взглядом, однако открыл передо мной дверь, изобразив легкий поклон. Очутившись в холле, который напоминал сцену из кинофильма о большой любви и шпионских страстях, я растерялся. Ничтожный опыт знакомства с фешенебельными гостиницами не подготовил меня к тому, чтобы я мог самостоятельно разобраться, где что находится. Я различил стойку администратора, за которой безупречная дежурная наблюдала за мной со смесью любопытства и тревоги. Приблизившись к стойке, я выдавил улыбку, совершенно не впечатлившую даму.

— Скажите, пожалуйста, как пройти в ресторан.

Администратор изучающе посмотрела на меня и спросила с вежливым недоумением:

— Сеньор заказывал столик?

— У меня назначена встреча с гостем вашего отеля.

Дама холодно улыбнулась и кивнула.

— Сеньор найдет ресторан в конце этого коридора.

— Большое спасибо.

Я направился в указанную сторону, не чуя под собой ног, ибо понятия не имел, что скажу, увидев Беа с тем типом. Maitre вышел мне навстречу, заступив дорогу с каменной улыбкой. Выражение его лица говорило о весьма низкой оценке, которую он дал моему одеянию.

— У сеньора заказан стол? — спросил он.

Я отстранил его прочь и вошел в зал. Ресторан явно не страдал от наплыва клиентов. Пожилые супруги, слегка мумифицированные и с манерами образца девятнадцатого века, церемонно поглощали суп. Они прервали ритуал и смирли меня неодобрительным взглядом. Несколько

столиков занимали мирно обедавшие гости, по виду — деловые люди, а также одна-две дамы для создания изысканной атмосферы, вписанной в счет в строке «представительские расходы». И ни следа Каскоса и Беа.

Сзади ко мне подкрадывался maitre с подкреплением в лице двух официантов. Я повернулся и миролюбиво улыбнулся им.

— Разве сеньор Каскос Буэндиа не заказывал столик на двоих? — уточнил я.

— Сеньор уведомил, что желает, чтобы обед подали в его номер, — соблаговолил сообщить maitre.

Я сверился с часами, они показывали два двадцать. Я направился к лифтам. Один из швейцаров не спускал с меня глаз. Но когда он надумал познакомиться со мной поближе, мне уже удалось заскочить в лифт. Я нажал первый попавшийся этаж, поскольку не имел ни малейшего представления, где находится континентальный сыют.

«Начнем сверху», — сказал я себе.

Я вышел из лифта на седьмом этаже и принялся бродить по помпезным пустынным коридорам. Вскоре обнаружилась дверь, выходившая на пожарную лестницу. Я спустился на этаж ниже и путешествовал от двери к двери, безуспешно разыскивая континентальный сыют. Стрелки на моих часах показывали половину третьего. На пятом этаже я наткнулся на горничную, толкавшую тележку с метелками, мылом и полотенцами, и спросил у нее, где расположен этот самый сыют. Она в замешательстве посмотрела на меня, но, должно быть, я напугал ее достаточно, чтобы она ответила, указав вверх:

— Восьмой этаж.

Я предпочел обойтись без лифтов на случай, если персонал отеля объявил на меня охоту. Миновав четыре лестничных пролета и длинный коридор, я прибыл к дверям континентального сыюта мокрый от пота. Постояв с минуту и попытавшись представить, что происходит за дверью из благородного дерева, я вопрошал себя, хватит ли у меня остатков здравого смысла, чтобы уйти отсюда. Мне почудилось, будто кто-то украдкой наблюдает за мной из противоположного конца коридора. Испугавшись, что там притаился бдительный портье, я пригляделся, но невнятный силуэт уже скрылся за углом. Я сделал утешительный вывод, что это был какой-нибудь постоялец отеля. И все-таки я позвонил в номер.

За дверью раздались шаги. Образ Беа, застегивавшей кофточку, молнией промелькнул в моем сознании. Щелкнул замок, и я сжал кулаки. Дверь распахнулась. Мне отворил тип с напыженными волосами, в белом купальном халате и домашних тапках, предоставляемых пятизвездочными отелями. Прошли годы, но лица людей, некогда вызывавших отвращение, не забываются.

— Семпере? — удивленно сказал он.

Кулак угодил ему между верхней губой и носом. Я почувствовал, как проминаются под ударом плоть и хрящ. Каскос прижал ладони к лицу и пошатнулся. Между пальцами заструилась кровь. Я с силой оттолкнул его, отбросив к стене, и вошел в комнату. Каскос с шумом обрушился на пол у меня за спиной. Кровать была застелена. Дымившееся блюдо стояло на столе, расположенном так, чтобы открывался вид на террасу и Гран-Виа. Обед сервировали на одну персону. Я повернулся к Каскосу, который пытался подняться, уцепившись за стул.

— Где она? — спросил я.

Лицо Каскоса кривилось от боли. Кровь заливала подбородок и стекала на грудь. Навскидку я определил, что у него рассечена губа и почти наверняка сломан нос. В ту же секунду я ощутил сильное жжение в пальцах и, осмотрев свою руку, удостоверился, что ссадил кожу на костяшках, уродуя ему физиономию. И не испытал ни малейшего сожаления.

— Она не пришла. Доволен? — выплюнул он.

— И с каких это пор ты увлекаешься письмами моей жене?

Мне показалось, что он ухмыльнулся, и, прежде чем Каскос успел сказать что-то еще, я снова набросился на него. Я вложил во второй удар всю злость, накопившуюся внутри. На сей раз кулак раскрошил ему зубы, а рука у меня онемела. Каскос издал мучительный стон и обмяк, повиснув на стуле, за который он держался. Увидев, что я наклоняюсь к нему, он закрыл лицо руками. Я схватил его за шею и впился пальцами в горло, словно хотел растерзать его.

— Что за дела у тебя с Вальсом?

Каскос смотрел на меня с ужасом, не сомневаясь, что я сейчас прикончу его. Он нечленораздельно забормотал, и мои руки стали склизкими от слюны и крови, капавших у него изо рта. Я сдавил его глотку

сильнее.

— Маурисио Вальс. Что между вами общего?

Я нагнулся к нему, приблизив лицо настолько, что рассмотрел даже свое отражение в его зрачках. Кровеносные сосуды под роговицей начали лопаться, и вокруг радужной оболочки образовалась сеть темных прожилок. Осознав, что вот-вот убью его, я резко разжал руки. Каскос утробно всхлипнул, глотая воздух, и схватился руками за шею. Я уселся на кровать напротив него. Мои руки дрожали и были обгажены кровью. Я вошел в ванную комнату, вымыл их и смочил лицо и волосы холодной водой. Увидев собственное отражение в зеркале, я едва узнал себя. Я чуть не убил человека.

Я вернулся в комнату. Каскос без сил распластался на стуле, тяжело дыша. Я налил стакан воды и протянул ему. Заметив мое движение, он подался в сторону, ожидая нового удара.

— Возьми, — сказал я.

Он открыл глаза и, увидев стакан воды, заколебался на миг.

— Возьми, — повторил я. — Это всего лишь вода.

Приняв стакан дрожащей рукой, он поднес его к губам. Теперь я увидел, что сломал ему несколько зубов. Каскос застонал, и глаза его наполнились слезами от боли, пронизавшей его, когда холодная вода коснулась обнажившейся под зубной эмалью пульпы. Какое-то время мы молчали.

— Вызвать врача? — спросил я наконец.

Он поднял на меня глаза и покачал головой.

— Убирайся, пока я не позвал полицию.

— Скажи, что тебя связывает с Вальсом, и я уйду.

Я холодно смотрел на него и ждал.

— Он... один из совладельцев издательства, где я работаю.

— Это он попросил тебя написать письмо?

Каскос не решался ответить. Я встал и, шагнув к нему, схватил за волосы и сильно дернул.

— Не бей меня больше, — взмолился он.

— Вальс просил тебя написать это письмо?

Каскос избегал смотреть мне в глаза.

— Нет, не он. — Он благоразумно решился на откровенность.

— А кто тогда?

— Один из его секретарей. Армеро.

— Кто?

— Пако Армеро. Сотрудник издательства. Он посоветовал мне возобновить отношения с Беатрис. И сказал, что если я это сделаю, то меня отблагодарят.

— Зачем ты должен был возобновить отношения с Беа?

— Не знаю.

Я притворился, будто опять собираюсь его ударить.

— Не знаю, — заныл Каскос. — Это правда.

— И поэтому ты назначил ей свидание?

— Я по-прежнему люблю Беатрис.
— Прелестный способ ты выбрал продемонстрировать это. Где Вальс?
— Не знаю.
— Как ты можешь не знать, где находится твой начальник?
— Потому что я с ним не знаком. Понятно? Я его никогда не видел. И никогда с ним не разговаривал.

— То есть?
— Я поступил на работу в «Ариадну» полтора года назад, в мадридскую контору. И за все это время ни разу его не видел. И никто не видел.

Он медленно поднялся и направился к телефонному аппарату. Я его не останавливал. Он схватил трубку и поглядел на меня с ненавистью.

— Я звоню в полицию...
— В этом нет необходимости, — громко произнес голос в коридоре сьюта.

Я повернул голову: перед нами предстал Фермин, неотразимый в одном из костюмов моего отца. В вытянутой вверх руке он держал документ, по виду похожий на офицерское удостоверение.

— Инспектор Фермин Ромеро де Торрес. Полиция. Поступили жалобы на шум. Кто из вас способен внятно описать, что произошло?

Не знаю, кто растерялся больше, я или Каскос. Фермин воспользовался нашим замешательством, чтобы деликатно отобрать у Каскоса телефонную трубку.

— Позвольте, — сказал он, забрав телефон. — Я сообщу в управление. Притворившись, что набирает номер, он одарил нас улыбкой.
— Полицейское управление, пожалуйста. Да, спасибо.
Фермин сделал минутную паузу.

— Алло, Мари Пили, это Ромеро де Торрес. Дай мне Паласиоса. Хорошо, жду.

Изображая ожидание и прикрыв трубку рукой, Фермин со строгой миной обратился к Каскосу:

— А вы? Наткнулись на дверь в клозете или хотите сделать заявление?
— Этот дикарь напал на меня и собирался убить. Я хочу прямо сейчас дать показания. Пусть за все ответит.

Фермин уставился на меня, напустив на себя официальный вид, и кивнул:

— Действительно. Око за око.
Оставаясь в образе, он прикинулся, что ему ответили по телефону, и жестом велел Каскосу замолчать.

— Да, Паласиос. В «Ритце». Да. Номер 424. Нанесение увечий. В основном в лицевой части. Я бы сказал, разукрасили на славу. Хорошо. Приступаю к предварительному задержанию подозреваемого. — Фермин повесил трубку. — Решение принято.

Фермин шагнул ко мне и, решительно взяв за локоть, посоветовал не распускать язык:

— Держите рот на замке. Все, что вы скажете, может быть использовано, чтобы засадить вас за решетку до Дня всех святых по меньшей мере. Идемте, да побыстрее.

Каскос корчился от боли. Все еще сбитый с толку внезапным появлением Фермина, он наблюдал за развитием событий недоверчиво.

— Разве вы не наденете на него наручники?

— Это изысканный отель. Браслеты мы наденем в патрульной машине.

Каскос, у которого все еще текла кровь и, возможно, двоилось в глазах, попробовал нас задержать, подозревая подвох:

— Вы точно полицейский?

— Секретный отдел. Я сейчас же распоряжусь, чтобы вам прислали кусок сырой говяжьей вырезки. Приложите его к лицу на манер маски. Чудодейственное средство для лечения ушибов, полученных во время боя на ближней дистанции. Мои коллеги навещат вас попозже, чтобы снять свидетельские показания и выполнить положенные формальности, — без запинки оттарабанил Фермин и, отстранив руку Каскоса, потащил меня к выходу, развивая крейсерскую скорость.

Поймав такси у дверей отеля, Гран-Виа мы проехали в напряженном молчании. Первым не выдержал Фермин.

— Иисус, Мария и Иосиф! — взорвался он. — Вы спятили? Смотрю на вас и не узнаю... Чего вы добивались? Испортить себе жизнь из-за этого кретина?

— Он работает на Маурисио Вальса, — только и мог сказать я в свое оправдание.

Фермин закатил глаза.

— Даниель, ваша одержимость уже выходит за пределы разумного. Лучше бы я ничего вам не рассказывал... Вы в порядке? Что там у вас с рукой?

Я показал ему ободранный кулак.

— Святая Богородица.

— Как вы догадались?

— Потому что я знаю вас, как родного сына, хотя порой почти сожалею об этом, — вспыхнул он.

— Не понимаю, что на меня нашло...

— Зато я понимаю. И мне это не нравится. Совершенно не нравится. Это не тот Даниель, которого я знаю. И не тот Даниель, другом которого я хочу быть.

У меня болела рука. Но еще больнее было осознавать, что я разочаровал Фермина.

— Не сердитесь на меня, Фермин.

— Нет уж, надеюсь, мальчик не ждет от меня медали за свои подвиги...

Некоторое время мы молчали, отвернувшись друг от друга.

— Хорошо еще, что вы пришли, — промолвил я наконец.

— Неужели вы допускаете, что я бросил бы вас одного?

— Вы ведь не станете ничего говорить Беа, правда?

— Если хотите, могу написать письмо редактору «Вангвардии» с описанием ваших героических походов.

— Я не знаю, что на меня нашло, не знаю...

Фермин смотрел на меня сурово и неприязненно, но потом выражение его лица смягчилось, и он дружески похлопал меня по руке. Я едва не взвыл от боли.

— Не стоит возвращаться к этой теме. Наверное, я поступил бы точно так же.

Я уставился в окно: за стеклом величаво проплывала Барселона.

— Откуда взялось удостоверение?

— Какое?

— Полицейское удостоверение, которое вы предъявили... Что это за документ?

— Клубная карточка районной «Барсы».

— Вы оказались правы, Фермин. Я вел себя как идиот, подозревая Беа.

— Я всегда прав. У меня это врожденное.

Я смиренно признал очевидное и умолк, поскольку натворил вполне достаточно глупостей для одного дня. Фермин тоже сидел очень тихо, погрузившись в размышления. Я забеспокоился, что своим поведением уронил себя в его глазах настолько, что он теперь не знает, как со мной разговаривать.

— Фермин, о чем вы задумались?

Фермин повернулся ко мне. Выглядел он весьма озабоченным.

— Я думал о том человеке.

— О Каскосе?

— Нет. О Вальсе. О том, что сказал несчастный кретин и что очень важно.

— Что вы имеете в виду?

Фермин мрачно посмотрел на меня.

— До настоящего момента меня беспокоило, что вам, возможно, захочется разыскать Вальса.

— А теперь?

— Есть нечто, что беспокоит меня намного больше, Даниель.

— Что?

— То, что он сам пытается найти вас.

Мы молча переглянулись.

— Вы не догадываетесь зачем? — поинтересовался я.

Фермин, обычно знавший ответы на все вопросы, медленно покачал головой и отвернулся.

До конца пути мы больше не разговаривали. Вернувшись домой, я сразу поднялся в свою квартиру, принял душ и проглотил четыре таблетки аспирина. Затем я опустил жалюзи и, обнимая подушку, впитавшую запах Беа, заснул. Заснул как дурак (каковым, собственно, и являлся), задаваясь вопросом, куда запропастилась женщина, ради которой мне не стыдно было сыграть роль глупца столетия.

— Похоже на дикобраза, — заключила Бернарда, рассматривая свое отражение, многократно повторенное в зеркалах примерочной в ателье магазина Санта-Эулалия.

Две портнихи, стоя на коленях около Бернарды, продолжали подкалывать свадебное платье десятками булавок под бдительным присмотром Беа, ходившей вокруг них кругами и придирчиво проверявшей каждый шов и складку, как будто от того, как они легли, зависела чья-то жизнь. Бернарда стояла, широко раскинув руки, и не осмеливалась вздохнуть. Но взглядом она ловила свое отражение, которое во всевозможных ракурсах возвращали зеркала, занимавшие стены шестиугольной комнаты. Женщина озабоченно и с пристрастием выискивала признаки увеличившегося живота.

— Вы уверены, что ничего не заметно, сеньора Беа?

— Совсем ничего. Плоская, как гладильная доска. Там, где нужно, конечно.

— Ой, не знаю, не знаю...

Мученичество Бернарды продолжалось еще около получаса: портнихи хлопотали вокруг нее, пытаясь приладить и подогнать платье по фигуре. Когда, казалось, в мире больше не осталось булавок, чтобы воткнуть в несчастную Бернарду, соизволил появиться, отодвинув занавеску, главный модельер фирмы и автор шедевра. Бегло осмотрев платье и расправив нижнюю юбку, он выразил одобрение и щелкнул пальцами, приказывая своим помощницам тихо исчезнуть.

— Сам Пертегас^[45] не одел бы вас красивее, — заявил он удовлетворенно.

Беа с улыбкой согласилась.

Модельер, стройный господин с раскованными манерами и заученными позами, откликнувшись на имя Эваристо, поцеловал Бернарду в щеку.

— Вы самая лучшая модель в мире. Самая терпеливая и нетребовательная. Пришлось потрудиться, но дело того стоило.

— Молодой человек уверен, что я смогу дышать в этом платье?

— Радость моя, вы сочетаетесь браком в Святой Матери Церкви с настоящим иберийским мужчиной. Поверьте мне, вы больше не вздохнете спокойно. Лично я думаю, что свадебное платье подобно водолазному

скафандру: в нем не подышишь полной грудью, зато, сняв его, чувствуете себя на вершине счастья.

Бернарда перекрестилась, выслушав тираду модельера.

— А теперь я попросил бы вас снять платье с величайшей осторожностью, поскольку швы не застрочены и наколота тьма булавок. Мне бы не хотелось, чтобы ваша кожа напоминала решето, когда вы пойдете к алтарю, — сказал Эваристо.

— Я помогу, — вызвалась Беа.

Эваристо обвел двусмысленным взглядом ее фигуру с головы до ног, словно просветив рентгеном.

— И когда же я смогу раздеть и одеть вас, драгоценная? — спросил он, театрально скрываясь за занавеской.

— Как неприлично шельмец посмотрел на сеньору, — сказала Бернарда. — Это о таких говорят, чтобы шел своей дорогой.

— Мне кажется, что Эваристо готов набиваться в попутчики кому угодно, Бернарда.

— Как такое возможно? — изумилась женщина.

— Давай попробуем вызволить тебя из западни, не потеряв ни одной булавки.

Пока Беа освобождала Бернарду из плена, невеста ворчала себе под нос.

С тех пор как она узнала цену подвенечного наряда, которую дон Густаво, ее хозяин, изъявил готовность выложить из своего кармана, Бернарда пребывала в смятении чувств.

— Дону Густаво не стоило тратить целое состояние. Ведь это он настоял, чтоб платье шили именно тут, в самом дорогом, должно быть, месте в Барселоне. И он же сосватал этого Эваристо, который приходится дону Густаво внучатым племянником или уж не знаю кем. А бессовестный Эваристо возьми и заяви, что у него аллергия на все ткани, кроме материи от Гратакоса. Ничего себе, да?

— Дареному коню... И кроме того, дон Густаво мечтает выдать тебя замуж по высшему разряду. Такой уж он человек.

— В платье моей мамы и с парой финтифлюшек я чувствовала бы себя ничуть не хуже, и Фермин тоже, потому что всякий раз, когда я показываю ему новое платье, у него появляется только одно желание — поскорее его с меня снять... Так вот мы и преуспели, да простит меня Бог, — сказала Бернарда, похлопав себя по животу.

— Бернарда, я тоже выходила замуж беременной и не сомневаюсь, что у Бога достаточно других забот, более важных, чем твои маленькие

неурядицы.

— Мой Фермин тоже так говорит, но я не знаю...

— Слушай Фермина и ни о чем не беспокойся.

Бернарда умирала от усталости, простояв два часа на каблуках с поднятыми руками. Как была в нижних юбках, она повалилась в кресло и глубоко вздохнула:

— Ой, он такой несчастный, страсть смотреть, как он чахнет на глазах. Я ужасно за него волнуюсь.

— Вот увидишь, он скоро воспрянет духом. Все мужчины таковы, совсем как нежная герань. Думаешь, будто она совсем засохла и никуда не годится, а цветок оживает.

— Не знаю, сеньора Беа, я же вижу, что Фермин ходит как в воду опущенный. Мне он говорит, что хочет жениться, но я порой сомневаюсь.

— Но он действительно по уши влюблен в тебя, Бернарда.

Бернарда пожала плечами.

— Послушайте, я ведь не такая глупая, как кажется. Конечно, я с тринадцати лет только и делала, что мыла чужие дома, и есть вещи, которых я не понимаю, но я знаю, что мой Фермин повидал мир и у него случались интрижки. Он никогда мне не рассказывал о своей прежней жизни, но, конечно, у него были другие женщины и погулял он на славу.

— Но из всех женщин он выбрал в жены именно тебя, если помнишь.

— Но он и правда любит девушек, как кот сметану. Когда мы ходим прогуляться или потанцевать, он так и стреляет глазами, и я уж боюсь, как бы он однажды не окосел.

— Ну, глаза и руки — не одно и то же... Мне совершенно точно известно, что Фермин всегда хранил тебе верность.

— Да я знаю. Но понимаете, чего я боюсь, сеньора Беа? Что я ему не подхожу. Вот он смотрит на меня очарованно и говорит, что хочет постареть вместе со мной, ну и всякие приятные вещи — он ведь такой льстец, а я думаю, что однажды утром он проснется, посмотрит на меня и скажет: «Что за дура, и зачем я с ней связался?»

— Полагаю, ты ошибаешься, Бернарда. Фермин никогда так не подумает. Он возвел тебя на пьедестал.

— И это тоже нехорошо. Понимаете, я повидала немало молодых людей, которые ставят женщину на пьедестал, точно она Мадонна, а потом начинают ухлестывать за вертихвостками, которые ведут себя как течные суки. Вы не поверите, сколько раз я видела такое своими собственными глазами, которыми наградил меня Господь.

— Но Фермин совсем другой, Бернарда. Фермин из племени

настоящих мужчин. Очень немногочисленного, поскольку чаще мужчины напоминают каштаны, которые продают на улице. Когда ты их покупаешь, они вроде горячие и хорошо пахнут, но стоит их вынуть из бумажного кулька, они тотчас остывают, и ты обнаруживаешь в итоге, что большая часть их нутра гнилая.

— Вы не имеете в виду сеньора Даниеля, ведь нет?

Беа на секунду запнулась, прежде чем ответить:

— Нет. Нет, конечно же.

Бернарда украдкой покосилась на собеседницу:

— У вас все в порядке в семье, сеньора Беа?

Беа затеребила складку нижней юбки, выбивавшуюся из-под локтя Бернарды.

— Да, Бернарда. Думаю, все дело в том, что мы обе ухитрились найти себе мужей, у которых имеются свои дела и секреты.

Бернарда кивнула.

— Как иногда люди похожи.

— Мужчины. Пусть себе играют в свои игры.

— А мне мужчины нравятся, — заявила Бернарда, — хоть я и знаю, что это грешно.

Беа рассмеялась.

— И какие же тебе нравятся? Как Эваристо?

— Не дай Бог. Он так много глядится в зеркало, что скоро протрет его до дыр. На что мне человек, который прихорашивается дольше, чем я? Мне по вкусу мужчины чуть поглубже, ну, или не такие неженки. И я считаю, что Фермин красивый, хоть он и не записной красавец. Но для меня он красивый и добрый. И очень хороший человек. В конце-то концов именно это и важно, чтобы мужчина был по-настоящему сильным и добрым. И чтобы можно было прижаться к нему в зимнюю ночь и он согрел бы твое тело.

Беа понимающе кивнула:

— Аминь. А мне одна птичка напела, что на самом деле тебе нравится Кэри Грант.

Бернарда вспыхнула.

— А вам разве нет? Не для женитьбы, конечно. Так как сдается мне, что этот господин влюбился, когда в первый раз увидел себя в зеркале. Но между нами, я бы лично не отказалась сладко пообниматься с ним, да простит меня Господь.

— Бернарда, что бы сказал Фермин, услышав тебя?

— То, что говорит всегда: «В конце пути все отправятся кормить

червей».

Часть пятая

Имя героя

Барселона, 1958 год

Много лет спустя двадцать три человека — гости, приглашенные отпраздновать это событие, — возможно, оглянутся назад и вспомнят историческую вечеринку накануне великого дня, когда Фермин Ромеро де Торрес навсегда расстался с холостяцкой жизнью.

— Сие есть окончание знаменательной эпохи, — провозгласил тост профессор Альбукерке, поднимая бокал шампанского. Лучше его никто бы не сумел так лаконично выразить чувства, обуревавшие всех нас.

Праздник по случаю прощания Фермина с холостой жизнью явился сенсацией, которая потрясла женскую часть населения царства Барсело едва ли не больше, чем смерть Родольфо Валентино. Состоялся он погожим вечером в феврале 1958 года в большом бальном зале кафе «Ла Палома», на той самой сцене, где жених в свое время натанцевался танго до упаду и пережил незабываемые моменты. Теперь они становились частью архива с пометкой «совершенно секретно», где были отражены все этапы долгой карьеры вечного дамского угодника.

Мой отец, которого нам удалось вытащить из дома в первый и последний раз в жизни, нанял полупрофессиональный ансамбль танцевальной музыки. Оркестр «Гавана» из Баш-Льобрегата, согласившись играть за символическую плату, услаждал нас подборкой ритмов мамбы, гуарачи и сон-монтуну, которые воссоздавали для жениха атмосферу далеких и прекрасных дней, когда жизнь его протекала в мире интрижек и международного *glamour* в интерьерах шикарных казино прежней Кубы. Гости постепенно преодолевали застенчивость и выходили на танцевальную площадку потрянуть стариной во славу Фермина.

Барсело убедил моего отца, что водка, которую он ему подливал в рюмку, — это минеральная вода с капелькой ароматного травяного ликера. И вскоре все мы стали свидетелями небывалого зрелища, как отец танцует в обнимку с одной из девиц, которых привела с собой Росиито (настоящая душа праздника), чтобы оживить атмосферу.

— Господи Боже, — пробормотал я, наблюдая, как отец двигает бедрами и на счет «раз» ритмично и синхронно сталкивается пятой точкой со своей дамой, ветераном ночных баталлий.

Барсело расхаживал среди гостей, раздавал гаванские сигары и

юбилейные открытки, напечатанные в небольшой мастерской, где изготавливали извещения о причастии, крещении и похоронах. На первоклассной дорогой бумаге забавное изображение Фермина в образе ангелочка с молитвенно сложенными руками сопровождала надпись:

«Фермин Ромеро де Торрес
19??–1958

Да упокоится с миром великий соблазнитель.
1958–19??

Да здравствует почтенный отец семейства».

Впервые за долгое время Фермин был счастлив и спокоен. За полчаса до начала пирушки я отвел его в «Кан льюис», где профессор Альбукерке подтвердил, что утром побывал в отделении Гражданского регистра, вооружившись полным комплектом документов и бумаг, изготовленных мастерами своего дела, Освальдо Дарио и его помощником Луисито.

— Дорогой Фермин, — сказал профессор, — я приветствую ваше официальное появление на свет и вручаю в присутствии дона Даниеля Семпере, а также всех ваших друзей из «Кан льюис» в качестве свидетелей законное удостоверение личности.

Фермин, потрясенный до глубины души, рассматривал свои новые документы.

— Как вам удалось совершить это чудо?

— Техническую часть мы лучше опустим. Намного важнее, что все возможно, если у вас есть настоящий друг, готовый рисковать и перевернуть землю и небо, чтобы вы могли вступить в брак по всем правилам и рожать детей, продолжателей династии Ромеро де Торрес, — ответил профессор.

Фермин посмотрел на меня со слезами на глазах и обнял с такой силой, что едва не задушил. Мне не стыдно признаться, что это был один из самых счастливых моментов в моей жизни.

Через полтора часа непрерывной музыки, возлияний и фривольных танцев я решил передохнуть и пробрался к бару в надежде найти безалкогольное питье, поскольку чувствовал, что не в состоянии поглотить больше ни капли рома с лимоном, которым потчевали приглашенных. Официант налил мне стакан холодной воды, и, привалившись спиной к барной стойке, я повернулся лицом к залу, чтобы видеть танцующих. Я не сразу заметил Росиито, притаившуюся у дальнего конца стойки. Она стояла с бокалом шампанского и меланхолично наблюдала за праздником, который готовила не жалея сил. Я подсчитал, вспомнив рассказ Фермина, что теперь женщине было около тридцати пяти лет. Но двадцатилетнее служение на поприще жрицы любви оставило на ней неизгладимый след. Также, наверное, сыграл свою роль и приглушенный красноватый свет в зале. Королева улицы Эскудельерс выглядела намного старше своего возраста.

Я подошел к ней и приветливо улыбнулся.

— Росиито, вы сегодня прекрасны как никогда, — солгал я.

Росиито нарядилась в лучшее платье и волосы явно укладывала в самой известной парикмахерской на улице Конде-де-Асальто, но мне показалось, что нынешней ночью она выглядела очень и очень печальной.

— Вы хорошо себя чувствуете, Росиито?

— Только посмотрите на него, бедняжку. Кожа да кости остались, и все же его тянет танцевать.

Она не сводила глаз с Фермина, и я понял, что он навсегда останется для нее героем, спасшим ее от мелкого негодяя, и, возможно, единственным стоящим мужчиной, кого она встретила, проработав двадцать лет на улице.

— Дон Даниель, не знаю даже, как сказать об этом Фермину, но я не пойду завтра на свадьбу.

— Как же так, Росиито? Фермин отвел вам почетное место среди гостей...

Росиито потупилась.

— Я знаю, но пойти не смогу.

— Почему? — спросил я, догадываясь, какой последует ответ.

— Потому что мне это причинит боль, а я хочу, чтобы в этот день душа Фермин был счастлив со своей сеньорой.

Росиито расплакалась. Я не знал, что сказать, и потому просто обнял ее.

— Знаете, я ведь всегда его любила. С самой первой встречи. И я понимаю, что я не гожусь для него, и он относится ко мне, как... Ну, просто как к Росиито.

— Фермин очень высоко вас ценит, не забывайте об этом никогда.

Женщина отстранилась и смущенно вытерла слезы.

— Простите меня. Я дура, а если еще выпью две капли, вообще не соображаю, что говорю.

— Ничего страшного.

Я протянул ей свой стакан воды, и она взяла его.

— Знаете... Однажды вдруг осознаешь, что молодость закончилась и поезд уже ушел.

— Придут другие поезда. Обязательно.

Росиито кивнула.

— Вот потому я не пойду на свадьбу, дон Даниель. Уже довольно давно я познакомилась с господином, сеньором де Реус. Он хороший человек. Вдовец. Заботливый отец. Он владелец пункта сбора металлолома. Каждый раз, бывая проездом в Барселоне, он навещает меня. Он предложил мне выйти за него замуж. Мы не заблуждаемся на свой счет, оба, понимаете? Очень тяжело остаться в старости в одиночестве. И я знаю, что мое тело уже не то, чтобы продолжать работать на улице. Жаумет, сеньор де Реус, приглашал меня отправиться с ним в путешествие. Его дети выросли и уехали из дома, он всю жизнь проработал. Он сказал, что хочет посмотреть мир перед тем, как его покинуть, и звал меня с собой. В качестве жены, а не какой-то там, чтобы попользоваться и выбросить. Корабль отплывает завтра рано утром. Жаумет говорит, что капитан корабля имеет право регистрировать брак в открытом море, а если нет, то мы обратимся к любому священнику в первом порту.

— Фермин знает?

Словно услышав наш разговор на расстоянии, Фермин прекратил выделывать па на танцплощадке и замер, глядя на нас. Он протянул руки к Росиито, соорудив умильную рожицу бездельника, жаждущего ласки и нежности, которая приносила ему неизменный успех. Росиито засмеялась, недоверчиво покачав головой, и, прежде чем выйти на площадку к мужчине своей мечты и в последний раз станцевать с ним болеро, повернулась ко мне и сказала:

— Заботьтесь о нем как следует, Даниель. Такого, как Фермин, больше нет.

Оркестр умолк, и танцующие разомкнули круг, пропуская Росиито на площадку. Фермин взял ее за руки. Светильники в зале «Паломы»

постепенно погасли, и во мраке вспыхнули лучи прожектора, очертившие круг клубящегося света у ног этой пары. Остальные танцоры отступили в сторону, и музыканты заиграли в ритме болеро, наверное, самого печального танца на свете. Фермин обвил рукой талию Росиито. Глядя в глаза друг другу, отрешенные от настоящего, возлюбленные из той Барселоны, которая исчезла безвозвратно, в последний раз танцевали они, слившись в тесном объятии. Когда музыка остановилась, Фермин поцеловал женщину в губы. Росиито, заливаясь слезами, погладила его по щеке и, не прощаясь, медленно пошла к выходу.

Музыканты пришли на помощь в этот миг, грянув гуараччу. Освальдо Дарио де Мортенссен, который написал так много любовных писем, что стал энциклопедистом в сфере нежных чувств и сердечных горестей, призвал гостей вернуться в круг и сделать вид, что никто ничего не заметил. Фермин, слегка закручинившись, приблизился к бару и уселся на табурет рядом со мной.

— Вы в порядке, Фермин?

Друг уныло кивнул.

— Думаю, мне не помешало бы подышать свежим воздухом, Даниель.

— Подождите меня здесь, я только возьму наши пальто.

Мы спокойно шли по улице Тальерс в сторону бульвара Рамбла. Неожиданно впереди, на расстоянии полусотни метров, замаячила знакомая фигура, медленно переставлявшая заплетавшиеся ноги.

— Слушайте, Даниель, разве это не ваш отец?

— Он самый. Пьяный в стельку.

— Вот уж не ожидал, что доведется увидеть такое, — сказал Фермин.

— Представьте, и я тоже.

Мы ускорили шаг и нагнали отца. Увидев нас, он расплылся в счастливой улыбке, глядя на мир остекленевшим взглядом.

— Сколько времени? — спросил он.

— Очень поздно.

— И мне так показалось. Послушайте, Фермин, сказочная вечеринка. А какие девушки! У них были роскошные задницы, от которых впору с ума сойти.

Я завел глаза. Фермин решительно взял отца под руку и повел его прямо, на ходу выправляя курс.

— Сеньор Семпере, не предполагал, что придется вам когда-нибудь говорить подобные вещи, но вы пребываете в состоянии интоксикации этиловым спиртом, и лучше вам не говорить лишнего, чтобы потом не раскаиваться.

Отец кивнул, внезапно смутившись.

— Это все интриган Барсело. Наливал мне невесть что, а я ведь не привык к выпивке...

— Не страшно. Сейчас выпьете соды, потом отоспитесь и завтра утром встанете свежим, как роза. Считайте, что ничего и не случилось.

— Кажется, меня сейчас стошнит.

Мы с Фермином поддерживали бедолагу с двух сторон, не давая ему упасть, пока его выворачивало наизнанку. Лбом, покрытым холодной испариной, он уткнулся в мою подставленную руку. Когда стало понятно, что он отдал все выпитое, мы усадили его передохнуть на ступени ближайшего портала.

— Дышите медленно и глубоко, сеньор Семпере.

Смежив веки, отец последовал совету. Мы с Фермином переглянулись.

— Послушайте, а разве вы не собираетесь жениться?

— Завтра днем.

— Так примите мои поздравления.

— Спасибо, сеньор Семпере. Как вам кажется, если мы теперь потихоньку двинемся к дому, вам хватит сил?

Отец кивнул.

— Вперед, храбрец, иного нет пути!

Прохладный сухой ветер привел отца в чувство. Минут через десять мы добрались до улицы Санта-Ана, и к этому моменту бедняга уже был способен здраво оценить положение и сгорал от стыда. Он напился, наверное, в первый раз в своей жизни.

— Пожалуйста, никому ни слова об этом, — взмолился он.

От букинистической лавки нас отделяло около двадцати метров, когда я обратил внимание, что кто-то сидит на ступенях парадного подъезда нашего дома. Свет от большого фонаря на доме Жорба, что на углу улочки Ворота Ангела, позволял различить в темноте силуэт девушки с чемоданчиком на коленях. Увидев нашу компанию, она встала.

— У нас гости, — пробормотал Фермин.

Отец увидел ее первым. Я заметил, как он, словно резко протрезвев, переменился в лице, на котором застыло отрешенное выражение. Он шагнул к девушке, но внезапно застыл как громом пораженный.

— Исабелла? — услышал я его возглас.

Опасаясь, что алкоголь все еще туманил его рассудок и он готовится упасть без чувств посреди улицы, я ринулся к отцу. И тут я ее увидел.

Девушке едва исполнилось семнадцать лет. Она вступила в конус света, падавший от фонаря на фасаде здания, и застенчиво нам улыбнулась, приподняв руку в знак приветствия.

— Я — София, — представилась она. Говорила девушка с едва заметным акцентом.

Отец стоял в оцепенении, словно увидел призрак. Я проглотил комок в горле, чувствуя, как тело пробирает дрожь. Девушка была ожившей копией моей матери: ее облик сохранился на фотографиях, выставленных на письменном столе у отца.

— Я — София, — повторила девушка обескураженно. — Ваша племянница. Из Неаполя...

— София, — пролепетал отец. — Ах, София.

Хвала провидению, что рядом оказался Фермин, чтобы взять ситуацию под контроль. Тычком в бок он вывел меня из состояния транса и принялся объяснять девушке, что сеньор Семпере слегка прихворал.

— Дело в том, что мы идем с дегустации вин, и бедняга захмелел от бокала «Виши». Не обращайтесь внимания, signorina, обычно он не выглядит таким заторможенным.

Срочную телеграмму, в которой тетушка Лаура предупреждала о приезде дочери, мы нашли в квартире на полу под дверью: в наше отсутствие ее просунули в щель.

Дома Фермин устроил моего отца на диване и велел мне приготовить кофейник крепкого кофе. И пока отец медленно возвращался к жизни, Фермин занимал девушку беседой, расспрашивая ее о путешествии и сотрясая воздух всевозможными банальностями.

С очаровательным акцентом и довольно непринужденно София поведала нам, что приехала около десяти вечера на Французский вокзал, взяла такси и доехала до площади Каталонии. Не застав хозяев дома, девушка грелась в ближайшем баре, пока он не закрылся. Потом она уселась караулить у подъезда, рассудив, что рано или поздно кто-нибудь появится. Отец помнил о письме, в котором тетушка Лаура сообщала о намерении Софии приехать в Барселону, но он не предполагал, что это произойдет так скоро.

— Прошу прощения, что вам пришлось ждать на улице, — сказал он. — Обычно я никуда не выхожу, но сегодня вечером состоялся

мальчишник Фермина и...

София пришла в восторг от этой новости и, вскочив на ноги, чмокнула Фермина в щеку в качестве поздравления. Фермин, несмотря на то что недавно покинул ристалище, не удержался от искушения и немедленно пригласил Софию на свадьбу.

Мы мило болтали около получаса, когда с девичника Бернарды вернулась Беа. Она поднималась по лестнице и, услышав голоса, доносившиеся из отцовской квартиры, постучала в дверь. Беа увидела Софию, как только вошла в столовую, и, побледнев, посмотрела на меня.

— Знакомься, моя кузина София, из Неаполя, — представил я гостью. — Она приехала учиться в Барселону и проживет тут некоторое время...

Беа успешно скрыла беспокойство и радушно поздоровалась с девушкой.

— А это моя жена Беатрис.

— Лучше Беа. Никто не называет меня Беатрис.

Время и кофе сделали свое дело, слегка умерив возбуждение, вызванное приездом Софи. Вскоре Беа намекнула, что бедная девушка, верно, падает с ног от усталости, и лучше всего ей отправиться спать, и что завтра наступит новый день, наполненный свадебными хлопотами. Было решено, что София займет мою прежнюю детскую комнату. А Фермин, удостоверившись, что отец не впадет снова в кому, уложил его в кровать. Беа пообещала Софии подобрать одно из своих платьев на церемонию венчания. Фермин, от которого на расстоянии двух метров разило шампанским, приготовился выдать неуместный комментарий по поводу несходства телосложения и размеров талии дам, но я заставил его замолчать, толкнув локтем.

Свадебная фотография моих родителей смотрела на нас с консоли.

Мы втроем сидели в столовой и не сводили с нее глаз, не в силах опомниться от изумления.

— Как две капли воды, — пробормотал Фермин. Беа искоса наблюдала за мной, пытаясь прочесть мои мысли. Потом она взяла меня за руку и, напустив на себя веселый вид, постаралась перевести разговор в безопасное русло.

— Ну и как прошла ваша вечеринка? — спросила Беа.

— Скромно, очень скромно, — заверил ее Фермин. — А у вас, женщин?

— А наша совсем нескромно.

Фермин обратил ко мне суровый взгляд.

— Я не зря говорил, что, почувствовав свободу, женщины становятся намного развратнее мужчин.

Беа загадочно улыбнулась.

— И кого вы называете развратными, Фермин?

— Прошу простить мне непростительную оговорку, донья Беатрис, ибо это виновато игристое вино «Пенедес», которое в настоящий момент течет в моих венах и заставляет говорить вздор. Хвала Господу, что вы являетесь собой эталон добродетели и благородства, и ваш покорный слуга, позволивший себе неуместный намек на женскую распущенность, скорее предпочтет провести остаток дней в келье картезианского монастыря, наложив на себя обет молчания.

— Свежо предание, — вставил я.

— Не стоит продолжать, — прервала Беа, взирая на нас, словно мы были сопливыми мальчишками. — А теперь, как я догадываюсь, вы собираетесь отдать дань традиции, отправившись на предсвадебную прогулку по волнорезам, — сказала она.

Мы с Фермином переглянулись.

— Идите. Я вас отпускаю. Но советую завтра утром явиться в церковь вовремя...

Нам удалось найти только одно заведение, работавшее в это время суток. Им оказалось кафе «Эль Ксампаниет» на улице Монткада. Должно быть, мы внушали глубокую жалость, потому что разве что из чистого человеколюбия персонал разрешил нам задержаться, пока убирали зал после закрытия. Узнав, что всего через несколько часов Фермин превратится в женатого мужчину, хозяин выразил ему соболезнования и подарил от себя лично бутылочку лекарственного средства.

— Храбро в бой, — напутствовал он.

Потом мы бродили по переулкам квартала Рибера и, по обыкновению, строили неуклюжие планы усовершенствования вселенной, пока небо не окрасилось бледным пурпуром. И мы поняли, что жениху и его посаженному отцу (то есть мне) пора отправляться занимать позицию на волнорезах, чтобы встретить новую зарю на краю величайшего миража в мире — призрачной Барселоны, отражавшейся на поверхности воды на рассвете.

Мы уселись на пристани, свесив ноги и собираясь распить бутылку, подаренную нам в «Эль Ксампаниет». Отхлебывая поочередно вино, мы молча смотрели на город. Стая чаек пролетала над куполом базилики Ла-Мерсе, образуя арку между башнями здания Главпочтамта. Вдалеке, на вершине горы Монтжуик возвышалась глыба крепости, напоминая призрачную хищную птицу, застывшую в ожидании и следившую за городом у своих ног.

Корабельный гудок прорезал тишину, и мы увидели, что от дальнего причала внутренней гавани отчаливает большой корабль. Отойдя от пристани и оставляя работающими гребными винтами широкий кильватерный след, лайнер развернулся носом к выходу из гавани. Десятки пассажиров столпились на корме и махали руками на прощание. Мне очень хотелось бы знать, стоит ли среди них Росиито вместе со своим осенним рыцарем, сборщиком металлолома де Реусом. Фермин задумчиво глядел на корабль.

— Как вы думаете, Даниель, Росиито будет счастлива?

— А вы, Фермин? Вы сами будете счастливы?

Корабль удалялся, фигурки на палубе уменьшились и в конце концов стали неразличимы.

— Фермин, мне не дает покоя один вопрос. Почему вы не захотели, чтобы вам дарили подарки на свадьбу?

— Я не люблю ставить людей в затруднительное положение. И кроме того, что нам делать с наборами рюмок, ваз, чашек и ложек, с выгравированным гербом Испании и прочими вещами, которые обычно преподносят молодоженам.

— Ну а мне будет приятно сделать вам подарок.

— Даниель, вы уже сделали мне бесценный подарок, самый лучший в мире.

— Это не в счет. Я имею в виду подарок для личного пользования и удовольствия.

Фермин покосился на меня, заинтригованный не на шутку.

— Надеюсь, не фарфоровую мадонну или распятие? У Бернарды уже собралась грандиозная их коллекция, занимающая столько места, что негде и присесть.

— Не беспокойтесь. Это не предмет.

— Но ведь не деньги же...

— Вам известно, что у меня за душой, к сожалению, нет ни сантима. Денежки водятся у моего тестя, но он ничего мне не обещал.

— Да, эти франкисты последней волны — крепкие орешки.

— Мой тесть — хороший человек, Фермин. Я не хочу с ним ссориться.

— Лучше закроем тему. Но не увиливайте, если вы поманили меня конфеткой. Какой подарок?

— Угадайте?

— Кучу «Сугуса».

— Холодно, холодно...

Фермин вздернул брови, умирая от любопытства. Внезапно его глаза загорелись.

— Неужели... уже пора?

Я кивнул:

— Всеу свое время. А теперь выслушайте меня внимательно. О том, что вы увидите сегодня, нельзя рассказывать никому, Фермин. Никому...

— И даже Бернарде?

Первые солнечные лучи жидкой медью стекали с карнизов на бульваре Санта-Моника. Начиналось воскресное утро, и улицы лежали притихшие и пустынные. Мы нырнули в теснину переулка Арко-дель-Театро, и с каждым шагом ослепительно яркий свет, проникавший в узкую расселину, угасал. К тому моменту, когда мы подошли к высокому деревянному portalу, мы уже погрузились в город теней.

Я поднялся по ступеням и ударил в дверь молоточком. Эхо в глубине дома постепенно замирало, как гаснут волны на озере. Фермин, онемевший от благоговения и напоминавший мальчика перед началом первого религиозного обряда, в котором он принимает участие, посмотрел на меня с беспокойством.

— Не слишком ли рано для визита? — спросил он. — Может, шеф еще баклуши бьет...

— Это не магазин «Эль Сигло». Тут нет расписания рабочих часов, — успокоил я его. — И шефа зовут Исаак. Не произносите ни слова, пока он к вам не обратится.

Фермин был само послушание:

— Не издам ни звука.

Через пару минут я услышал, как начался танец восхитительно сложной системы шестеренок, блоков и рычагов, приводивших в движение засовы портала, и отступил на нижнюю ступеньку. Дверь на пядь приоткрылась, и в щели показалось незабываемое лицо хранителя, Исаака де Монтфорта, с ястребиными чертами и острым пронизательным взглядом. Его глаза остановились сначала на моей персоне и после беглого осмотра принялись добросовестно просвечивать насквозь, сверлить и каталогизировать Фермина.

— Полагаю, это и есть знаменитый Фермин Ромеро де Торрес, — пробормотал Исаак.

— К услугам вашим, Господа и...

Я утихомирил Фермина ударом локтя в бок и улыбнулся суровому хранителю:

— Добрый день, Исаак.

— Он станет добрым, Семпере, как только вы прекратите являться на рассвете, когда я нахожусь в уборной или собираюсь на предписанную мессу в церковный праздник, — ответил Исаак. — Входите.

Хранитель приоткрыл створку еще на одну пядь, позволив нам протиснуться в дом. Захлопнув за нами дверь, Исаак поднял с пола светильник, и очам Фермина предстала причудливая механическая вязь замка, который пришел в движение, вновь закрываясь и напоминая в этот момент внутренности самых больших часов в мире.

— Да, здесь воришке пришлось бы туго, — вырвалось у него.

Я с упреком посмотрел на него и быстро приложил палец к губам.

— Взять или отдать? — спросил Исаак.

— Если честно, я давно хотел привести Фермина, чтобы он своими глазами увидел это место. Я очень много ему о нем рассказывал. Фермин — мой самый близкий друг, и сегодня в полдень он женится, — объяснил я.

— Да храни его Бог, — отозвался Исаак. — Бедняга. Уверены, что не хотите удрать со свадьбы? Я мог бы предоставить вам убежище.

— Фермин из тех мужчин, кто сознательно идет к алтарю, Исаак.

Хранитель смерил моего друга взглядом с головы до ног. Фермин виновато улыбнулся, как будто просил прощения за дерзость.

— Какая отвага!

Исаак повел нас длинным коридором к устью галереи, выходившей в главный зал. Я отстал от Фермина на несколько шагов, желая, чтобы он сам увидел зрелище, которое невозможно описать словами.

Его небольшая фигурка растворилась в широком потоке света, который низвергался из стеклянного купола, парившего в вышине. Сияние клубящимся каскадом распространялось по потаенным уголкам фантастического лабиринта коридоров, туннелей, лестниц, арок и сводов. Они будто вырастали из земли, подобно могучему дереву с раскидистой кроной. Образуя немыслимые геометрические формы, сложенные из книг бесконечные ветви устремлялись к небу. Фермин остановился у начала перехода, служившего своеобразным мостиком к основанию конструкции, и с открытым ртом взирал на открывшуюся панораму. Я незаметно приблизился к нему и положил руку на плечо.

— Фермин, добро пожаловать на Кладбище Забытых Книг.

По собственному опыту могу сказать, что человек, впервые попавший в это место, обычно бывает заморожен, пленен его чарами, переживает подлинное потрясение. Дивная красота и таинственность лабиринта повергают гостя в молчание, окуная его в мир созерцательности и грез. Естественно, Фермин не мог не повести себя иначе. Первые полчаса он, как загипнотизированный, бродил с безумным видом по закоулкам грандиозной головоломки, которую представлял собой лабиринт. Он задерживался у аркбутанов и колонн и постукивал по ним костяшками пальцев, словно сомневаясь в их надежности. Он складывал ладони трубочкой и подносил к глазам на манер бинокля, оценивая углы и линейную перспективу, пытаясь вычислить логику структуры. Уткнув свой немалый нос в корешки книг, которые образовывали бесконечную ленту, намечавшую бескрайние тропы в букинистических дебрях, он промаршировал по спирали библиотек, собирая урожай в виде названий и составляя каталог открытий, сделанных по пути. Я следовал за ним на небольшом расстоянии, испытывая волнение и тревогу.

Я уже начал опасаться, что Исаак выгонит нас отсюда взашей, когда столкнулся с хранителем на одном из мостиков, проложенных в воздухе под книжными сводами. К моему величайшему удивлению, его лицо не выражало ни малейших признаков негодования — напротив, Исаак добродушно улыбался, наблюдая за первыми шагами Фермина на пути познания Кладбища Забытых Книг.

— Ваш друг — большой оригинал, — поделился своим мнением Исаак.

— Вы не представляете, до какой степени.

— Не беспокойтесь, пусть чувствует себя как дома. Скоро он спустится с небес на землю.

— А если он заблудится?

— Я так понимаю, он далеко не промах. Он справится.

У меня такой уверенности не было, но я не стал спорить с Исааком. Хранитель удалился в комнатку, иногда служившую конторой. Я составил ему компанию и с благодарностью принял из его рук чашку кофе.

— Вы ведь успели объяснить своему другу правила?

— Фермин и правила плохо уживают. Но я изложил ему основные тезисы, на что он мне ответил без колебаний: «Разумеется, за кого вы меня

принимаете?»

Повернувшись, чтобы вновь наполнить мою чашку, Исаак поймал мой взгляд, устремленный на фотографию Нурии, висевшую над его письменным столом.

— Скоро исполнится два года, как ее нет с нами, — промолвил хранитель с печалью, от которой у меня перехватило дыхание.

Я опустил голову, придавленный чувством вины. Даже через сто лет я буду помнить о смерти Нурии, равно как и о том, что если бы женщина, на свое несчастье, не познакомилась со мной, возможно, она осталась бы жива. Исаак с нежностью смотрел на портрет своей дочери.

— Я старею, Семпере. Скоро настанет время уступить свой пост кому-нибудь другому.

Я собрался возразить против подобных утверждений, но мне воспрепятствовал Фермин, торопливо вошедший в комнатку. Он тяжело дышал, словно только что пробежал марафонскую дистанцию.

— Ну и как? — спросил Исаак. — Как вам здесь понравилось?

— Великолепно. Однако я не обнаружил здесь туалета, во всяком случае, на бегу.

— Надеюсь, вы не пописали где-нибудь в укромном уголке?

— Я сделал над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы добраться сюда.

— Первая дверь налево. За цепочку нужно дернуть два раза, с первого слив не срабатывает.

Пока Фермин справлял нужду, Исаак налил ему чашку дымящегося кофе, дожидавшуюся его возвращения.

— Дон Исаак, у меня есть ряд вопросов, которые я желал бы вам задать.

— Фермин, сомневаюсь, что... — вмешался я.

— Спрашивайте, спрашивайте.

— Первый вопрос касается истории этого места. Второй вопрос технического порядка и относится к его архитектуре и архитектонике. А третий носит чисто библиографический характер...

Исаак расхохотался. Я в жизни не слышал, чтобы он смеялся, и потому не знал, означал ли его смех благословение свыше или же он являлся предвестником неминуемой катастрофы.

— Прежде всего вам надлежит выбрать книгу, которую вы хотели бы спасти, — напомнил Исаак.

— Я присмотрел кое-какие издания, но, отдавая дань сентиментальности, позволил себе выбрать эту.

Фермин извлек из кармана томик, переплетенный в красную кожу с тисненным золотом названием и гравированным изображением черепа на фронтисписе.

— Господи, «Город проклятых, книга тринадцатая: Дафна и крутая лестница», Давида Мартина, — прочитал Исаак.

— Старый знакомый, — пояснил Фермин.

— Можете не рассказывать. Видите ли, было время, когда я частенько его тут видел, — сказал Исаак.

— Наверное, до войны, — предположил я.

— Нет, не только... И потом тоже.

Мы с Фермином уставились друг на друга. У меня возник вопрос, в своем ли уме Исаак или он незаметно стал слишком немощен для должности хранителя.

— У меня нет намерения противоречить вам, но то, что вы говорите, — невозможно, — промолвил Фермин.

— Невозможно? Вам следовало бы пояснить, что вы имеете в виду...

— Давид Мартин бежал из страны накануне войны, — принялся объяснять я. — В начале 1939-го, в конце схватки сторон, он перебрался опять через Пиренеи, и через несколько дней его задержали в поселении Пуигсерда. Он находился в тюрьме до середины 1940 года, когда был убит.

Исаак недоверчиво взирал на нас.

— Поверьте, что наши источники заслуживают доверия, — подтвердил Фермин.

— Могу вам поклясться, что Давид Мартин сидел на том самом стуле, на котором расположились вы, Семпере. И мы с ним немного побеседовали.

— Вы уверены, Исаак?

— Я уверен в этом, как ни в чем более, — серьезно отвечал хранитель. — Встреча с ним запомнилась мне очень хорошо, потому что до того уже несколько лет мы с Мартином не виделись. Он выглядел измученным и больным.

— Вы не можете назвать приблизительно дату, когда он приходил?

— Могу назвать совершенно точно. Это была последняя ночь 1940 года, новогодняя ночь. И тогда я видел его в последний раз.

Мы с Фермином погрузились в вычисления.

— Значит, то, о чем Ханурик рассказывал Бриансу, оказалось правдой. В ночь, когда Вальс приказал отвезти Мартина в особняк около парка Гуэль и прикончить его там... Ханурик признавался, что подслушал, как конвоиры между собой обсуждали какое-то чрезвычайное происшествие...

Будто в заброшенном доме был кто-то еще... Некто, не позволивший убить Мартина... — фантазировал я.

Исаак в замешательстве слушал мои разглагольствования.

— О чем вы оба ведете речь? Кому понадобилось убивать Мартина?

— Это длинная история, — дипломатично ответил Фермин. — С километровыми примечаниями.

— Тешу себя надеждой, что однажды вы мне ее расскажете...

— Как вам показалось, Исаак, Мартин был в здравом уме? — спросил я.

Исаак пожал плечами:

— В случае с Мартином это всегда было трудно понять... У этого человека была истерзанная душа. Когда он собрался уходить, я попросил позволения проводить его до поезда, но он меня заверил, что на улице его дожидается машина.

— Машина?

— «Мерседес-бенц», ни много ни мало. Автомобиль принадлежал кому-то, кого Мартин именовал Патроном и кто вроде бы ждал его у дверей. Но когда я вышел вместе с Мартином на крыльцо, то не увидел ни машины, ни патрона, никого и ничего...

— Не поймите превратно, шеф, но ведь приближался Новый год, и вы наверняка пребывали в праздничном настроении по такому случаю. Не могло получиться так, что вы капельку переборщили с игристым и столовым вином, и, оглушенный рождественскими гимнами и высоким содержанием сахара в нуге из Хихона, вообразили всю сцену? — поинтересовался Фермин.

— На обвинение в злоупотреблении игристым отвечу, что я пью только газировку. А единственное пойло, имеющееся в моем распоряжении, — это бутылочка с перекисью водорода, — с достоинством возразил Исаак, не выказывая обиды.

— Прошу простить мои сомнения. Я всего лишь соблюдал необходимые формальности.

— Я догадываюсь. Но поверьте, что Мартин был не более мертв, чем вы или я, если только меня не навестило привидение. А предположение, что ко мне явился призрак, я решительно отвергаю, поскольку у Мартина кровоточило ухо и лихорадочно дрожали руки, не считая того обстоятельства, что он умял весь мой запас сахара.

— А Мартин не объяснил, с какой целью он к вам пришел спустя столько лет?

Исаак кивнул:

— Он сказал, что хочет оставить кое-что на хранение, предупредив, что заберет свое имущество, как только сможет. Сам лично или пришлет доверенного человека...

— И что он вам оставил?

— Сверток, упакованный в бумагу и перевязанный бечевкой. Я не знаю, что в нем.

Я с трудом проглотил комок в горле.

— И сверток до сих пор у вас? — спросил я севшим голосом.

Сверток, извлеченный со дна шкафа, лежал на письменном столе Исаака, подернутый тонким слоем пыли. Едва я коснулся его пальцами, как пыль легким облаком взмыла в воздух, переливаясь в лучах светильника в руках Исаака. Хранитель стоял рядом с левой стороны. Фермин, прикрывавший меня с правого фланга, раскрыл свой складной перочинный нож и протянул его мне. Мы посмотрели друг на друга.

— С Богом, — напутствовал Фермин.

Я поддел лезвием бечевку, которой был обмотан свертки из грубой оберточной бумаги, и перерезал ее. С величайшей осторожностью я разворачивал упаковочную бумагу, открывая содержимое свертка. Это оказалась рукопись. Толстая рукопись с замусоленными страницами, запятнанными каплями воска и крови. Заглавие на титульном листе было выведено чудовищным почерком:

«Игра ангела» Давида Мартина

— Книга, которую он писал в заточении в башне, — пробормотал я. — Наверное, Ханурик ее спас.

— В свертке есть еще что-то, — подсказал Фермин.

Из-под манускрипта выглядывал уголок пергамента. Потянув за него, я вытащил конверт, запечатанный алым сургучом с оттиском фигурки ангела. На конверте красными чернилами пламенело одно-единственное слово:

Д а н и е л ь

У меня похолодели руки. Исаак, наблюдавший за действием со смешанным чувством изумления и смущения, незаметно отступил к двери. Фермин последовал за ним.

— Даниель, — негромко окликнул меня друг, — мы оставляем вас, чтобы не стоять над душой и чтобы вы могли спокойно и без свидетелей вскрыть конверт...

Я слушал, как удаляются их неспешные шаги, и даже уловил начало разговора.

— Кстати, шеф, от волнения я забыл упомянуть, что перед тем, как войти к вам, невольно подслушал, как вы изъявляли желание выйти в отставку и покинуть свой пост.

— Верно. Я уже очень много лет нахожусь здесь, Фермин. А в чем дело?

— Видите ли, я понимаю, что мы знакомы совсем недолго и все такое, но, может, вас заинтересует...

Голоса Фермина с Исааком поглотило эхо лабиринта Кладбища Забытых Книг. Оставшись в одиночестве, я сломал алую сургучную печать. В конверте лежал один сложенный лист бумаги цвета охры. Я развернул его и начал читать.

«Барселона, 31 декабря 1940 года.

Дорогой Даниель!

Я пишу эти строки в надежде и уверенности, что однажды ты найдешь это место — Кладбище Забытых Книг. То самое место, которое полностью перевернуло мою жизнь, как перевернет оно и твою, в чем я нисколько не сомневаюсь. Та же надежда внушает мне веру, что к тому времени, когда меня уже здесь не будет, возможно, кто-нибудь расскажет тебе обо мне и о дружбе, связывавшей меня с твоей матерью. Я понимаю, что, если ты прочтешь это письмо, тобой овладеют сомнения и возникнет немало вопросов. Некоторые ответы ты найдешь на страницах рукописи, где я попытался изложить историю своей жизни так, как помню ее. Ибо я осознаю, что дни моего рассудка сочтены, и нередко я в состоянии воскресить в памяти лишь то, чего не было.

Знаю я и о том, что ты получишь это письмо тогда, когда время почти сотрет следы прошлого. И я предвижу, что душу твою заполнят подозрения, а если правда о последних днях твоей матери дойдет до тебя, ты разделишь со мной гнев и горечь и жажду мести. Говорят, мудрости и справедливости свойственно

великодушно прощать. Но я не сомневаюсь, что не смогу простить никогда. И до последнего дыхания, до последней своей минуты я готов мстить за смерть Исабеллы. Таков мой жребий. Но у тебя иная судьба.

Твоя мать ни за что на свете не пожелала бы тебе такой жизни, какую прожил я. Она хотела бы, чтобы твоя жизнь была полнокровной и счастливой, свободной от ненависти и злобы. Ради нее я прошу тебя прочитать мою историю, а когда ты закончишь, немедленно уничтожить ее. Я умоляю забыть все, что ты успел услышать о прошлом, более не существующем, изгнать из своего сердца гнев. Я хочу, чтобы твоя жизнь стала такой, какую мечтала дать тебе мать, и ты всегда смотрел только вперед.

Если однажды, преклонив колена на ее могиле, ты почувствуешь, что огонь ярости овладевает тобой, вспомни, что в твоей истории, как и в моей, присутствует ангел, которому известны все ответы.

Твой друг, Давид Мартин».

Я читал и перечитывал слова Давида Мартина, обращенные ко мне сквозь толщу времени. Мне показалось, что эти слова были пронизаны раскаянием и безумием, и я сомневался, что до конца понял их смысл. Несколько мгновений я подержал письмо в руках, потом поднес лист бумаги к пламени свечи, наблюдая, как он обращается в пепел.

Я нашел Фермина с Исааком у подножия лабиринта. Они оживленно беседовали, как старые друзья. Парочка умолкла, едва заметив мое появление, и оба выжидательно уставились на меня.

— Содержание письма касается только вас, Даниель. Вы не обязаны нам о нем докладывать.

Я не стал возражать. Отголоски колокольного звона просочились сквозь стены. Исаак взглянул на нас, а потом на часы:

— Послушайте, а разве вы сегодня не идете на свадьбу?

Невеста шла под венец в белом платье, и хотя она не сверкала драгоценностями, не существовало в мире женщины, которая в глазах жениха была бы прекраснее Бернарды в день свадьбы. Этот день в начале февраля был пронизан солнечным светом, заливавшим площадь перед церковью Санта-Ана. Для украшения входа в храм Дон Густаво Барсело, согласно принципу «все или ничего», скупил до последнего стебелька все цветы в Барселоне и рыдал теперь, как Магдалина. Священник, приятель жениха, поразил гостей проникновенной церемонией, вызвавшей слезы даже у Беа, которую было нелегко растрогать.

Я отличился, едва не уронив кольца, но о моей оплошности забыли, когда священник, покончив с пролегоменами, предложил Фермину поцеловать невесту. Именно тогда я на миг повернул голову, и мне почудилось, будто на последней в ряду скамье сидел незнакомец, смотревший на меня с улыбкой. Неведомо почему я мгновенно проникся уверенностью, что этот незнакомец был не кто иной, как Узник Неба. Но когда я снова поглядел в ту сторону, его уже в церкви не было. Рядом со мной Фермин крепко обнял Бернарду и без стеснения наградил ее поцелуем, который гости во главе со священником встретили овациями.

Тогда, глядя, как мой друг целует у алтаря любимую женщину, я подумал, что этот миг, короткое мгновение, похищенное у Бога и времени, стоит страданий и горестей, которые пришлось вынести в прошлом, а также тех трудностей и печалей, которые наверняка ожидают нас в будущем, когда жизнь потечет своим чередом. Еще я подумал, что все самое искреннее и достойное в нашем несовершенном мире, то, ради чего стоит дышать, сосредоточено в слившихся устах, в сплетенных руках и в сияющих глазах, обращенных друг на друга, двух счастливых людей, которые, я уверен, не расстанутся до конца своих дней.

Эпилог

1960 год

В лучах полуденного солнца, под небом, одолжившим синеву у моря, среди надгробий кладбища шагал молодой человек с затаенной печалью во взоре и с несколькими седыми волосками, пробивавшимися в шевелюре.

На руках он нес мальчика, еще едва лепетавшего, но с улыбкой заглядывавшего в глаза отца. Вместе они подошли к скромной могиле, расположенной чуть поодаль, на балюстраде, нависавшей над волнами Средиземного моря. Молодой человек опустился на колени у могилы и, придерживая ребенка, позволил ему водить пальчиком по буквам, выбитым на плите:

Исабелла Семпере
1917–1939

Мужчина замер, крепко зажмурившись, чтобы сдержать слезы.

Возглас сына вернул его к действительности. Открыв глаза, он увидел, что ребенок тянется к фигурке, видневшейся среди лепестков засохших цветов, выбивавшихся из стеклянной вазы у подножия памятника. Молодой человек знал точно, что в последний раз, когда он навещал могилу, никакой вазы не было. Он запустил пальцы в сухой букет и вытащил гипсовую статуэтку. Она оказалась миниатюрной и легко уместилась в кулаке. Ангел. Слова, казалось, прочно позабытые, внезапно всплыли в памяти, прожигая болью, как открывшаяся старая рана.

«Если однажды, преклонив колена на ее могиле, ты почувствуешь, что огонь ярости овладевает тобой, вспомни, что в твоей истории, как и в моей, присутствует ангел, которому известны все ответы...»

Мальчик попытался схватить фигурку, лежавшую на раскрытой ладони отца, и, коснувшись ее пальчиками, нечаянно толкнул. Статуэтка упала на мраморную плиту и разбилась. И тогда мужчина увидел, что в гипсе прятался крошечный комочек бумаги, тонкой, почти прозрачной. Расправив его, молодой человек тотчас узнал руку, написавшую памятку:

Маурисио Вальс
Эль Пинар
Улица Мануэля Арнуса Барселона

Порыв морского ветра пронесся над могильными плитами, и в лицо пахнуло дыханием проклятия. Молодой человек спрятал записку в карман. Положив на могилу белую розу, он с малышом на руках пустился в обратный путь к кипарисовой аллее, где их возвращения дожидалась мать ребенка. Все трое обнялись. Но, заглянув мужу в лицо, женщина увидела в его глазах выражение, которого раньше не было. Их переполняло мрачное мутное исступление, испугавшее ее до дрожи.

— Ты здоров, Даниель?

Он долго смотрел на нее и наконец улыбнулся.

— Я люблю тебя, — сказал он и поцеловал ее, осознавая, что история, его история, еще не закончилась.

Она только началась.

Об авторе и его книгах

Карлос Руис Сафон — самый популярный испаноязычный автор последних лет.

Цикл «Кладбище забытых книг»

Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением. Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

ИГРА АНГЕЛА

В «Игре ангела» спрятано несколько игр, в том числе и игра с читателем, ведь читая ее, он не заметит, как сам станет автором и персонажем. Берегитесь — вы ступили на зыбкую почву... и не жалуйтесь, будто вас не предупредили. До встречи — по ту сторону бытия...

Карлос Руис Сафон

ТЕНЬ ВЕТРА

Живая, стремительная, восхитительная проза — настоящее культурное пиршество!

«Publishers Weekly»

УЗНИК НЕБА

В этой истории есть все: доброта и жестокость, жертвенность и холодный цинизм, любовь и ненависть, фантазия и реальность, но главное — в ней есть душа.

«New York Journal of Books»

notes

Примечания

Говорит (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.

Песнопения в одном из стилей фламенко.

3

Город в Каталонии, где родился композитор Исаак Альбенис.

Артур Рэкхем (1867–1939) — английский художник-график.

Литературный псевдоним (*фр.*).

Общее название легких закусок.

Мясной салат с зеленью и сладким перцем.

На крайний случай (*лат.*).

Город вблизи Мадрида.

Гоминиды (*лат. hominidae*) — большие человекообразные обезьяны, относятся к семейству высокоразвитых приматов, к этому семейству принадлежит и человек.

Или манчего — твердый овечий сыр.

Ладислав Кубала (1927–2002) — венгерский, чехословацкий и испанский футболист и тренер.

Родриго Диас де Бивар (1040(44?)—1099) — Эль Сид Кампеадор, полководец и политик, легендарный герой Реконкисты, известны два меча Сиды — Тисона (более знаменитый клинок) и Колада.

Хуан Альварес Мендисабаль (1790–1853) — испанский политик, участник буржуазных революций. Занимая пост министра финансов, проводил политику деамортизации, т. е. распродажи земель, принадлежавших церкви.

Каганеры — фигурки человечков, справляющих большую нужду. Часто такие статуэтки изображают известных людей. Дарить и ставить каганеры в вертеп является распространенной традицией в Каталонии.

Специальная сковорода с двумя ручками для приготовления национального испанского блюда — паэлья.

Принадлежности (*ut.*).

Такое название носил испанский город Ферроль (Галисия) с 1938 по 1982 год, будучи переименован в честь Франсиско Франко, уроженца Ферроля, правившего Испанией в 1936–1975 гг.

Рагу из свиной головы и ножек.

Десерт из взбитых яиц, молока и сахарной карамели.

Маргарита Ксиргу (1888–1969) — известная испанская актриса и режиссер.

В католической церкви «обязательные» или «предписанные» праздники — дни, когда посещение мессы прихожанами обязательно.

Республиканцев.

Концертный зал в Барселоне, признанный шедевр мировой архитектуры.

Мигель де Унамуно-и-Хуго (1864–1936) — испанский философ, писатель и общественный деятель.

Дорогой мертвых (*лат.*).

Сальвадор Сегуи (1886–1923) — видный деятель каталонского профсоюзного движения. Прозвище Сахарный Мальчик получил за привычку пить кофе с сахаром вприкуску.

Сайнете — жанр испанского театра, веселое музыкальное представление.

Дуррути-и-Доминго Буэнавентура (1896–1936) — член Национальной конфедерации труда, видный деятель анархистского движения в Испании в 20–30-е гг. XX в.

Помещение для хранения скелетированных останков.

Проспект Параллель в Барселоне — каталонский аналог Бродвея или Монмартра.

Не цыган, чужак.

Ссылка на эпизод из романа В. Гюго «Отверженные». Герой романа, Жан Вальжан, украл серебро излома священника, приютившего бывшего каторжника.

Мачадо Антонио (1875–1939) — испанский поэт, драматург, мыслитель.

Зд.: в последний момент (*лат.*).

Ж. Труэта-и-Распай (1897–1977) — каталонский врач, хирург, ученый. Во время гражданской войны в Испании применил на практике новаторский метод лечения ран и переломов.

Традиционная испанская закуска — обжаренный во фритюре картофель с острым томатным соусом.

Миура (Андалусия) — самая известная ганадерия (ферма), на которой выращивают боевых быков для корриды с 1842 г. Быки Миура славятся своей мощью и свирепостью.

Философско-социологическая концепция, согласно которой не человек, а общество первично и устроено как социально-биологический организм.

Песочное печенье с орехами.

Во благо, бескорыстно (*лат.*).

Зейн Грей (1872–1939) — американский писатель, один из основоположников вестерна.

Хуан Тенорио — легендарный прототип Дон Жуана.

Десерт из яичных желтков и сахарной карамели.

Мануэль Пертегас (род. 1917) — известный испанский модельер, создатель свадебного платья принцессы астурийской Летиции (2004).